

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Уральский федеральный университет имени первого
Президента России Б. Н. Ельцина»
Уральский гуманитарный институт
Кафедра русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации

На правах рукописи

Дао Динь Тхао

**Аксиологические константы речевой коммуникации по данным русской
фразеологии и афористики**

Специальность 10.02.01 – русский язык

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
профессор Н. А. Купина

Екатеринбург – 2020

Оглавление

Введение	4
Глава 1. Фразеология и афористика: эвристические возможности лингвоаксиологической интерпретации	12
1.1. Системный подход к описанию фразеологических единиц. Афоризм и афористика.....	12
1.2. Интерпретация фразеологизмов и афоризмов в границах научной антропоцентрической парадигмы	38
1.2.1. Лингвокультурологический аспект интерпретации фразеологизмов и афоризмов.....	39
1.2.2. Коммуникативно-прагматический аспект интерпретации фразеологизмов и афоризмов	47
1.2.3. Лингвоаксиологический аспект интерпретации фразеологизмов и афоризмов.....	53
Выводы	64
Глава 2. Фразеологизмы, номинирующие и характеризующие речь и речевое общение	67
2.1. Структура тематической группы фразеологических единиц «Речь и речевое общение»: опыт семантического и лингвоаксиологического анализа ..	67
2.2. Аксиологические константы речевой коммуникации по данным фразеологии.....	128
2.3. Лингвокультурные типы	138
Глава 3. Аксиологическое содержание афористических высказываний о языке и речевой коммуникации	143
3.1. Базовые коммуникативные ценности в зеркале афористики.....	143
3.2. Аксиологические константы кооперативной речевой коммуникации.....	158
3.3. Лингвокультурные типы: опыт лингвоаксиологической интерпретации.....	177

Выводы	187
Заключение	190
Список использованных словарей русского и вьетнамского языков	192
Сборники афоризмов.....	195
Список литературы	196
Приложение к главе 3. Указатель имен	224

Введение

Диссертационная работа посвящена исследованию аксиологических констант речевой коммуникации, отраженных в русской фразеологии и афористике.

В общей системе национальных ценностей выделяются ценности коммуникативные [Дементьев 2013; Ларина 2009: 43–51 и др.]. Представления о коммуникативных ценностях и правилах речевого общения в определенной лингвокультурной среде складываются исторически, закрепляются и сохраняются языковой традицией. Ценности номинируются, отражаются в значениях фразеологических единиц. Ценностные предпочтения, правила речевого поведения фиксируются прецедентными текстами, интерпретируются писателями в литературно-художественных произведениях.

Актуальность работы определяется необходимостью целостного лингвистического описания тематически связанных подсистем фразеологических единиц, семантика которых содержит компоненты ‘язык’, ‘речь’, выявлением эвристических возможностей лингвоаксиологической интерпретации фразеологизмов и афористических высказываний о языке и речевой коммуникации.

Степень разработанности проблемы. В рамках диссертационного исследования выделяется несколько тематических полей, являющихся объектом теоретического осмысления.

Исследования по общим вопросам фразеологии (Н. Ф. Алефиренко, Н. Н. Амосова, В. Л. Архангельский, О. С. Ахманова, А. М. Бабкин, В. В. Виноградов, В. Г. Гак, В. П. Жуков, М. Л. Ковшова, Б. А. Ларин, В. М. Мокиенко, А. И. Молотков, В. Н. Телия, А. И. Федоров, Н. М. Шанский, С. Г. Шулежкова, Cao Đình Tú, Hoàng Văn Hành, Nguyễn Văn Ngọc, Nguyễn Văn Mệnh, Nguyễn Thiện Giáp и др.).

Труды, в которых освещаются лингвокультурологические, коммуникативно-прагматические и лингвоаксиологические проблемы, связанные с изучением фразеологизмов (Л. В. Балашова, А. Н. Баранов, Е. М. Верещагин, Т. А. Гридина,

Д. О. Добровольский, М. Л. Ковшова, Н. И. Коновалова, Ле Дык Тху, Ли Вэньлу, В. М. Мокиенко, В. Н. Телия, Фунг Чонг Тоан, Л. В. Христюлова, С. Г. Шулежкова, Dương Quảng Hàm, Nguyễn Xuân Hòa и др.).

Исследования по афористике (Н. Л. Векшин, Е. М. Верещагин, М. Л. Гаспаров, О. А. Дмитриева, Е. Е. Иванов, А. В. Королькова, Д. С. Лихачев, Ю. Е. Прохоров, Л. И. Сокольская, Н. Т. Федоренко, М. Н. Эпштейн, Nguyễn Như Ý и др.).

Труды по проблемам речевой коммуникации (Н. Д. Арутюнова, А. Г. Балакай, М. М. Бахтин, И. Н. Борисова, Л. Г. Викулова, Т. Г. Винокур, В. Г. Гак, Б. Н. Головин, В. Е. Гольдин, Г. П. Грайс, Д. Б. Гудков, В. В. Дементьев, Е. А. Земская, О. С. Иссерс, М. А. Кормилицына, В. Г. Костомаров, В. В. Красных, Л. П. Крысин, Р. Лакофф, А. А. Леонтьев, Дж. Лич, Ю. Е. Прохоров, К. Ф. Седов, И. А. Стернин, Е. Ф. Тарасов, В. С. Третьякова, Н. И. Формановская и др.).

Проблема ценностей всесторонне исследована российскими философами (С. Ф. Анисимов, М. М. Бахтин, Н. А. Бердяев, А. А. Ивин, В. В. Ильин, Н. О. Лосский, В. В. Розанов, Н. С. Рыбаков, Л. Н. Столович и др.).

В настоящее время активно развивается лингвистическая аксиология – самостоятельное научное направление (Г. И. Богин, И. Т. Вепрева, Е. М. Верещагин, С. Г. Воркачев, В. В. Дементьев, В. И. Карасик, Ю. Н. Караулов, Н. И. Коновалова, В. Г. Костомаров, Н. А. Купина, Т. В. Ларина, О. А. Михайлова, Е. Ф. Серебrenикова, С. Г. Тер-Минасова, И. В. Шалина и др.).

В процессе обработки языкового материала выдвинута следующая **гипотеза**: сформировавшаяся в русской фразеологии тематически определенная группа устойчивых единиц, в семантике которых содержатся семы ‘язык’, ‘речь’, имплицитно транслирует конвенциональные принципы кооперативной речевой коммуникации, которые эксплицитно передаются авторскими афористическими установками и суждениями.

Уточним рабочие определения опорных терминов «аксиологема», «аксиологическая константа».

Аксиологемами называют «концепты (смыслы), которые воспринимаются носителями языка (точнее – лингвокультуры) как абсолютные ценности и

игнорирование которых обществом, обслуживаемым данным языком, осуждается» [Кретов 2016: 140]. В диссертационной работе аксиологема понимается как вербальный знак базовой ценности. Система аксиологем составляет общенациональный «аксиологический лексикон» [Купина 2020: 31], включающий подсистему номинированных коммуникативных ценностей. Если принять предложенное Н. О. Лосским [1931: 64] разграничение ценностей «первичных» и «производных», то целесообразно выделить соответствующие типы аксиологем. Производные аксиологемы конкретизируют концептуальный смысл первичной аксиологемы. Например: добро – *добрый, доброта, добродетельный, добродетельность*. Представляется, что производные аксиологемы могут быть образованы от двух универсальных первичных аксиологем: добро + душа – *добродушный, добродушие*. Как первичные, так и производные аксиологемы входят в состав аксиологического лексикона.

Под константой понимается «некий постоянный принцип культуры» [Степанов 1993: 13]. Мы выявляем принципы, т. е. исходные константные правила, кооперативного речевого общения, отталкиваясь от определения Ю. С. Степанова. Аксиологемы являются регулятивной основой данных принципов. Гипотетически можно предположить, что авторами афоризмов аксиологемы используются в границах сформулированных установок и суждений об эффективной коммуникации.

Цель исследования – выявление семантической и аксиологической специфики фразеологизмов, номинирующих и характеризующих речь и речевое общение, систематизация коммуникативных ценностей и аксиологических констант русской речевой коммуникации по данным фразеологии и афористики.

Достижение поставленной цели предполагает решение определенных **задач**:

– Отталкиваясь от специальной литературы, обосновать теоретическую базу, сформировать терминологический аппарат, соответствующий целевой установке диссертационного исследования; выделить основания выделения и типологии фразеологизмов; охарактеризовать аспекты изучения языкового материала; уточнить специфику аксиологического подхода к русской фразеологии и

афористике.

– Отталкиваясь от предложенного В. В. Виноградовым определения фразеологической единицы, извлечь из словарей русского языка фразеологизмы, номинирующие и характеризующие речь и речевое общение, предложить классификацию соответствующей тематической группы; отталкиваясь от результатов семантического и лингвоаксиологического анализа выделенных подгрупп фразеологических единиц, доказать выдвинутую гипотезу: выявить вербальные знаки коммуникативных ценностей, описать набор конвенциональных принципов русской речевой коммуникации, сконструировать ряд лингвокультурных типажей.

– Систематизировать афористические установки и суждения о языке и речевой коммуникации; на основе результатов анализа аксиологического содержания авторских афоризмов доказать гипотезу об эксплицитной реализации конвенциональных принципов речевой коммуникации; представить опыты лингвоаксиологической интерпретации лингвокультурных типажей.

Этапы исследования выделяются в соответствии с выдвинутыми задачами:

– На **первом этапе** систематизируются идеи и методы современной фразеологии, лингвокультурологии, коммуникативной прагматики и лингвоаксиологии, связанные с выявлением ценностей русской лингвокультуры и описанием конвенциональных принципов речевой коммуникации.

– На **втором этапе** исследования анализируются фразеологические единицы, в языковой семантике которых содержатся семы ‘язык’, ‘речь’, разрабатывается классификация фразеологизмов, обозначающих и характеризующих речь и речевое общение, фиксируются выявленные в ходе комплексного анализа базовые коммуникативные ценности, устанавливаются константы кооперативной речевой коммуникации, выделяются лингвокультурные типажи.

– На **третьем этапе** анализируются афористические установки и суждения о языке и речевом общении, уточняются конвенциональные принципы русского коммуникативного взаимодействия, разрабатывается опыт анализа лингвокультурных типажей.

Объект исследования – языковые средства выражения базовых коммуникативных ценностей и принципов кооперативной речевой коммуникации.

Предмет исследования – семантика и аксиологическое содержание фразеологизмов с семами ‘язык’, ‘речь’ и афоризмов о языке, речи и коммуникативном взаимодействии.

Материал исследования – данные фразеологических словарей русского языка: «Большой фразеологический словарь русского языка» [БФСРЯ 2009]; «Фразеологический словарь русского литературного языка» [ФСРЛЯ 2008]; «Фразеологический словарь русского языка» [ФСРЯ 1978]; «Фразеологический словарь современного русского литературного языка» [ФССРЛЯ 2004]; данные сборников афоризмов: «Русский язык в афоризмах» [РЯА 2008]; «Словарь афоризмов русских писателей XVII-XX вв.» [СА 2004]; «Словарь крылатых выражений Пушкина» [СКВП 1999]; «Русские афоризмы: изречения, крылатые выражения [РА]; «Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений» [ЭСКСВ 2005] и др. По принципу дополнения привлекались вьетнамские лексикографические источники: «Thành ngữ tiếng Việt» [Nguyễn Lực 2009]; «Từ điển thành ngữ và tục ngữ Việt Nam» [Nguyễn Lâm 2013] «Kho tàng danh ngôn» [KTDN].

Методология и методы исследования. В работе использовались общенаучные методы классификации, наблюдения, интерпретации; для доказательства выдвинутой гипотезы реализована комплексная методика анализа, предполагающая координацию методов и приемов семантического, стилистического, лингвоаксиологического, коммуникативно-прагматического исследования. Для уточнения выводов об аксиологической специфике русской лингвокультуры использовался срезовой контрастивный, в том числе экспериментальный, анализ.

Степень достоверности полученных научных результатов определяется репрезентативностью изученного языкового материала, комплексной методикой анализа, адекватной конкретным задачам исследования, опорой на предложенную В. В. Виноградовым концепцию выделения и типологии устойчивых единиц русского языка.

Научная новизна работы. Проведенный анализ позволил предложить детализированную классификацию тематической группы фразеологизмов «Речь и речевое общение», выявить аксиологическую специфику фразеологических единиц, систематизировать эксплицитно представленные в авторских афористических установках и суждениях принципы русской кооперативной коммуникации, разработать опыты интерпретации лингвокультурных типажей молчуна, болтуна, человека пишущего.

Теоретическая значимость исследования. Полученные научные результаты вносят вклад в теорию лингвистической аксиологии, позволяют углубить сложившиеся представления об аксиологическом своеобразии тематически определенной группы русских фразеологизмов, подтвердить необходимость специального многоаспектного изучения аксиологических констант кооперативной коммуникации по данным русской афористики.

Практическая значимость исследования заключается в том, что его результаты могут оказаться полезными для составления аксиологических, в том числе русско-вьетнамских, фразеологических словарей; материалы диссертации могут быть использованы в учебном процессе: на занятиях по русскому языку как иностранному, а также для разработки спецкурсов по проблемам лингвоаксиологии и коммуникативистике.

Положения, выносимые на защиту:

1. В русском языке сформировалась тематическая группа фразеологизмов «Речь и речевое общение», внутри которой выделяется 16 подгрупп устойчивых единиц, включающих опорные компоненты *язык, речь, слово, губа, рот, уста, зуб, горло, глотка, ухо, глаз, сказанное, голос, шутка, сказка, молчание, молчанка, говорить, сказать, болтать, молчать, слушать, слух*.

2. Семантика исследованных фразеологизмов имплицитно транслирует аксиологические константы кооперативной коммуникации: принципы другоцентризма, искренности, коммуникативной сдержанности, эмоционального самоконтроля, вдумчивого восприятия устной речи, взаимопонимания, согласия.

3. В афористических высказываниях эксплицируются выявленные по данным

фразеологии аксиологические константы кооперативной коммуникации; авторами афоризмов специально интерпретируются принципы коммуникативного прогнозирования, уважительности и вежливости. Интегрирующую функцию в русской речевой коммуникации выполняет принцип другоцентризма. Аксиологические константы кооперативного общения формируются на базе духовно-нравственных, эстетических и собственно коммуникативных ценностей русской лингвокультуры.

4. По данным афористики выделяется фрагмент общенационального аксиологического лексикона, включающий первичные и производные аксиологемы, номинирующие коммуникативные ценности. Язык интерпретируется как первичная общенациональная ценность.

5. По данным фразеологии и афористики можно выделить открытый ряд лингвокультурных типажей: молчун, болтун, сплетник, косноязычный человек, красноречивый человек, острослов, лжец, коммуникативный агрессор, горлопан, правдолюб, человек слова, человек рассеянный, человек пишущий.

Апробация результатов исследования. Материал и основные результаты работы обсуждались на заседаниях кафедры русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина. Материалы по теме диссертации были представлены на международной научно-практической конференции молодых ученых «Актуальные проблемы филологии» (Екатеринбург, 2014), на научном семинаре с международным участием «Национальные ценности в языке и коммуникации» (Екатеринбург, 2015), на II всероссийской заочной научной конференции «Литературоведение, лингвистика и коммуникативистика: направления и тенденции современных исследований» (Уфа, 2018), на международном научном семинаре «Аксиологические аспекты современных лингвистических исследований» (Екатеринбург, 2018), на III международной студенческой научно-практической конференции «В мире русского языка и русской культуры» (Москва, 2019), на международной научной конференции «Аксиологические аспекты современных филологических исследований»

(Екатеринбург, 2019), на международном научном семинаре «Аксиологические аспекты современных филологических исследований» (Екатеринбург, 2020). Содержание работы отражено в 12 публикациях; в рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК РФ, опубликовано 3 статьи.

Структура работы соответствует поставленным задачам. Диссертация состоит из введения, трех основных глав, заключения и включает список использованных словарей русского и вьетнамского языков (32 наименований), перечень сборников афоризмов (9 наименований), список литературы (312 наименований) и приложение. Общий объем диссертации – 223 страниц (без учета приложения).

Глава 1. Фразеология и афористика: эвристические возможности лингвоаксиологической интерпретации

Задача первого этапа исследования: отталкиваясь от специальной литературы, обосновать теоретическую базу, сформировать терминологический аппарат, соответствующий целевой установке диссертационного исследования; выделить основания выделения и типологии русских фразеологизмов; охарактеризовать аспекты изучения языкового материала; уточнить специфику аксиологического подхода к русской фразеологии и афористике.

1.1. Системный подход к описанию фразеологических единиц. Афоризм и афористика

Фразеологизмы – специфические единицы языковой системы. В лингвистической науке широкое признание получили труды Ш. Балли, который выделил признаки фразеологизмов, разграничил свободные и связанные сочетания слов, а также поставил вопрос о принципах классификации несвободных сочетаний [Балли 1955: 106–111; 1961: 89–90].

В области русской фразеологии особую значимость приобрели труды В. В. Виноградова [Виноградов 1977а; 1977б], послужившие толчком к формированию и развитию фразеологии как особой лингвистической дисциплины. Выявление специфики фразеологизмов В. В. Виноградов связывал с проблемой определения слова, словосочетания и предложения. Ставя в центр разработки грамматического учения о слове морфологическую и синтаксическую семантику, он обратил внимание на соотношение слова и словосочетания, выделил устойчивые сочетания в особую область исследования. Границы фразеологии, ее задачи и основные понятия составляют дискуссионную сферу лингвистической науки. В. В. Виноградов подчеркивал, что «неопределенность границ, целей и основных

категорий фразеологии мешает этой дисциплине свободно и самостоятельно развиваться. <...> Неясности содержания фразеологии способствовало и то обстоятельство, что изучение значений слова уже включает в себя обычно и анализ фразовых контекстов его употребления» [Виноградов 1977б: 118]. Проблемным остается вопрос о классификации фразеологизмов. По В. В. Виноградову, семантическое исследование слова как бы поглощает объекты фразеологического изучения, а «фразеологические единицы и фразеологические категории не подвергались принципиальному, обобщающему лингвистическому исследованию...» [Там же: 119]. Именно поэтому устойчивые единицы были выделены ученым для специального анализа.

Фразеология – «раздел языкознания, в котором изучаются лексически неделимые сочетания слов, т. е. особые фразеологические единицы. Фразеологией называют также совокупность свойственных языку несвободных сочетаний...» [Фомина 1990: 304]. Термин «фразеология» образован от двух греческих слов: *phrasis* – «выражение, оборот речи» и *logos* – «учение» [Крысин 2011: 770]. В границах фразеологии исследуются смысловые и структурные особенности фразеологических единиц, их место в системе языка, употребление в составе предложения. Подобно тому, как лексикология изучает словарный состав языка, фразеология занимается изучением его фразеологического состава. Если единицей лексической системы языка является слово, то в системе фразеологической такой единицей является фразеологизм, или устойчивое несвободное сочетание. Предварительно отметим, что именно такие сочетания специально рассматриваются в настоящей работе.

В современной научной литературе используется развернутое определение фразеологизма, фиксирующее отличительные признаки данной языковой единицы. «Фразеологической единицей называется существующая в языке на данном этапе его исторического развития постоянная комбинация словесных знаков: предельная и целостная; воспроизводимая в речи его носителей; основанная на внутренней зависимости членов; состоящая минимум из двух строго определенных единиц лексического уровня, находящихся в

известной последовательности; грамматически организованная по существующим или существовавшим моделям словосочетаний или предложений; обладающая единым значением сочетавшихся элементов, но стабильным в отношении означаемого или выражаемого» [Архангельский 1964: 20]. Данное определение фразеологизма включает набор признаков, каждый из которых специально рассматривается исследователями.

О. С. Ахманова при выделении фразеологизма в качестве основного критерия выделяет «целостность номинации (направленность фразеологического образования в целом на объект номинации) в сочетании с признаком устойчивости (воспроизводимости)» [Ахманова 1957: 168].

А. И. Молотков интерпретирует фразеологизм как «единицу языка, состоящую не из слов, а из компонентов, которые утратили признаки слова (лексическое значение, формы изменения слова и лексико-грамматические особенности слова)» [Молотков 1997: 26].

В. П. Жуков рассматривает фразеологизм как «устойчивую, воспроизводимую, раздельнооформленную единицу языка, состоящую из компонентов, наделенную целостным (реже частично целостным) значением и сочетающуюся с другими словами» [Жуков 1978: 6]. Возможность «частично целостного» значения предполагает наличие особой разновидности фразеологизмов. Последнее следует также из определения В. М. Мокиенко, который относит к фразеологизмам «относительно устойчивые, воспроизводимые экспрессивные сочетания лексем, обладающие (как правило) целостным значением» [Мокиенко 1980: 5].

В. Г. Гак фиксирует следующие универсальные признаки фразеологической единицы: «структурный (они состоят более, чем из одного слова), семантический (они идиоматичны, т.е. характеризуются переосмыслением компонентов) и функциональный (они узуальны, устойчивы)» [Гак 1977: 205].

Фразеологизм — «воспроизводимая в готовом виде языковая единица, состоящая из двух или более ударных компонентов словного характера, фиксированная (т. е. постоянная) по своему значению, составу и структуре»

[Шанский 1985: 20].

В. Н. Телия подчеркивает, что фразеологизмы – это «общее название семантически несвободных сочетаний, слов, которые не производятся в речи (как сходные с ними по форме синтаксические структуры – словосочетания или предложения), а воспроизводятся в ней в узуально закреплённом за ними устойчивом соотношении смыслового содержания и определенного лексико-грамматического состава» [Телия 1997: 605].

Фразеологизм представляет собой семантически неделимое словосочетание, которому «свойственно постоянство особого целостного значения, компонентного состава, грамматических категорий и определенной оценочности» [Валгина 2001: 43].

Л. П. Крысин определяет фразеологическую единицу (фразеологизм) как «семантически несвободное сочетание слов, которое воспроизводится в речи как нечто единое с точки зрения смыслового содержания и лексико-грамматического состава» [Крысин 2007: 167].

Д. Б. Гудков трактует фразеологизмы как «устойчивые по структуре, готовые для воспроизведения различные образные выражения...» [Гудков 2004: 28]. Отметим, что первичная образность со временем может утрачиваться.

Таким образом, к главным признакам фразеологизма относятся устойчивость, постоянство состава, воспроизводимость, целостность семантики. Особая структурная устойчивость фразеологизмов определяется целостностью выражаемого ими значения. Именно поэтому исследователи в своих определениях отмечают, что фразеологизм структурируется из компонентов: в составе фразеологизма, как правило, утрачивается отдельность слова.

Устойчивость структуры обуславливает, в свою очередь, определенную синтаксическую позицию в составе предложения. В качестве примера приведем одну из словарных иллюстраций: *И какая же все-таки вкусная сметана в Ставрополе! Сергей взял на язык и уже ощутил какую-то особую сладость и какой-то необыкновенный аромат* [С. Бабаевский. ФССРЛЯ 2004. Т. 2: 824–825]. Сочетание *взял на язык* всплывает в памяти как целостная единица, обладающая

устойчивым составом. Фразеологизм *взять на язык* в приведенном высказывании употребляется в позиции сказуемого: *взял на язык, ощутил* – однородные сказуемые.

Фразеологизмы в составе предложений реализуются как готовый строительный материал: «они не производятся, а используются в речи как готовые образования» [Шанский 1985: 21]. В этой связи Г. Я. Солганик говорит о «непроизводимости» устойчивых единиц в процессе порождения речи и «производимости» свободных сочетаний [Солганик 2010: 20].

Для носителя русского языка как иностранного важным является критерий невозможности, даже логически оправданной, замены компонента в составе устойчивых несвободных сочетаний. Например, фразеологизм *держать язык за зубами* не допускает варианта *держать язык за губами*, несмотря на то, что логически такой вариант мотивирован. Это значит, что фразеологизм должен осваиваться иностранцем как не подлежащая трансформациям готовая единица языка.

Фразеологический состав общенационального русского языка обширен и разнообразен. Как книжные, так и разговорные фразеологизмы достаточно полно отражены словарями, в отличие от единиц диалектных, просторечных, жаргонных. Между тем, несмотря на то, что основу фразеологической системы составляют фразеологизмы литературного языка, в состав этой системы входят устойчивые единицы, находящиеся за его пределами [См.: Коновалова 2017]. Общенациональный русский язык включает определенные страты [См.: Крысин 2003: 11; см. также: Купина 2014а: 44–45 и др.]. Ю. М. Скребнев предлагает рассматривать национальный язык как систему субъязыков и выделяет в этой связи «абсолютно специфические единицы – свойственные лишь данному субъязыку»; «относительно специфические единицы, т. е. единицы, которые, наряду с данным субъязыком, принадлежат также одному или нескольким другим субъязыкам»; «неспецифические единицы – общие для всех потенциальных субъязыков данного языка, в равной мере принадлежащие каждому субъязыку» [Скребнев 1975: 33]. Субъязык обладает специфическим запасом устойчивых единиц, которые не входят

в состав кодифицированного литературного языка. В диссертационной работе «специфические» единицы отдельных субъязыков не рассматриваются.

В процессе анализа фразеологизмов необходимо учитывать их функционально-стилевую и социальную отмеченность, а также эмоционально-экспрессивную окрашенность. Например, в нормативных словарях устойчивая единица *язык проглотишь*, отмеченная в значении ‘о человеке, который не хочет или не может сказать, рассказывать что-либо’ [ФССРЛЯ 2004. Т. 2: 148], сопровождается пометой «разг.» Это значит, что она маркирована разговорным функциональным стилем и употребляется в литературной речи. Устойчивое сочетание *длинный язык* – ‘кто-либо болтлив, не сдерживается в разговоре’ [ФСРЛЯ 2008: 717] сопровождается пометами «разг.», «ирон.». Это значит, что оно маркировано разговорным стилем и одновременно обладает эмоционально-оценочной окрашенностью, передает особое эмоциональное отношение к болтуну, к тому, кто ‘болтает лишнее’ [ТСОШ 2005: 917]. В толковом словаре «Молодежный сленг» Т. Г. Никитиной [2009] отмечен фразеологизм *язык жевать* с пометами «шутл.», «ирон.». В речи студентов устойчивое сочетание употребляется в значении ‘говорить, выступать с докладом’ [Никитина 2009: 848]. Данное значение отсутствует в языке литературном. Социальная отмеченность (студенческий жаргон) соединяется со сниженной иронической окрашенностью и яркой образностью.

В лингвистической науке сложился системный подход к описанию устойчивых единиц: «Являясь единицей разноплановой, сложной по структурно-семантическим, генетическим, экспрессивно-образным, функциональным и другим признакам, фразеологизм входит в самостоятельную фразеологическую систему» [Фомина 1990: 310]. Для нее характерны: набор единиц, которые фиксируются толковыми и фразеологическими словарями, ряд специфических черт семантической структуры, функционально-стилистические свойства, особенности связей между собой и связей со словами. В этой связи можно выделить аспектный и полиаспектный анализ отдельной устойчивой единицы, а также подсистем единиц, связанных парадигматическими и/или синтагматическими

отношениями.

В основе «парадигматической отношений <...> лежит сходство единиц, относящихся к одному уровню языковой системы и в этом смысле однотипных» [Кузнецова 1989: 29]. Синтагматические отношения заданы языковой системой. Они «проявляются в правилах сочетаемости слов <...> в рамках конкретных высказываний» [Там же: 86]. В этой связи отметим, что один из рассматриваемых нами пластов фразеологизмов может быть объединен в единый парадигматический ряд, во-первых, на основании наличия в их составе стержневого слова *язык*. Так, «Фразеологический словарь современного русского литературного языка» под редакцией А. Н. Тихонова фиксирует 78 фразеологизмов со словом *язык* [См.: ФССРЛЯ 2004. Т. 2: 824–827]. Вариант парадигматического ряда – синонимы, объединяющие близкие по значению слова и фразеологизмы. Например, в составе синонимического ряда с доминантой *разговорчивый* (*болтливый, словоохотливый, речистый, трепливый, празднословный*) имеются фразеологические единицы *слаб / слабый язык, слаб на язык, язык без костей* [Александрова 2001: 415]. Отметим, что не все словари синонимов включают в парадигматический ряд фразеологизмы. Например, в составе извлеченного из «Словаря синонимов русского языка» под редакцией А. П. Евгеньевой ряда *разговорчивый, словоохотливый, говорливый, болтливый* фразеологизмы отсутствуют [Евгеньева 1971. Т. 2: 338]. Между тем в речи свободно используется синонимия слов и устойчивых сочетаний. Представляется, что этот вид системных отношений закреплён в системе языка.

Для носителя русского языка как иностранного освоение синонимии слов и устойчивых сочетаний представляет особую важность: в языковом сознании закрепляется подсистема вербальных знаков, каждый из которых обнаруживает определенный лингвоспецифический взгляд носителя русского языка и культуры на обозначаемое, выделяет детали, образные аналогии, создает эмоциональное впечатление. Парадигматический ряд, включающий синонимически сближенные слова и фразеологизмы, в целом передает культурно-специфическое восприятие участка действительности. В методике преподавания русского языка как иностранного, разработанной на страноведческой основе [См.: Верещагин 1980;

1982], принят именно такой системно-парадигматический подход, приобретающий особую значимость в практике перевода.

Параллельно отметим целесообразность выделения парадигматических рядов, охватывающих антонимические отношения фразеологизмов и слов. Так, устойчивые единицы *слаб на язык, язык без костей* имеют лексические антонимы *неразговорчивый, молчаливый, несловоохотливый* [Львов 2015: 334].

Для иностранца, изучающего русский язык, знание синонимии и антонимии слов и устойчивых единиц – надежная лингвострановедческая база, фундамент понимания русской лингвокультуры, национальной картины мира [Верещагин 1982; Попова 2007].

Фразеологизм имеет свою «программу» сочетаемости, заложенную в системе языка. Например: *Да убирайся-ка, старик!.. Больно у тебя язычок длинен... Да и кто знает?.. может, ты беглый какой* [М. Горький. ФСРЯ 1978: 539]. Типовая синтагма, в которую входит сочетание *длинен язычок* (вариант единицы *длинный язык*), включает предложно-падежный уточнитель *у кого (у тебя)*. Изучение русского языка как иностранного предполагает освоение синтагматических правил в проекции на парадигматические отношения.

Фразеологизмы объединяются в парадигмы по разным признакам: 1) «нелингвистическим, например выделение тематических групп, называющих а) абстрактные предметы и действия <...>; б) конкретные предметы и действия <...>»; 2) «собственно лингвистическим, например по структуре значения – однозначные и многозначные; омонимичные и антонимичные; по степени мотивированности обобщенного значения – сращения, единства, сочетания <...>»; 3) «по стилистическим признакам, например объединение фразеологизмов по стилевой принадлежности – книжные, разговорные и др., стилистической окраске – высокие, уничижительные, презрительные и пр.» [Фомина 1990: 310]. Как видим, существуют различные возможности создания классификаций фразеологических единиц. Объективные результаты обеспечивает многомерная интерпретация.

В процессе исследования синтагматических связей, которые обнаруживаются в составе высказываний и сверхфразовых единств, целесообразно

учитывать контактную и дистантную сочетаемость анализируемого фразеологизма, выделять сильные контекстные партнеры, которые способствуют актуализации в речи языковой семантики и стилистической маркированности данной единицы. В отдельных случаях следует учитывать формирование семантических и стилистических приращений. Контекстологический анализ получает функциональную направленность.

Таким образом, фразеологизмы, вступая в системные отношения между собой и с лексическими единицами языка, образуют систему, которая, в свою очередь, включает подсистемы.

Отбор тематически объединенных фразеологических единиц в диссертационной работе осуществляется на формально-семантическом основании. Мы рассматриваем подсистему фразеологизмов, ядро которой включает семантически опорные компоненты *язык, речь, слово*; ближайшая периферия – глаголы речи и восприятия речи. Дальнейшую периферию подсистемы составляют сочетания, содержащие компоненты с потенциальной семой 'речь'. Уточним, что потенциальными являются «семантические компоненты, некие семантические ассоциации, не фиксируемые словарными дефинициями» [Стернин 2011: 23].

Необходимо разграничивать синхронное и диахронное изучение фразеологизмов. Последним занимается историческая фразеология, важная задача которой заключается в осуществлении этимологических интерпретаций. В настоящей работе осуществляется синхронный подход к объекту, предполагающий изучение фразеологизмов в определенный период времени. Уточним содержание понятия: «Синхрония – состояние языка на одном условно выделенном этапе исторического развития» [Матвеева 2010: 416]. Так, современный русский язык условно можно трактовать в границах «от Пушкина до наших дней» (1); «от 1917 года (Октябрьская революция) до наших дней» (2); как язык постсоветской эпохи (3). Синхронный подход предполагает описание языковых фактов, характерных для конкретного периода развития языка, но не исключает динамического подхода к языковому материалу, т. к. развитие языка осуществляется непрерывно.

Большая часть находящихся в активном употреблении фразеологических

единиц состоит из компонентов, соответствующих действующим языковым нормам. Это касается фразеологизмов, которые анализируются в настоящей работе. Например: *распускать / распустить язык* – ‘не сдерживая себя, теряя над собой контроль, проговариваться, говорить лишнее’; *прикусить язык* – ‘резко, внезапно обрывать речь, воздерживаться от высказывания’; *язык без костей* – ‘кто-либо очень разговорчив, не в меру болтлив, говорит глупости’ [ФСРЯ 1978: 539–542]. Если в составе фразеологизма имеется компонент, вышедший из употребления (например, *притча во языцех*), такой фразеологизм в целом требует диахронного, исторического анализа, который используется в диссертационной работе по принципу дополнения.

Фразеологические единицы не только продукт давних периодов развития русского языка. Немалое их число возникло в советскую эпоху. Из сферы явлений, связанных с социалистическим укладом жизни, с развитием промышленности и сельского хозяйства в СССР, с идеологией, многие понятия получили свое отражение в соответствующих фразеологических единицах. Фразеологизмы-советизмы частично зафиксированы в «Толковом словаре языка Совдепии» [Мокиенко1988]. Например: *сидеть за язык* (лаг.) – ‘быть под следствием или быть осужденным за агитацию’ [Там же: 681]. Включающее страноведческий компонент изучение русского языка как иностранного предполагает освоение фразеологических единиц, функционирующих в разные периоды развития языка.

Фразеологические единицы общенационального русского языка разнообразны по своему составу, значениям, по степени семантической нерасчленённости, функциям в речи. В связи с этим вопрос о границах фразеологии является спорным и вызывает подчас противоречивые суждения. В центре фразеологической системы – устойчивые неделимые сочетания, соответствующие отмеченным выше параметрам. В. В. Виноградов в одной из первых теоретических работ «Основные понятия русской фразеологии как лингвистической дисциплины» (1946) в составе фразеологических единиц рассматривал «и многие фразовые штампы, клише, типичные для разных литературных стилей, и литературные цитаты, и крылатые выражения, и народные пословицы, и поговорки» [Виноградов

1977б: 133], относя их к группе фразеологических единств. Уже в работе «Об основных типах фразеологических единиц в русском языке» (1947) пословицы, поговорки, цитаты не включаются им в состав фразеологии [См.: Виноградов 1977а]. Подобного мнения придерживаются Б. А. Ларин, А. И. Молотков, С. И. Ожегов и др. К фразеологизмам ученые относят семантически эквивалентные слову единицы. За пределами состава фразеологизмов русского языка остаются «пословицы и поговорки», «крылатые слова», «составные термины» [Молотков 1978: 15–16]. Из области фразеологии исключаются также афоризмы, оформленные как синтаксически правильные предложения. Такой подход можно назвать **узким**.

Возможен выход за пределы отмеченного подхода. Исследуя язык басен И. А. Крылова, В. В. Виноградов уделяет особое внимание не только единицам, организованным по типу устойчивого сочетания, но и высказываниям, которые способствует созданию афористичности текста. Не отказываясь от узкого подхода, он описывает авторские обороты, пополнявшие прецедентный фонд русского языка [См.: Виноградов 1990: 151–154]. В современной лингвистической литературе определилось особое направление в решении проблемы типологии фразеологизмов. Его представители (В. Л. Архангельский, А. Н. Баранов, Л. А. Булаховский, Д. Б. Гудков, Д. О. Добровольский, Н. М. Шанский и др.) включают в состав фразеологии как собственно фразеологические (неделимые устойчивые) сочетания, так и пословично-поговорочные выражения, а также цитаты, ставшие крылатыми выражениями. Такие обороты называют фразеологическими выражениями. К ним относят «семантически и синтаксически членимые образования, целиком состоящие из слов со свободным значением, но характеризующиеся устойчивым составом и употреблением» [Шанский 1985: 62]. Основанием для отнесения пословиц, поговорок, крылатых выражений к фразеологии является общность их характеристик: устойчивость компонентного состава, структуры, воспроизводимость в речи в готовом виде, употребительность. Подобный подход можно назвать **широким**.

Два отмеченных подхода характерны для современной вьетнамской

лингвистики. Можно выделить типовое определение, в соответствии с которым фразеологизм трактуется как «устойчивое словосочетание, целостное значение которого не складывается из значений его компонентов» [Nguyễn Văn Tu 1968: 147; см. также: Mai Ngọc Chừ 2001: 157], и определение, в соответствии с которым фразеологизм трактуется как «воспроизводимое образное высказывание» [Đương Quảng Hàm 1951: 15].

Вернемся к узкому подходу, внутри которого В. В. Виноградовым была разработана классификация фразеологизмов, основанная на степени семантической связанности и грамматической отдельности. Выделены и описаны три типа фразеологизмов: фразеологические сращения, фразеологические единства и фразеологические сочетания [Виноградов 1977а: 140–161]. Остановимся на характеристике каждого из выделяемых типов устойчивых единиц в проекции на анализируемый в работе материал [См. также: Дао Динь Тхао 2015: 74–80]. Ниже приводятся отдельные показательные примеры.

Фразеологические сращения – это семантически неделимые и грамматически неразложимые устойчивые сочетания, общее значение которых не складывается из значений слов, их составляющих. В. В. Виноградов пишет: «Несомненно, что легче и естественнее всего выделяется тип словосочетаний абсолютно неделимых, неразложимых, значение которых совершенно независимо от их лексического состава, от значений их компонентов и так же условно и произвольно, как значение немотивированного слова-знака» [Виноградов 1977а: 145]. Еще одно замечание академика: «Фразеологические сращения могут подвергаться этимологизации. Но эта «народная этимология» не объясняет их подлинной семантической истории и не влияет на их употребление». [Там же]. Например, сращение *типун на язык* употребляется в значении ‘недоброе пожелание тому, кто говорит что-либо неприятное или несообразное’ [ФССРЛЯ 2004. Т. 2: 504]. Данное значение реализуется в иллюстративном материале, использованном в отмеченном словаре: *Сама сказала, глупая, типун ей на язык!* [Н. А. Некрасов. Там же]; *Что ты, что ты, Глаша! Типун бы тебе на язык!* [Н. А. Лейкин. Там же]. Слово *типун* в толковом словаре В. И. Даля отмечено в значении ‘птичья болезнь – хрящеватый

на рост на кончике языка' [Даль 1980. Т4: 405]. Этимологический словарь отмечает, что в диалектах бытовало значение 'прыщ на языке птиц или человека' [Фасмер 2007. Т4: 60]. Слово *типун* в настоящее время употребляется только в составе фразеологизма. Значение целого не складывается из самостоятельных значений компонентов *типун*, *язык*, т. е. данную единицу нельзя разложить на составляющие. Дополнительно отметим, что если мы переведем этот фразеологизм на вьетнамский язык буквально (*đầu lưỡi của bạn*), то он не передаст такого значения, как в русском языке. Отмеченное сращение обладает национальной специфичностью, непереводаемостью. Даже носитель русского языка как родного, возможно, не осознает образную основу значения без опоры на словарь. С точки зрения современного языкового сознания, анализируемый фразеологизм можно назвать немотивированным, лишенным образной составляющей, т. к. слово *типун* вышло из активного употребления.

К сращениям можно отнести сочетание *пойти по языкам* – 'получить широкую огласку, стать предметом сплетен' [ФССРЛЯ 2004. Т. 2: 825]. Ни одно из самостоятельных значений слов (*пойти*, *язык*) не реализуется в сочетании *пойти по языкам*, т. е. словосочетание является семантически неделимым. В составе высказывания словосочетание *пойти по языкам* занимает позицию предиката: *Не хочу, чтобы этакая мерзость положения моего пошла по языкам* [Ф. М. Достоевский. Там же]. Фразеологизм, с точки зрения современного языкового сознания, нельзя назвать образным, мотивированным. Толковые словари последних лет в семантическую структуру слова *язык* не включают семему 'народ'. Ср.: *язык* – 'народ, земля, с одноплеменным населением своим, с одинаковой речью' [Даль 1980. Т. 4: 675]. Сращения *притча во языцех* – 'о том, кто / что становится предметом общих разговоров' [ФССРЛЯ 2004. Т. 2: 141]; *дванадцать / дванадцать / двухнадцать языков* – а) 'о многонациональной по составу армии Наполеона во время его войны с Россией 1812 г.'; б) 'о множестве языков и народов' [ФССРЛЯ 2004. Т. 2: 827] имеют в своем составе устаревшие компоненты (*языцех*, *дванадцать*, *двухнадцать*). Данные сращения включают архаизмы [См.: Фасмер 2007. Т. 1: 487]. Их мотивированность уходит в историю.

Фразеологизм вьетнамского языка *đa ngôn đa quá* – ‘слишком много говорит, причиняя себе вред’ [Hoàng Phê 2003: 274] относится к сращениям, т. к. он содержит семантический архаизм: *quá* – ‘ошибка’. В современном вьетнамском языке осознаются два значения: 1) ‘выходить за пределы чего-либо’; 2) ‘крайне, слишком’ [Там же: 797]. Живая мотивированность данной единицы утрачена.

Следует согласиться с В. В. Виноградовым в том, что «основным признаком сращения является семантическая неделимость, абсолютная невыводимость значения целого из компонентов. Фразеологическое сращение представляет собою семантическую единицу, однородную со словом, лишенным внутренней формы. Оно не есть ни произведение, ни сумма семантических элементов. Оно – химическое соединение растворившихся и с точки зрения современного языка аморфных лексических частей» [Виноградов 1977а: 147]. Фразеологические сращения уподобляются непрямому немотивированному словам. Каждый из отмеченных выше фразеологизмов обладает теми признаками, которые выделены В. В. Виноградовым.

Поскольку язык – система развивающаяся, в ее состав входят единицы, которые находятся между классами фразеологических единств и сращений: *точить язык / языки, эзоповский / эзопов язык*. Прямое значение глагола *точить* – ‘делать острым посредством трения о камень, кожу, точило’ [ТСОШ 2005: 993]. Переносное значение содержит семантические доли ‘острый’, ‘трение’, позволяющие ощутить мотивированность фразеологизма *точить язык / языки*, который, как представляется, находится на пересечении сращения и единства.

Восприятие фразеологизма *эзопов язык* в значении ‘иносказательное, замаскированное выражение мыслей’ [ФССРЛЯ 2004. Т. 2: 810] требует специальных знаний. Это устойчивое сочетание ‘связано с именем древнегреческого баснописца Эзопа, жившего, по преданию, в VI в. до н. э. Эзоп, будучи рабом, вынужден был прибегать к аллегорической форме выражения своих мыслей. Отсюда всякое умение говорить или выражать свои мысли обиняками, притчами, прибегая к аллегорической форме, получило название эзоповского, или эзопова, языка’ [ФССРЛЯ 2004. Т. 2: 685]. Образная составляющая сочетания

осознается не всеми членами языкового коллектива (значимость приобретает диапазон культурно-фоновых знаний). Следовательно, сам фразеологизм занимает промежуточное место между сращениями и единствами.

К числу фразеологических сращений относят также неразложимые устойчивые сочетания, все компоненты которых понятны, соответствуют морфологическому частеречному строю современного языка; в то же время синтаксические связи между компонентами этих структур осознаются как аномальные. Например, синтаксически аномальным являются сращение *шутка сказать* – ‘выражение неподдельного удивления по поводу значительности чего-либо’ [ФСРЯ 1978: 537]. Ближе к сращениям, хотя и сохраняют частичную мотивированность, единицы *по губам мазать / помазать; распускать / распустить губы; зуб за зуб* и др.

Для носителя русского языка как иностранного образные параллели, лежащие в основе таких фразеологических единиц, как, например, *заговаривать / заговорить зубы, луженная глотка* не вполне очевидны. Инофон может не осознавать образной основы фразеологизма, его мотивированности по собственно лингвистической причине (наличие в составе сращений архаизмов, историзмов); по причине отсутствия образной аналогии в родном языке; по причине незнания обычая, народной традиции; по причине незнания фактов истории страны, истории русской и мировой литературы и культуры. Невозможность точного перевода сращения на вьетнамский язык обусловлена идиоматичностью этой единицы. Сращения называют также идиомами. Идиоматичность создает объективную трудность при переводе на другой язык. Дословный перевод, как правило, является неадекватным. Переводчику следует опираться в таких ситуациях на явление межъязыковой синонимии [См.: Комиссаров 1990; Федоров 2002].

Фразеологические единства – это такие семантически неделимые устойчивые сочетания, общее значение которых является результатом осознаваемого образного переосмысления всего словосочетания и может быть мотивировано семантикой составляющих его компонентов. Общее значение фразеологических единств в какой-то мере вытекает из значений составляющих их слов. Такие

фразеологические единицы, по В. В. Виноградову, «обладают свойством потенциальной образности. Образный смысл, приписываемый им в современном языке, иногда вовсе не соответствует их действительной этимологии. По большей части, это выражения, состоящие из слов конкретного значения и имеющие заметную экспрессивную окраску» [Виноградов 1977а: 151–152]. Приведем отдельные примеры данного типа фразеологических единиц: *мозолить язык*, *держать язык за зубами*, *держать язык на привязи*, *чесать язык / языком*, *распускать / распустить язык*, *замазывать / замазать рот*, *кривить губы*, *скалить зубы*, *драть / надирать горло* и др. Сочетание *мозолить язык* – ‘говорить пустяки, много болтать’ [ФССРЛЯ 2004. Т. 1: 559] – воспринимается как переносное от прямых значений, заключённых в нем слов *мозолить* – ‘натирать мозоли на чем-либо’ [ТСРЯ 2008: 455] и *язык*. Воспринимается картинная образность сочетания *замазывать / замазать рот* (грубо-прост.) – ‘лестью, подкупами, угрозами принуждать кого-либо к молчанию, заставлять молчать’ [ФСРЛЯ 2008: 231].

Фразеологизмы-синонимы *держать язык за зубами*, *держать язык на привязи* употребляются в значении ‘не говорить лишнего, быть осторожным в высказываниях’ [ФССРЛЯ 2004. Т. 2: 123]. С точки зрения говорящего, принимающего участие в разговоре, понятно: когда человек держит язык за зубами или на привязи, он не может оформить речь фонетически, вслух, а значит, молчит, следовательно, не скажет ничего лишнего. Соблюдение баланса говорения и молчания, нежелательность реализации в устной речи определенной информации (например, конфиденциальной или содержащей личностное негативное отношение к точке зрения коммуникативного партнера, а также речевой манеры коммуникативного партнера) – условия формирования положительного коммуникативного результата.

Приведем отдельные примеры фразеологических единств вьетнамского языка, сопоставимые с русскими: *nói bã bọt mép* (досл. *говорить с пеной у рта*) – ‘много говорить, не получая никакого результата’ [Nguyễn Lân 2013: 26]; *bịt mồm bịt miệng* (досл. *закрывать / закрыть рот*) – ‘заставлять / заставить кому-либо

молчать»; *bịt miệng bung tai* (досл. *закрывать / закрыть рот и уши*) – ‘не хотеть ни говорить, ни слушать кого-либо [Там же: 36]. В большинстве случаев культурно-специфическими оказываются образные параллели, в значительной мере обуславливающие возможности как семантической, так и аксиологической интерпретации фразеологических единиц.

В. В. Виноградов справедливо отметил, что «фразеологические единства являются потенциальными эквивалентами слов с живой внутренней формой. Сближаясь с фразеологическими сращениями по признаку семантической неразложимости, они отличаются от сращений образностью и потенциальной выводимостью общего значения из семантической связи компонентов» [Виноградов 1977а: 152].

В числе специально анализируемых на следующем этапе исследования единств выделяются фразеологизмы, имеющие шутливо-ироническую окраску. Например, фразеологические единства *слаб / слабый на язык* (ирон.) в значении ‘кто-либо не в меру болтлив’ [ФСРЛЯ 2008: 718], *язык плохо подвешен* (ирон.) – ‘кто-либо не умеет свободно, гладко говорить, косноязычен’ [ФСРЛЯ 2008: 719]. Фразеологизмы *язык свербит* (шутл.) – ‘кто-либо испытает сильное желание сказать что-либо’ [ФСРЛЯ 2008: 719], *язык отсохнет / отсох* у кого (пренебр.) – ‘кто-либо лишится / лишился дара речи’ [ФСРЛЯ 2008: 718] транслируют ироническое отношение к эмоциональным интенциям и реакциям коммуникантов.

Выявление собственно стилистической и аксиологической маркированности устойчивых единиц, номинирующих и характеризующих речь и речевое общение, важно для осмысления конвенциональных принципов, лежащих в основе русского коммуникативного взаимодействия. Именно поэтому углубленное изучение иностранцами фразеологизмов, не только обозначающих, но и характеризующих, оценивающих речь с учетом стилистической окрашенности устойчивых единиц, будет способствовать пониманию национально-специфических особенностей фразеологии русского языка. Данные положения подтверждены результатами проведенного срезового эксперимента [Дао Динь Тхао 2015: 78–80].

Вьетнамским магистрантам-филологам (всего 7 информантов) было

предложено задание:

Не обращаясь к русско-вьетнамским словарям, переведите на родной язык фразеологизмы:

- *держат язык за зубами*;
- *точить язык*.

Отметим, что в двуязычном словаре находим параллель: *держат язык за зубами* – *giữ mồm giữ miệng* (досл. *держат рот*) [НРВС 2007: 1012]. В русско-вьетнамских словарях фразеологизм *точить язык* не зафиксирован. В то же время, по нашим наблюдениям, данный фразеологизм в значении ‘заниматься пустой болтовней, пустословить’ [ФСРЛЯ 2008: 643] передается 4 фразеологизмами-синонимами вьетнамского языка: *nói ba hoa* (досл. *болтать языком*), *ba hoa thiên địa* (досл. *болтать о небе, о земле*), *ba hoa chích chòe* (досл. *трещать как сорока*), *ba hoa xích đẽ* (то же, что *ba hoa thiên địa*) [НРВС 2007: 964].

Опишем результаты эксперимента.

Всего информантами было предложено 11 вариантов перевода фразеологизма *держат язык за зубами* и 13 вариантов перевода фразеологизма *точить язык*. 3 из 7 опрошенных предложили для каждого русского фразеологизма один вариант перевода на вьетнамский язык. Другие – от двух до четырех вариантов перевода. Отметим содержательные результаты опроса.

3 из 7 опрошенных привели вьетнамские аналоги фразеологизма *держат язык за зубами*, зафиксированные русско-вьетнамским словарем: *giữ mồm giữ miệng* (досл. *держат рот*). 2 информанта предложили в качестве возможных фразеологизмы вьетнамского языка: *miệng kín như bưng* – (досл. *рот закрытый, как закупоренный*); *ăn bớt bát, nói bớt lời* (досл. *во время еды ешь меньше чашек риса, в разговоре говори меньше слов*). 2 информанта выбрали варианты, опирающиеся на образные параллели, зафиксированные в национальной вьетнамской языковой картине мира: *kín miệng* (досл. *рот закрытый*); *kín tiếng* (досл. *закрытая речь*). 3 ответа нельзя признать адекватными: *biết thân biết phận* (досл. *знать себя и свою судьбу*); *giữ mình, cẩn thận* (досл. *держат себя, беречь себя*); *sống phải có trên có dưới, trước sau* (досл. *хорошо вести себя как со старшими, так и с младшими*).

Фразеологизм *точить язык* адекватно перевели на вьетнамский язык лишь 2 информанта. Один предложил вьетнамские аналоги-фразеологизмы с общим значением ‘болтать’: *nói hươu nói vượn* (досл. *говорить и про оленя, и про гиббона*) – ‘сочинять небылицы; хвастаться, болтать’ [НБВРС 2012. Т. 2: 409]; *nói nhăng nói cuội* – ‘болтать всякий вздор, нести всякую ерунду’ [Там же: 410]. Другой информант в качестве варианта перевода выбрал сочетание *phí lời* (досл. *говорить попусту*). 5 опрошенных привели семантически неадекватные варианты перевода: *uốn lưỡi* (досл. *выворачивать язык*), *uốn lưỡi trước khi nói* (досл. *выворачивать язык перед тем, как говорить*), *mồm mồm* (досл. *устать ртом*), *miệng lưỡi thế gian* (досл. *рты и языки мира*), *lời nói sắc như dao nhọn* (досл. *слово острее ножа*).

Ни один из опрошенных не предложил дословный перевод каждой лексемы, входящей в состав русского фразеологизма. Данный результат подтверждает неопровержимость выдвинутого В. В. Виноградовым критерия семантической неразложимости. Кроме того, на продвинутом этапе владения русским языком инофон осознает наличие образности фразеологизма как семантически слитного целого. Затруднение вызывает осознание семантики глагола *точить*.

Данные срезового эксперимента позволяют утверждать, что различия в восприятии мотивированности конкретного фразеологизма обусловлены не только уровнем владения иностранцем русским языком, но и различиями в языковой картине мира русского и вьетнамского народов. Фразеологическая единица, мотивированность которой не осознается носителем русского языка как иностранного, воспринимается им как сращение, семантику которого следует осваивать специально.

Перевод с русского языка на вьетнамский и с вьетнамского языка на русский требует тщательного анализа фразеологических единств, предусматривает поиск межъязыковых синонимических соответствий. Важным, в том числе в практике преподавания русского языка как иностранного, является объяснение основ переноса, специфической мотивированности, отражающей особый взгляд народа на мир.

Еще один тип устойчивых единиц – фразеологические сочетания. В. В.

Виноградов пишет: «Тип фраз, образуемых реализацией несвободных значений слов, целесообразнее всего назвать фразеологическими сочетаниями. Фразеологические сочетания не являются безусловными семантическими единствами. Они аналитичны. В них слово с несвободным значением допускает синонимическую подстановку и замену, идентификацию. Аналитичность, свойственная словосочетанию, может сохраняться и при ограничении контекста употребления несвободного слова лишь в одной-двух фразах» [Виноградов 1977а: 159]. Эти фразеологизмы отличаются от сращений и единств прежде всего смысловой членимостью, т. е. в их составе имеются слова, обладающие несвободным (фразеологически связанным) значением, которое реализуется только в условиях определённого лексического окружения.

Фразеологизмы, обозначающие и характеризующие речь и речевое общение, включают фразеологические сочетания, которые являются воспроизводимыми, устойчивыми, но сохраняют лексическую членимость. Приведем в качестве примера варианты *суконный язык / суконная речь*. Слово *сукно* обозначает грубую плотную ткань. Не случайно в качестве иллюстрации прямого значения составители толкового словаря приводят сочетание *солдатское сукно (серое шинельное)* [ТСОШ 2005: 957]. В данном случае важным для понимания значения фразеологизма является тактильное ощущение. *Суконная речь* характеризуется как режущая слух, нерасчлененная, невыразительная. Здесь слово *суконная* нельзя заменить другими словами, обозначающими ткань, например, лексемами *шерстяная* или *драповая*. Переносное метафорическое значение – ‘грубый, невыразительный, картавый, шепелявый’ [ТСУ 1940. Т. 4: 588] имеет лишь прилагательное *суконный*. Подобные единицы отличаются от свободных сочетаний типа *красивая речь, грубая речь* и т. п. Каждое слово, входящее в состав приведенных сочетаний, имеет прямое значение, а само свободное сочетание может быть трансформировано: *речь, отличающаяся красотой / грубостью*, в то время как подобная трансформация сочетания *суконная речь* исключена. К фразеологическим сочетаниям можно отнести единицы типа *хранить молчание, острый язык, давать слово* и др.

Следует отметить, что во вьетнамском языке подобные устойчивые сочетания имеют место, но до настоящего времени не фиксируются словарями как особый тип фразеологизмов. Последнее объясняется их промежуточным положением между сочетаниями связанными и свободными.

Таким образом, классификация фразеологизмов, предложенная В. В. Виноградовым, основана на структурно-семантических особенностях устойчивых единиц, степени грамматической и смысловой слитности компонентов, входящих в состав устойчивых сочетаний слов. Данная типология представляется строгой, непротиворечивой, научно обоснованной, т. к. она разработана на единых основаниях. Типология В. В. Виноградова универсальна: она приложима к классам фразеологических единиц не только русского, но и других языков, в том числе вьетнамского.

Детализированное описание типов фразеологизмов не входит в задачи работы. Для реализации цели исследования важно установить наличие / отсутствие мотивированности, стилистической окрашенности, аксиологической оценочности устойчивых единиц, описать те представления о речи и общении, которые складываются в сознании носителей русского языка, а также выявить имплицитные ценностные установки, связанные с коммуникативным взаимодействием.

Инофону, который стремится в совершенстве изучить язык, составить представление о его национальных особенностях, а через них – и о менталитете народа, – необходимо знать и понимать «прецедентные тексты» [Караулов 2003: 216; см. также: Слышкин 2000: 29 и др.], отражающие специфику национального взгляда на мир. Следовательно, широкий взгляд на фразеологию, с прагматической точки зрения, следует считать оправданным. Остановимся в этой связи на соотношении фразеологии и афористики.

Афористика отражает «жизненный опыт в виде кратких по форме и обобщающих по смыслу высказываний-суждений» [Эпштейн 1987: 43]. В афористических суждениях заключена тысячелетняя мудрость народа. «Афористика наряду с паремиями, крылатыми выражениями и фразеологическими единицами является показательной частью концептосферы народа, выражает все,

что в морально-нравственном этическом плане является важной составной частью духовной культуры» [Королькова 2005а: 3]. При этом концептосфера понимается как «система мнений и знаний человека о мире, отражающих его познавательный опыт на доязыковом и языковом уровнях» [Маслова 2004: 69].

Библиотека афористической литературы огромна: она значительно расширилась в последнее время. Спорными остаются вопросы, связанные с определением термина «афоризм», его соотношением с «речевыми жанрами», т. е. «относительно устойчивыми типами высказываний» [Бахтин 1979: 237; см. также: Баранов 1997; Вежбицкая 1997; Гольдин 1999; Дементьев 2010; Китайгородская 1999; Матвеева 1995б и др.]. Кроме того, как отмечает Ю. Е. Прохоров, «некоторые исследователи относят к афоризмам только авторские изречения, включая в этот разряд крылатые слова, другие – все виды кратких обобщенных высказываний, в том числе пословицы и поговорки» [Прохоров 1997: 42]. Под афоризмом ученый понимает «устойчивое изречение, содержащее обобщенную и законченную мысль о каком-либо явлении действительности и выраженное в краткой, лаконичной форме» [Там же]. У филологов не вызывает сомнения «существование особых авторизированных высказываний (изречений), которые по традиции именуются афоризмами» [Королькова 2004: 3]. При этом изречение понимается как ‘глубокая мысль, суждение, выраженные кратко и ярко’ [МАС 1981. Т. 1: 654]. Определение афоризма содержится в толковых словарях русского языка разных времен. Так, «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля трактует афоризм как «короткое и ясное изречение, правило, основанное на опыте и рассуждении; отрывочное, но полное по себе положение» [Даль 1978. Т. 1: 30]. Ср.: «Афоризм – краткое выразительное изречение, содержащее обобщающее умозаключение» [ТСРЯ 2008: 24]. В дефиницию включают наличие авторства: афоризмы определяются как «краткие, глубокие по содержанию и законченные в смысловом отношении суждения, принадлежащие определенному автору и заключенные в образную, легко запоминающуюся форму» [Федоренко 1990: 3]. Тематическая среда афористики весьма разнообразна и охватывает, в частности, «этические проблемы» [Там же].

Нередко подчеркивается наличие в составе афористического суждения тропов и фигур речи. Афоризм – это «обобщенная мысль, выраженная в лаконичной, художественно заостренной форме (обычно с помощью антитезы, гиперболы, параллелизма и пр.)» [Гаспаров 1987: 43]. В фольклоре к афоризмам ученый относит «поговорки, пословицы, в литературе – гномы или сентенции (афоризмы без имени автора), апоф(т)егмы (афоризмы, приписанные определенному лицу), хрии (афоризмы определенного лица в определенных обстоятельствах); афоризм морального содержания называют максимой. Афоризмы часто извлекались из литературных произведений (античные и средневековые сборники), но бытовали и как самостоятельный жанр» [Там же].

Е. Е. Иванов вслед за Ф. М. Янковским трактует афоризм как «изречение, в котором в меткой лаконичной форме высказывается важная и оригинальная мысль». К афоризмам он относит «крылатые выражения из научно-публицистических, философских, художественных произведений», а также «многочисленные народные пословицы» [Иванов 2016: 64]. Здесь прослеживается широкий подход к понятию: источники афористики – тексты, относящиеся к разным функциональным разновидностям речи, а наличие авторства не является, с точки зрения исследователя, обязательным. Так, крылатые выражения не всегда осознаются как индивидуально-авторские; пословицы и поговорки относятся к речевым фольклорным жанрам.

Для понимания сущности афоризма и афористики важно «осознание двойственной природы данного явления: и как жанра литературы, и как части фразеологии в широком значении» [Королькова 2005б: 8]. Как было отмечено, в широком понимании фразеология включает в себя не только собственно фразеологизмы (сращения, единства, сочетания), но и паремии, крылатые выражения. Являясь высказыванием вполне устойчивой формы, афоризм имеет прямое отношение к фразеологизмам, т. к. «обладает такими свойствами, как <...> воспроизводимость, отдельнооформленность, лаконичность» [Там же: 34]. В то же время афоризм отличается от крылатых слов, или крылатых выражений. В. В. Виноградов крылатыми называет «легко расшифровывающиеся образные

выражения <...> индивидуального художественного творчества» [Виноградов 1977а: 140–145]. Не относя их к фразеологическим единицам, ученый определяет крылатые выражения лишь как общеизвестные «готовые, унаследованные выражения». Он особо характеризует сферу стереотипных «литературных фраз и образов, от повторения потерявших прелесть свежести и новизны <...> осколки индивидуального художественного творчества» [Там же]. Крылатые слова и выражения прочно входят в речевой оборот и нередко утрачивают связь с автором – не только художником слова, но и одаренным человеком – независимо от профессиональной деятельности. Синтаксически оформленное крылатое выражение относят к сфере афоризмов. Крылатые выражения составляют органическую часть прецедентного фонда лингвокультуры.

Суммируя критерии разных определений данного термина, Е. Е. Иванов отмечает, что афоризм представляет собой «краткое изречение в форме законченного высказывания, в котором выражена обобщенная мысль теоретически (или практически) значимого содержания» [Иванов 2016: 4].

Таким образом, дифференциальными признаками афоризма, по мнению большинства исследователей, являются обобщенность, лаконизм, синтаксическая оформленность в виде высказывания, передающего глубокое по содержанию суждение, выразительность. Меткие высказывания нередко становятся крылатыми, т. е. воспроизводимыми. Они входят в язык и при этом часто не осознаются как собственно авторские. В этом случае афоризмы расширяют состав фразеологической системы (в широкой трактовке понятия), выступают как прецедентные единицы общенационального культурного кода.

Параллельно отметим, что в современной вьетнамской лингвистике также остается спорным вопрос об определении афоризма. Афоризмы (*châm ngôn*) понимаются как «цитаты, имеющие исключительно поучительное значение» [Nguyễn Như Ý 2009: 270]. Выделяются их дидактическая функция. Крылатые выражения (*danh ngôn*) – это «высказывания лидеров, знаменитостей, выдающихся писателей и поэтов, извлеченные из книг» [Там же: 115]. Подчеркивается аксиологическая маркированность и воспроизводимость высказываний, «прочно

связанных с культурой народа, что делает их запоминающимися крылатыми» [Там же], отмечается их культурно-специфический характер. Во вьетнамской лингвокультуре афоризмы занимают место наставлений, установок, направленных на воспитание следующих поколений, т. е. выполняют дидактическую функцию. «Их основное отличие от крылатых выражений заключается именно в этом, т. к. вьетнамские крылатые выражения используются в широком диапазоне ситуаций: они могут иметь философский, идеологический, религиозный, бытовой характер, тогда как афоризмы направлены исключительно на воспитание» [Нгуен Лан Фыонг 2019: 35]. Признается важный для принятого подхода функциональный критерий, суживающий трактовку термина «афоризм».

Особый интерес у лингвистов (Е. М. Верещагин, В. И. Карасик, В. Г. Костомаров др.) вызывает лингвострановедческий аспект изучения афористики: «Обращение к национально-культурной семантике индивидуально-авторской литературной афористики и афористического богатства современной живой разговорной речи при изучении (и преподавании) языков как иностранных видится одной из актуальных задач теории и практики лингвострановедения» [Иванов 2016: 288]. Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров, отталкиваясь от широкого понимания афоризмов, особо подчеркивают их национальную специфику и аксиологическую маркированность: «Любой афоризм (пословица, крылатое выражение, лозунг, формула) прежде всего фиксирует коллективный опыт людей. В них заключена народная оценка жизни, наблюдения народного ума» [Верещагин 1990: 76]. В афористике закрепляется система ценностей, закодированных в языке. Афоризмы «раскрывают основания общепринятых норм поведения и часто формулируются как личностная оценка коллективного опыта» [Карасик 2007: 45–46].

В рамках данной работы исследуются индивидуально-авторские, в том числе ставшие крылатыми, афористические суждения о языке, речи, кооперативном общении, а также аксиологические установки. Суждение – «форма мысли, в которой утверждается или отрицается что-либо относительно предметов и явлений, их свойств, связей и отношений и которая обладает свойством выражать либо истину, либо ложь» [Кондаков 1975: 574].

Специально следует подчеркнуть, что все анализируемые афоризмы обладают обобщенностью, синтаксической оформленностью, выразительностью. В большинстве случаев авторский афоризм оформлен как правильное высказывание. В то же время афористическое суждение может передаваться с помощью двух контактных высказываний, связанных по смыслу. В этом случае нельзя говорить о краткости как обязательном универсальном признаке афоризма. Отметим также, что не все афористические суждения стали прецедентными. Нередко афоризм представляет собой установку, содержащую модальность долженствования. Все, без исключения, анализируемые афоризмы обладают аксиологическим содержанием, выявление которого будет способствовать осмыслению своеобразия русской лингвокультуры.

Такие мастера слова, как М. В. Ломоносов, И. А. Крылов, А. С. Грибоедов, Н. В. Гоголь, М. Ю. Лермонтов, А. Н. Островский, И. С. Тургенев, Л. Н. Толстой, М. Е. Салтыков-Щедрин, внесли вклад в золотой фонд русской афористики. Неоценима роль А. С. Пушкина. Об этом писал мастер афоризмов А. М. Горький: «Пушкин был по-русски красноречив, и особенно подкупало меня блестящее умение, с которым он владел афоризмом, этой характерной особенностью подлинной русской речи. <...> Он ввел в активный оборот сотни своих афоризмов, которые предстоит еще собрать и всесторонне проанализировать на фоне русской и общей афористики, чтобы по достоинству оценить их общественную значимость» [Цит. по: Королькова 2004: 4]. Собрание афоризмов А. С. Пушкина – один из источников исследования. В исследуемые сборники афоризмов составители включают как цитаты из авторских текстов, так и специально созданные афористами (нередко под псевдонимами) лаконичные тексты, в которых обобщается коллективный опыт мировосприятия: изречения К. Пруткина и др. [См.: Приложение к главе 3].

Таким образом, системный подход к анализу несвободных устойчивых сочетаний предполагает изучение парадигматических и синтагматических отношений. Парадигматические ряды фразеологизмов составляют органическую часть системы языка. В процессе анализа фразеологизмов учитывается критерий

кодифицированности: разграничиваются фразеологические единицы литературного языка и социально отмеченные единицы, функционирующие в диалектах, городском просторечии, жаргонах, профессиональных языках. Внутри литературного языка разграничиваются функционально-стилистическая отмеченность фразеологизма и его эмоционально-экспрессивная окрашенность. Анализ предусматривает разграничение языкового (словарного) значения фразеологизма и значения контекстуального, а также обязательное разграничение диахронного и синхронного подходов к фразеологии.

В диссертационном исследовании фразеологизмы трактуются как устойчивые несвободные словосочетания, постоянные по своему компонентному составу, воспроизводимые, обладающие целостным значением. Для комплексной синхронной интерпретации устойчивых сочетаний используется подход, предложенный В. В. Виноградовым.

К собственно фразеологизмам примыкают индивидуально-авторские афористические высказывания – аксиологические суждения, обобщающие умозаключения, аксиологические установки. Осмыслению их аксиологического своеобразия посвящен специальный раздел исследования.

1.2. Интерпретация фразеологизмов и афоризмов в границах научной антропоцентрической парадигмы

Несмотря на переход лингвистики XX–XXI веков от структурно-системного изучения языка, целью которого является «раскрытие внутренних отношений и зависимостей языковых единиц» [Матвеева 2010: 466], к антропоцентрической интерпретации языковых явлений, следует признать, что структурно-системный подход к языковым единицам является фундаментальным, определяющим изучение речевых практик. В теоретических трудах и учебных изданиях для вузов [Бабкин 1970; Виноградов 1977а, 1977б; Жуков 1978, 1986; Ковшова 2006; Ларин 1977; Мокиенко 1980, 2006; Телия 1996, 2005; Шанский 1985 и др.] фразеология

русского языка представлена как особым образом организованная система воспроизводимых устойчивых единиц.

В границах антропоцентрической научной парадигмы признается, что человек познает мир «через осознание себя, своей теоретической и предметной деятельности в нем», и это придает ему право «творить в своем сознании антропоцентрический порядок вещей», который определяет его «духовную сущность, мотивы его поступков, иерархию ценностей» [Маслова 2001: 6–7]. В языке отражается не только реальный мир, окружающий человека, но и сам человек, его характер, ценностные предпочтения, а также реальные условия жизни, самосознание народа, его менталитет, традиции, обычаи, мораль, мироощущение, видение мира, миропонимание, ценностная интерпретация участков картины мира. Как писал Б. А. Ларин, «фразеологизмы всегда косвенно отражают воззрения народа, общественный строй, идеологию своей эпохи» [Ларин 1977: 156].

Современная лингвистика обращается к вопросам речевой коммуникации, освещает ее национальную специфику, характеризует речевое поведение участников общения. Трактовка особенностей речевой коммуникации проводится на философских основаниях, в проекции на социокультурный контекст эпохи, с учетом норм национальной лингвокультуры и конвенций, которые складываются внутри этой культуры. Рассмотрим последовательно лингвокультурологический, коммуникативно-прагматический и лингвоаксиологический аспекты интерпретации фразеологизмов и афоризмов. Данные аспекты объединены антропоцентрической направленностью аналитических процедур.

1.2.1. Лингвокультурологический аспект интерпретации фразеологизмов и афоризмов

В современной лингвистике заметное место занимает лингвокультурология — научное направление, «изучающее взаимодействие двух семиотических областей — языка и культуры, которые понимаются как формы сознания, отражающие

мировоззрение человека, и описываются в синтезе как целостный феномен. В центре лингвокультурологии находится язык, конструирующий ментальность человека, в том числе его культурное самосознание» [СЛКТ 2017: 96], а не язык, рассматриваемый «в самом себе и для себя» [Соссюр 1977: 268].

Предметная область лингвокультурологии – «изучение взаимодействия культурного фактора в языке и языкового фактора в человеке на фоне живых коммуникативных процессов и их связи с осознанной или бессознательно проявляющейся ментальностью носителей языка, являющихся и носителями культуры – субъектов языка и культуры» [Телия 2008: 210–211]. Лингвокультурология изучает интеракцию «языковой и культурной компетенций носителей языка как авторов речемыслительных процедур» [Телия 2004: 9].

Самостоятельно развивается этнолингвистика – «направление в языкознании, изучающее язык в его отношении к культуре, взаимодействие языковых, этнокультурных и этнопсихологических факторов в функционировании и эволюции языка» [ССЛТ 2006: 250; см. также: Бартминьский 2005; Березович 2000, 2007; Толстая 2013 и др.].

Язык и культура народа находятся в неразрывной связи. Средствами национального языка интерпретируется реальность, в которой живет человек. В этой связи уместно привести метафору А. М. Хайдеггера [1993], который назвал язык «домом бытия». Язык всегда признавался самой яркой, определяющей характеристикой этноса, «мощным общественным орудием, формирующим людской поток в этнос, образующим нацию через хранение и передачу культуры, традиций, общественного самосознания данного речевого коллектива» [Тер-Минасова 2000: 14]. Язык служит средством накопления, хранения и передачи информации, отражающей менталитет народа.

Менталитет / ментальность – «образ мыслей, совокупность умственных навыков и духовных установок, присущих отдельному человеку или общественной группе» [РЭС 2001: 931]. Это «способ мышления, склад ума, особенности мировоззрения и мировосприятия действительности, характерные для национального сознания» [Матвеева 2010: 201]. «В содержательном отношении

менталитет определяется составом концептов, совокупность которых несет в себе самобытный опыт духовной и практической жизни народа, отражает его историческую судьбу. Обобщенно менталитет связан с картиной мира данного народа, прежде всего, ключевыми концептами этой картины» [Там же: 202]. В «Словаре русской ментальности» на основе высказываний писателей, философов и общественных деятелей «воссозданы национальные особенности русской материальной, духовной и культурной среды на фоне европейских культурных ценностей, с которыми они пересекаются» [Колесов 2014: 2]. В указанном издании «ментальные отличия и сходства культур даны через аналитическое описание русских концептов в их содержательных формах (образ – понятие – символ), отражающих происхождение и развитие народного мировосприятия, этики и культуры; определены культурные влияния и их последствия (как благотворные, так и нежелательные)» [Там же]. Динамический подход к объекту позволяет сделать вывод о том, что «вербальные формы проявления национальной ментальности развиваются постепенно, они историчны» [Колесов 2006: 437].

Группы взаимосвязанных вербальных знаков образуют определенные участки языковой картины мира. Трактовки категории «языковая картина мира» обобщаются в статье [Руссо 2014: 12–24]. Понятие «языковая картина мира» нашло отражение в трудах В. фон Гумбольдта, который отметил, что «различные языки являются для нации органами их оригинального мышления и восприятия» [Гумбольдт 1985: 324]. Языковая картина мира в современных исследованиях трактуется как «отраженный в языке способ восприятия мира и его понимания (интерпретации) человеком или группой людей, объединенных мировоззрением, основанным на общности этнической культуры» [СЛКТ 2017: 143; см. также: Брутян 1973; Роль человеческого фактора... 1988]. Языковая картина мира – это «отображение в формах языка устройства экстралингвистической действительности, что в свою очередь проявляется в объеме значения и внутренней форме языковых единиц» [Гак 2000: 36]. Видение мира в значительной мере заложено в языке, который содержит ориентиры складывающихся отношений между членами социума, определяет ментально-специфический характер этих

отношений. Языковая картина мира отражает ценностные предпочтения носителей культуры, т. к. «человек не только познает мир, но и оценивает его с точки зрения значимости для удовлетворения своих потребностей. Языковая информация о системе ценностей свидетельствует об особенностях мировосприятия народа» [Маслова 2001: 51]. Ценности, таким образом, приобретают не только социальную, но и персонологическую значимость.

Проблема соотношения языка и культуры является многогранной. В лингвистике разработана теория языковой личности и – как ее продолжение – классификация лингвокультурных типажей. Обращение лингвистов к проблеме языковой личности обусловлено признанием ведущей роли человека в процессах порождения и использования речи. Язык – оператор, формирующий личность человека (носителя языка) на основе знаковых средств, содержащих так называемые культурные коннотации, вбирающие в себя «те ассоциативные сведения, которые накапливаются у носителей языка в процессе применения словесных знаков» [Верещагин 2005: 69–78].

Термин «языковая личность» в научный оборот ввел В. В. Виноградов, который исследовал вопрос о «соотношении в произведении языковой личности, художественного образа и образа автора» [Виноградов 1930: 120]. Разработке теории языковой личности посвящены многочисленные труды [Богин 1984; Воркачев 2001; Карасик 2002, 2010; Караулов 2003 и др.].

В концепции Ю. Н. Караулова языковая личность – это человек – носитель национального языка и культуры, – обладающий способностью создавать и воспринимать тексты, различающиеся «степенью структурно-языковой сложности; глубиной и точностью отражения действительности; определенной целевой направленностью» [Караулов 2003: 3]. Ученый выделяет три основных уровня в структурной модели языковой личности. Первый уровень – «вербально-семантический, предполагающий для носителя языка нормальное владение естественным языком...». Второй уровень – «когнитивный, единицами которого являются понятия, идеи, концепты, складывающиеся у каждой языковой индивидуальности в упорядоченную картину мира...». Третий уровень –

«прагматический» – предполагает выявление и характеристику «мотивов и целей, движущих развитием языковой личности» [Там же: 8]. Взаимодействие уровней образует «коммуникативное пространство личности», т. е. «совокупность сфер речевого общения, в котором определенная языковая личность может реализовать необходимые потребности» [Прохоров 2006а: 43]. Для Ю. Н. Караулова принципиально соотношение «национальной языковой личности» и личности индивида. Взаимосвязь национальной и индивидуальной (персонологической) личностей ярко проявляется в художественном творчестве. Так, в художественном мире Ф. М. Достоевского нашли вербальное отражение особенности русской национальной личности, а также своеобразие национального характера [См., например: Купина 2016].

Предлагается дифференциальный подход: а) «человек говорящий», одним из видов деятельности которого является речевая деятельность; б) «собственно языковая личность» – личность, проявляющая себя в речевой деятельности; в) «речевая личность» – это личность, реализующая себя в коммуникации, выбирающая стратегию и тактику общения; г) «коммуникативная личность» – конкретный участник коммуникативного акта [Красных 1997: 37]. Языковая личность обнаруживает себя в системе языка, речевой действительности, речевой деятельности человека, в речевой коммуникации.

Из определений следует, что языковая личность является междисциплинарным объектом исследования лингвистики, социологии, психологии, философии, культурологии, лингвокультурологии. На основе комплексного подхода к объекту В. И. Карасик выделяет коммуникативную личность, т. е. «обобщенный образ носителя культурно-языковых и коммуникативно-деятельностных ценностей, знаний, установок и поведенческих реакций» [Карасик 2002: 429], интерпретирует когнитивную, поведенческую составляющие данного понятия в соотношении с национально-культурными нормами и установками, характерными для определенного лингвокультурного сообщества. Он отмечает, что в качестве инварианта языковой личности может выступать «базовый национально-культурный прототип носителя языка» [Карасик

2004: 4]. Языковая личность – это многослойная и многокомпонентная парадигма речевых личностей. Интерпретация языковой личности предполагает ценностный подход. Конкретная языковая личность характеризуется также «определенным запасом слов, имеющих ранг частотности употребления. Лексикон и манера говорения могут указывать на принадлежность к определенному социуму» [Кусаинова 2009: 120]. Языковая личность «существует в пространстве культуры, отраженной в языке, закреплённой в формах общественного сознания (научного, правового, религиозного, обыденного), в поведенческих стереотипах и нормах, в предметах материальной культуры и т. д.» [Там же: 122].

А. П. Седых, рассматривая лингвистическую теорию общения в контексте культуры, пишет о синтезе идей лингвистики и теории коммуникации в границах коммуникативной лингвистики. «Цель такого объединения – преодоление «традиционной статичности описания языка и интегрирование идеи коммуникативного взаимодействия в лингвистику» [Седых 2015: 162]. «Национальная языковая личность представляет собой относительно жесткую систему с наличием в ее составе инвариантных и вариативных элементов, которые отражают, с одной стороны, закономерности осуществления личностью коммуникативного процесса, с другой – моделируемость данной сущности с выходом на схему языкового этнотипа» [Там же]. Отмеченный подход к языковой личности предполагает междисциплинарность, соединение связанных культурологической константой методов и приемов лингвистики с методами и приемами исследования других гуманитарных наук.

Для осмысления аксиологических доминант речевого поведения важным является конкретизация понятия «языковая личность» на основе выделения лингвокультурных типажей как носителей национальной культуры. Лингвокультурный типаж – «обобщенный узнаваемый образ представителя той или иной культуры» [Карасик 2010: 178]. Это «закрепленный в языке базовый национально-культурный прототип носителя определенного языка, который выделяется на основе релевантных характеристик, типичных признаков вербального и невербального поведения конкретных языковых личностей»

[Васильева 2010: 8]. Данный лингвокультурологический термин связан с понятием «лингвоперсонема»: «Типы языковой личности можно трактовать как единицы такого функционирования, которые мы предлагаем называть лингвоперсонемами. «Краснобай», «Пила», «Вития», «Горлопан» и тому подобные типы могут иллюстрировать некоторые лингвоперсонемы» [Голев 2005: 81].

Интерпретация лингвокультурного типажа проводится с учетом аксиологического критерия: «Лингвокультурные типы могут иметь этнокультурную значимость, выражать ценности всего сообщества, подчеркивая национально-культурное своеобразие этноса <...> либо социокультурную значимость, характеризуя особую социальную группу, противопоставленную остальному обществу» [Карасик 2010: 178]. Не отрицая того, что лингвокультурный типаж связан с речевым миром отдельной социальной группы, мы считаем необходимым выделить определенный типаж на базе общенациональной коммуникативной конвенции, основы которой заложены в языковой картине мира и отражены в исторически складывающейся системе устойчивых языковых единиц. В настоящее время персонологические исследования сосредоточены на моделировании различных этнотипажей, которые занимают важное место в национальной лингвокультуре [См.: Гуляева 2011; Крысин 2001; Купина 2019; Попова 2012 и др.].

Обобщенное представление о том или ином лингвокультурном типаже содержится в прецедентных текстах, имеющих «сверхличностный характер» [Караулов 2003: 216]. К прецедентным относятся «цитата (в том числе и трансформированная), название произведения, полное воспроизведение небольшого по объему текста, а также пословицы» [СЛКТ 2017: 112]. Отметим в этой связи, что для анализа отдельного лингвокультурного типажа репрезентативной окажется выборка авторских афоризмов.

Лингвокультурологический подход к фразеологии разрабатывается в трудах Ф. И. Буслаева, Е. М. Верещагина, В. Г. Гака, М. Л. Ковшовой, В. Г. Костомарова, В. Н. Телии и др. Фразеология национального языка содержит сведения о культуре и менталитете народа, закрепляет «национальные обычаи, поверья, исторические

предания, образное видение мира» [Мокиенко 1999: 25]. Фразеологизмы – особый «код культуры», который понимается как «совокупность знаков, составляющих план выражения для культурного содержания, внутренне связанной системы культурно ценностной информации и установок, носящих конвенциональный характер и формирующихся в пределах культуры» [СЛКТ 2017: 40; см. также: Барт 1989: 39; Березович 2007: 341; Красных 2011: 61–62 и др.]. Фразеологизмы – это «своеобразные микромиры», которые содержат в себе «и нравственный закон, и здравый смысл <...> Это душа всякого национального языка, в которой неповторимым образом выражаются дух и своеобразие нации» [Буслаев 1854: 37]. Фразеологическая система языка – это «зеркало, в котором лингвокультурная общность идентифицирует свое национальное самосознание», именно фразеологизмы как бы навязывают носителям языка особое видение мира, ситуации [См.: Телия 1996: 9]. «Фразеологизмы справедливо считаются одним из наиболее ярких проявлений национально-культурной специфики языка. Однако вопрос о том, в чем проявляется эта специфика, не перестает оставаться предметом дискуссий» [Гак 1999: 261]. Можно обнаружить во фразеологических единицах «приметы национальной культуры в том случае, если значения фразеологизмов интерпретируются с позиций ценностных установок, свойственных менталитету того или иного народа» [Василенко 2016: 71].

Актуальность приобретает контрастивное изучение фразеологии. Оно «оперирует более широким контекстом – избирательностью образного мировидения того или иного народа, которая проявляется и в различиях отбора образных оснований фразеологизмов, что и рассматривается как косвенное подтверждение их связи с окультуренным мировосприятием. Таким образом, контрастивные исследования фразеологизмов в контексте культуры имеют дело с описанием по преимуществу «скрытых» в наивной картине мира следов взаимодействия языка и культуры» [Телия 1999: 15–17]. Общим является следующее положение: «Лингвокультурологическое направление во фразеологии исследует взаимодействие языка и культуры в диапазоне культурно-национального самосознания и его фразеологической презентации» [Ковшова 2015: 69].

По нашим наблюдениям, подсистема фразеологических единиц, номинирующих и характеризующих речь и речевое общение, отражает ментально-специфические конвенциональные установки речевой коммуникации, связанные с культурой народа и его мировидением. В диссертации Ли Вэньлу [2018], выполненной на материале фразеологизмов и паремий, выявлены традиционные установки русской коммуникативной культуры, связанные с этическими ценностями, описаны «нравственные ценности, которые реализуются в максимах правдивости, искренности, скромности, доброжелательности, уважительности» [Там же: 7]. Соответствующие наблюдения могут быть уточнены и дополнены, если обратиться к определенной подсистеме фразеологизмов и афоризмов.

Таким образом, в рамках антропоцентрической парадигмы, характерной для современной лингвистики, развитие получает лингвокультурология, в границах которой устанавливаются связи между языком и культурой. Фразеологизмы и афоризмы имплицитно или прямо отражают ментально-специфический взгляд народа на мир, сохраняют национально-культурные ценности. Лингвокультурологический подход к анализу подсистемы фразеологизмов и афоризмов, характеризующих речь и речевое общение, позволит выявить национально-специфические особенности речевой коммуникации. Данные фразеологии и афористики могут составить основу моделирования определенных лингвокультурных типажей.

1.2.2. Коммуникативно-прагматический аспект интерпретации фразеологизмов и афоризмов

Прагматика – «область исследований в семиотике и языкознании, в которой изучается функционирование языковых знаков в речи» [Арутюнова 1990: 389]. Ю. Д. Апресян под языковой прагматикой понимает «закрепленное в языковой единице (лексеме, аффиксе, граммеме, синтаксической конструкции) отношение говорящего: 1) к действительности, 2) к содержанию сообщения, 3) к адресату»

[Апресян 1995: 136]. Прагмалингвистика «сосредоточивает внимание на отношении человека к языковым знакам, зафиксированном в языке, а также на выборе наиболее уместных единиц (при ориентации на ситуацию в целом, на адресата) для производства высказываний / текстов, с помощью которых говорящий в речевых действиях достигает поставленных целей» [Формановская 1998: 14]. «Основания прагматики, – как утверждает Ю. С. Степанов, – заключены в более общем свойстве языка, пронизывающем все его стороны, – в его «субъективности»» [Степанов 1981: 326].

Предметом прагматики может являться «связный и достаточно длинный текст в его динамике – дискурс, соотнесённый с главным субъектом, с «Эго» всего текста, с творящим текст человеком» [Степанов 1981: 332]. Прагматика занимается также анализом высказываний, выбором их форм в конкретных условиях коммуникации. В центре внимания оказываются «структура и классификации актов речи и интерпретация высказываний» [Гак 1997: 360]. Во всех случаях рассматриваются структура и механизм коммуникации. «Лингвистическая прагматика не имеет четких контуров, в нее включается комплекс вопросов, связанных с говорящим субъектом, адресатом, их взаимодействием в коммуникации, ситуацией общения» [Арутюнова 1990: 390].

В трудах по проблемам речевой коммуникации выделяются прагматически значимые принципы и правила успешного речевого взаимодействия, а также причины коммуникативных ошибок. Специально изучается феномен коммуникативного успеха, рассматриваются «условия успешного общения», а также «причины коммуникативных неудач», «речевых конфликтов» [Третьякова 2003], технологии результативного речевого общения [Граудина 1999: 58–82], формулируются коммуникативные стратегии и тактики русской речи [Иссерс 2008: 139–234]. Особо интерпретируется «кодекс русского речевого поведения» [См.: Шмелева 1983]. Многогранную характеристику получает внутригрупповое межличностное общение [См.: Байкулова 2001].

Для современной коммуникативистики важным является концепт «толерантность» [См.: Михайлова 2017]. Следует признать, что речевое общение

выступает как общественная ценность, если в его основе лежит умение и желание участников общения понять друг друга. Толерантность – это особая ценность. Ее проявление в кооперативной коммуникации получает положительную эмоциональную оценку. Толерантность предполагает «терпимость ко всем идеям и убеждениям людей, к формам их поведения, хотя вовсе не предполагает, что человек разделяет эти мнения и убеждения» [Стернин 2001: 15; см. также: Левонтина 2019: 85–96]. Выделяются параметры русского коммуникативного поведения, которые могут способствовать или препятствовать «формированию коммуникативной категории толерантности» [Стернин 2001: 67–68], в том числе межэтнической, межконфессиональной. Вопросы гендерной толерантности также стали специальным объектом лингвистических исследований [См.: Ефремов 2009].

Коммуникативно-прагматические аспекты изучения толерантности отражены в коллективной монографии «Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности» [2005]. Лингвистами демонстрируются системные возможности русского языка, изучаются номинации и характеристики концепта «толерантность». Когнитивный подход позволил О. А. Михайловой предложить определение толерантности; с учетом прагматического критерия очертить поле толерантности в системе языка; сформулировать принципы толерантного коммуникативного взаимодействия: «компромисс, примирение, уступчивость, бесконфликтность, вежливость» [Михайлова 2005: 110]. Каждая из граней концепта преломляется в речевом поведении адресанта и адресата. А. Д. Шмелев приходит к выводу о «специфике представления толерантности в русской языковой картине мира» [См.: Шмелев 2005а: 115–116]. Проявления толерантности рассматриваются на материале «метаязыковых высказываний-рефлексивов», отражающих отношение носителей языка к «чужому» [Вепрева 2005: 156], и разных жанровых разновидностей взаимосвязанных текстов [См.: Купина 2005: 317]. Технологии гармонизации общения, способствующие формированию толерантности, устанавливаются в специальных исследованиях [См., например: Третьякова 2009].

В коллективной монографии «Русский язык в его функционировании» [1993]

выдвигается коммуникативно-прагматический аспект исследования речи, толерантной и интолерантной коммуникации, интерпретируются положительные и отрицательные результаты диалогического и полилогического речевого взаимодействия. Авторами разрабатывается группа методов и приемов, направленных на диагностику конфликта и моделирование приемов речевого поведения в конфликтных ситуациях. Непосредственно связанная с прагматическими особенностями общения проблема коммуникативных неудач и коммуникативных рисков находит воплощение в серии трудов [Захарова 2010; Земская 1993; Кукушкина 1998; Сиротинина 2013 и др.]. Подчеркивается, что результат коммуникации, важный для партнеров общения, зависит от «коммуникативного режима», являющегося объективным фактором толерантности [Шалина 2005: 406].

Можно предположить, что семантика русских фразеологизмов с компонентами *язык, речь* спроецирована на ситуации, в которых реализуется позитивный, успешный, или же, напротив, негативный результат толерантной / интолерантной коммуникации.

Лингвопрагматика систематизирует «правила разговора, подчинённые так называемому принципу сотрудничества, recommending строить речевое общение в соответствии с принятой целью и направлением разговора, например, адекватно нормировать сообщаемую информацию (максима количества), сообщать только истинную информацию и обоснованные оценки (максима качества), делать сообщение релевантным относительно темы разговора (максима отношения), делать речь ясной, недвусмысленной и последовательной (максимы манеры речи)» [Арутюнова 1990: 390]. Конвенциональный характер общения интерпретируется в специальных трудах по речевой коммуникации [Грайс 1985; Гордон 1985; Формановская 2007; Шмелева 1983 и др.]. Выделяются прагматически ориентированные постулаты (импликатуры, максимы, принципы) речевого общения (коммуникативные постулаты), т. е. правила, выявляемые посредством анализа реальной речевой коммуникации, в первую очередь, живой разговорной речи, скрытые закономерности речевого общения, определяющие его успешность.

В коммуникативной лингвистике и прагматике понятие «имплицатура» включает в себя «невербальные элементы смысла, имплицитные смыслы, понимание которых обусловлено не сказанным, а взаимосвязью сказанного с логикой общения, законами коммуникации, жизненным опытом» [Матвеева 2010: 125]. Большинство постулатов речевого общения имеют «прескриптивный», т. е. предписывающий характер [Крысин 2011: 567], и могут быть интерпретированы как ценностные установки, которые имплицитно передаются языковыми устойчивыми сочетаниями и в развернутом виде формулируются афоризмами.

В работах по лингвистической прагматике и теории коммуникации специальное внимание уделяется постулатам речевого общения в их отношении к участникам коммуникативного взаимодействия. Осуществляются опыты систематизации основных постулатов. Формулируется общий принцип кооперации участников общения: «Твой коммуникативный вклад на данном шаге диалога должен быть таким, как того требует совместно принятая цель (направление этого диалога)» [Грайс 1985: 222]. Кооперативный диалог предполагает соблюдение правил, способствующих достижению положительного коммуникативного результата. В этой связи выделяются «максима качества информации», «максима количества информации», «максима релевантности» и «максима ясности» [Грайс 1985: 217–237].

Опираясь на максимы Г. П. Грайса, на материале фразеологизмов русского и китайского языков, Ли Вэньлу выделила нормы русского коммуникативного поведения. В ее диссертации специально охарактеризованы «нравственно-прагматический и речедеятельностный аспекты нормативной составляющей коммуникативного поведения, отраженные во фразеологии» [Ли Вэньлу 2018: 7].

Прагматически значимыми оказываются максимы вежливости: «максима такта», «максима щедрости», «максима одобрения», «максима скромности», «максима согласия», «максима симпатии» [Leech 1983: 67], спроецированные на постулаты этические (моральные). В их числе: «требование вежливости по отношению к собеседнику, часто нарушаемое требование избегать грубых выражений, запрет говорить с малознакомыми людьми на определенные темы»

[КРР 2003: 495–497].

Общая коммуникативно-прагматическая установка, как следует из специальной литературы, получает конкретизацию, спроецированную на закрепленные в национальной культуре правила речевого взаимодействия. С учетом коммуникативных «ролей-функций» коммуникативных партнеров Т. Г. Винокур выделяет два основных вида речевого общения: «информативное» и «фатическое» [Винокур 1993: 108]. Различаются «речевое поведение людей, когда они пользуются языком, чтобы послать или получить некоторое (информативное или ксатиинформативное) сообщение, и речевое поведение людей, когда они пользуются языком для того, чтобы вступить в общение» [Там же], установить контакт с коммуникативными партнерами на основе общих аксиологических предпочтений, продолжить контакт, соблюдая определенные правила. В этой связи выделяют коммуникативный кодекс – «систему принципов, которая регулирует речевое поведение собеседников в ходе коммуникативного акта и базируется на ряде категорий и критериев» [Бугаева 2010: 78]. Принятые в лингвокультуре правила речевого поведения выступают как регламентирующая система, на основе которой формируются модели речевого поведения, их успешная организация. Общепринятым является понимание диалога как совместной деятельности участников, каждый из которых вносит свой вклад в построение коммуникации, признавая общую цель общения.

Для реализации свойственной русской культуре «соборности» [Бердяев 1989: 190] – совместности, коллективизма – необходимо соблюдать конвенциональные принципы, правила кооперативного общения [См.: Борисова 2009; Винокур 1993 и др.]. Осмыслить коммуникативные конвенции, как нам представляется, можно в процессе изучения устойчивых сочетаний, в семантике которых закреплены компоненты 'язык', 'речь'.

И. А. Стернин, анализируя русские пословицы и поговорки об общении, на основе их систематизации по тематическим группам характеризуют взгляды русского народа на роль языка в жизни общества и отдельного человека, представления о том, как надо строить общение друг с другом в соответствии с

коммуникативными правилами. Автор приводит также «ряд единиц, которые к пословицам отнести нельзя», т. к. «они принадлежат фразеологии» [Стернин 1996: 2]. Из этого следует сделать вывод, связанный с тем, что глубинная семантика русских фразеологизмов, номинирующих и обозначающих речь и речевое общение, содержит скрытые установки-рекомендации, направленные на целесообразное ведение диалога, во-первых, и скрытые запреты, направленные на предотвращение коммуникативных неудач и ошибок, во-вторых.

Семантика фразеологизмов, смысл афористических суждений так или иначе транслируют постулаты речевого общения, опирающиеся на «стереотипы русского языкового сознания» [См.: Коновалова 2018] и определяющие кодекс речевого поведения. Конвенциональная основа речевого общения, в частности, отражена в произведениях русских писателей-классиков. В этой связи репрезентативной окажется выборка афоризмов о языке и речи из текстов русской литературы.

Таким образом, коммуникативно-прагматический подход к анализу языкового материала позволяет выявить правила общения, характерные для национальной лингвокультуры. Фразеологические единицы и афористические высказывания отражают общенародные представления о правилах речевого общения, соблюдение которых необходимо для формирования кооперативного речевого взаимодействия, достижения коммуникативной цели, а также для предупреждения коммуникативных конфликтов и неудач. Носитель русского языка как иностранного должен не только знать правила речевого общения, но и понять особые механизмы их передачи средствами языка.

1.2.3. Лингвоаксиологический аспект интерпретации фразеологизмов и афоризмов

В последние годы идеи аксиологии привлекают внимание не только философов, социологов, культурологов, но и лингвистов. Ученые стремятся определить, что нужно считать ценностями, что является их противоположностью,

как ценности отражены в языке, как ценности связаны между собой, как они соотносятся с категорией оценки и др. В новейших лингвистических исследованиях «во все большей степени присутствуют категории, термины, связанные с аксиологией, позволяющие выйти на прояснение глубинных аспектов человека в языке – *homo lingualis*» [Лингвистика и аксиология... 2011: 3]. Г. Лотце относил ценности к сфере долженствования. Он выделял «ценностные определения» тому, «что быть должно», т. е. к «миру должного», к миру «идей полноценного, святого, доброго и прекрасного» [Цит. по: Лингвистика и аксиология... 2011: 27]. При этом ценность – это объект определенного интереса, желания, значимый для человека, группы лиц, всего народа.

Теоретическую базу лингвоаксиологического аспекта данного диссертационного исследования, одной из задач которого является интерпретация аксиологических особенностей русской фразеологии и афористики в контексте национальной культуры вообще и культуры речевого общения в частности, составляют философские суждения русских мыслителей [Бахтин 1994; Бердяев 1997; Ивин 1998, 2000; Ильин 2005; Лосский 1931; Розанов 1996 и др.]. В их трудах подчеркиваются, что ценность можно понимать как целенаправленно отбираемый духовный объект, обладающий значимостью для субъекта-лица и/или для коллективного субъекта. Ценность и цель взаимосвязаны: «генетически высокие ценности отвлечены от целей. Операционально постановка целей осуществляется по ценностям. Цели в блоке с ценностями организуют поведение, сообщая ему генеральные интенции, связывая свободу, предопределяя движение на достижительность с позиций идеалогичности» [Ильин 2005: 202]. Н. О. Лосский в работе «Ценность и бытие» пишет: «Ценность есть нечто всепроникающее, определяющее смысл и всего мира в целом, и каждой личности, и каждого события, и каждого поступка» [Лосский 1931: 5]. Ценность, по Лосскому, стремится к осуществлению абсолютной полноты бытия, которое понимается как «высший предел», как «абсолютное совершенство», как «абсолютное Добро», как «Бог и Царство Божие» [Там же: 78]. Вслед за русским философом ценности можно трактовать с опорой на мотивационную основу убеждений и поведения человека

(людей), в том числе – речевого.

Аксиологию в советское время трактовали как «антимарксистское» идеалистическое учение. В постсоветский период тенденциозная трактовка аксиологии была переосмыслена: она определяется как «философская дисциплина, исследующая категорию «ценность», характеристики, структуры и иерархии ценностного мира, способы его познания и его онтологический статус, а также природу и специфику ценностных суждений» [Шохин 2010: 62]. Одним из главных вопросов аксиологии является вопрос о природе ценностей. Попытки ответить на него порождают обилие точек зрения, достаточно полный обзор которых содержится в книге «Красота. Добро. Истина: Очерк истории эстетической аксиологии» [Столович 1994]. Г. П. Выжлецов считает, что «ценности существуют и функционируют объективно в практике реальных социокультурных отношений и субъективно осознаются и переживаются в качестве ценностных категорий, норм, целей и идеалов» [Выжлецов 2000: 34].

В современной литературе, посвященной аксиологической проблематике, понятию «ценность» уделяется значительное внимание, однако общепринятое определение до сих пор не выработано. Отмечается многоаспектность базового терминологического понятия. Аспекты исследования ценностей можно встретить в работах по этике, эстетике, культурологии, социологии, психологии, логике, лингвистике. Элементы логики оценок и норм включаются в учебные пособия по логике для учащихся старших классов [См.: Ивин 1998: 135–145].

Наиболее распространенной в литературе является антропоцентрическая позиция, согласно которой «ценности так или иначе проистекают от человека» [Арутюнова 1988: 10.]. Именно поэтому «выделение ценностей оправдано и необходимо исключительно по отношению к человеку, они – всегда человеческие ценности, сама же проблема ценностей есть проблема социальная» [Майзель 1972: 258], а «вне отношения к людям предметы не подлежат ценностным определениям» [Анисимов 1988: 46; см. также: Алексеев 1991: 266]. «Эвристическим является понимание ценностей через социологическую интерпретацию их надындивидуального характера» [Леонтьев 1996: 19]. Декларируются социальные

предпочтения: «То, что нам (обществу или определенной группе, классу) нужно, полезно, мы называем ценностью или благом. Что нам не нужно или вредно, то мы ценностью не называем» [Тугаринов 1960: 15]. Исследователи полагают, что ценности имеют конвенциональный характер, т. е. при выделении набора главных ценностей в обществе существует согласие. Конвенциональность предполагает «утверждённый контекст ценностей», т. е. «совокупность ценностей, ценных не для того или иного индивидуума и в ту или иную эпоху, а для всего исторического человечества» [Бахтин 1994: 46–47]. В этой связи особо выделяются универсальные ценности.

Ценности характеризуются как: а) «обобщенные представления людей о целях и нормах своего поведения»; б) «играющие роль фундаментальных норм»; в) «выражающие смыслы культуры»; г) «влияющие на интересы и мотивы действия людей»; д) «имеющие основания в индивидуе и обществе» [Лингвистика и аксиология... 2011: 28]. Все эти параметры важны для исследования речевой коммуникации. «Генезис слова «ценность» показывает, что в нем соединились три значения: характеристика свойств вещей (феноменов), выступающих как объект ценностного отношения; психологические качества человека, являющиеся субъектом этого отношения; отношения между людьми, их общение, благодаря которому ценности обретают общую значимость» [Там же: 28]. Подчеркивается, что «ценности производны от соотношения мира и человека, выражая то, что есть в мире, включая и то, что человечество создает в процессе истории как значимое для человека» [Там же]. Особо рассматривается значимость объекта для субъекта. М. С. Каган в определении ценности как особой формы связи объекта и субъекта, полагает, что подобная связь проявляется, когда человек выступает не как субъект познания, а как «носитель определённого отношения к реальности, бытию, миру, в котором он живет и который соотносит со своими социокультурными потребностями, интересами, устремлениями, идеалами» [Каган 1999: 347]. Объектом ценностного отношения является кооперативность коммуникации.

Лингвисты не только отталкиваются от философских идей, но и развивают их. Так, ценности определяются как «социальные, социально-психологические

идеи и взгляды, разделяемые народом и наследуемые каждым новым поколением. Это то, что как бы априори оценивается этническим коллективом как нечто «хорошее» и «правильное», является образцом для подражания и воспитания, к чему надо стремиться» [Прохоров 2006б: 36]. В этой связи особую значимость приобретают выявление и систематизация аксиологом – вербальных знаков базовых ценностей, – а также исследование направлений динамики аксиологических предпочтений в текущее время. В ряду базовых ценностей особое место занимают язык и кооперативное межличностное речевое общение, в котором проявляются общенародные, групповые, личностные ценностные ориентиры и предпочтения. Язык трактуется как собственно «коммуникативная ценность» [См.: Дементьев 2013, 2016; Ларина 2009: 43–51; 2011 и др.]. Коммуникативные ценности выступают как «регуляторы общепринятого нормативного коммуникативного поведения (вербального и невербального), характерного для членов определенного этнокультурного социума» [Ларина 2011: 150].

Ценностные ориентиры ярко проявляются в границах межсубъектных отношений. В процессе речевой коммуникации происходит обмен ценностными смыслами, которые сопровождаются общими (в среде «своих») и контрастными (при взаимодействии «своих» и «чужих») оценками. Ценностный конфликт, в частности, может возникнуть в процессе общения субъектов, представляющих разные социальные группы, т. е. он выступает как внутрикультурный, но в границах «социально неоднородной среды» [Крысин 2000: 317]. Эти наблюдения и обобщения принципиальны для осмысления механизмов речевого взаимодействия, которое может быть «субъектно-субъектным» и «субъектно-объектным» [См.: Винокур 1993: 160], порождать определенные ценностные смыслы, связанные прежде всего с оценкой коммуникативных норм, уместностью речевой манеры коммуникативного партнера в соотнесенности с его статусно-ролевой позицией, а также с оценкой конкретного коммуникативного результата.

В специальной литературе разрабатывается типология ценностей. Так, Н. О. Лосский выделяет следующие типы: «первичные» и «производные»; «абсолютные» и «относительные»; «положительные» и «отрицательные»;

«основные» и «служебные» (вспомогательные) [Лосский 1931: 64–84]. Философ отмечает: «Важнейшая задача аксиологии состоит в установлении существования абсолютных ценностей и преодолении аксиологического релятивизма, т. е. учения, утверждающего, что все ценности относительны и субъективны» [Там же: 64]. Выделенные Н. О. Лосским «типы ценностей диалектически связаны и, что очень важно, активны, помогают осмыслить мир в его различных оттенках» [Рыбаков 1997: 107].

Отметим типологию ценностей, предложенную Ю. Г. Вешнинским, который выделил 13 групп ценностей, включенных в постсоветскую эпоху: 1) «государственно-политические, военно-силовые, гражданско-правовые ценности (сила, безопасность, справедливость, законность и т.д.)»; 2) «историко-культурные ценности (все то, что олицетворяет и символизирует «связь времен», культурную и историческую память, преемственность традиций, место человека и т.д.)»; 3) «коммуникативные ценности (ценности саморастворения в коллективе или общине)» – добавим, что данная группа ценностей проявляется в речевом общении; 4) «натуральные, или природные ценности, связываемые обычно с экологией (чистый воздух, чистая вода, здоровье, долголетие населения и т.д.)»; 5) «научно-когнитивные ценности (знания и образовательно-квалификационное «качество населения», система образования и т.д.)» – добавим, что данная группа ценностей ярко проявляется в учебной и профессиональной коммуникации; 6) «персоналистские ценности (ценности личной самореализации)», которые, как нам представляется, ярко реализуются в коммуникации, а именно – в речевой партии говорящего; 7) «религиозно-конфессиональные ценности (нормы, символы, тексты, обряды, храмы, иконопись и т.д.)»; 8) «социально-стратификационные ценности (в оппозициях: «аристократизм» / «народность», или, в ином контексте, «интеллигентность» / «хамство» / «буржуазное» / «маргинальное» и т. д.)»; 9) «художественно-эстетические ценности как таковые», которые важны как в процессе производства художественного произведения, так и в процессе его восприятия адресатом – отметим, что афористические суждения русских писателей о языке и речевой коммуникации репрезентируют данную группу ценностей; 10)

«ценности урбанистических локально-территориальных сообществ («душа Петербурга», «дух Арбата» и т.д.)» – добавим, что в пространстве Урала данные ценности детализируются: «уральский край», «уральский характер» [См. об этом: Вепрева 2016: 129]; 11) «экономические ценности (хозяйственные навыки, предметно-вещная среда, т. е. наследие как богатство в узком смысле слова)»; 12) «этические ценности как таковые», являющиеся обязательной составляющей коммуникативной конвенции; 13) «этнические ценности (язык, фольклор, обычаи, приписываемые этносам общественным мнением свойства: «французский шарм», «немецкая аккуратность», «русская широта», «загадочная русская душа» и т.д.)» [Вешнинский 2005: 58–63]. Обратим внимание на то, что язык исследователь относит именно к этническим ценностям. Важно, что коммуникативные ценности выделяются с учетом их национальной специфики. Кроме того, язык является базовой национальной ценностью и инструментом, обеспечивающим реализацию в речи, тексте, речевой коммуникации каждой из групп ценностей.

В. И. Карасик выделяет ценности «этические, эстетические, утилитарные и гедонистические»; по субъектному охвату – ценности «общечеловеческие, цивилизационные, этнические, макро- и микро-групповые», а также индивидуальные; по степени императивности – ценности «облигаторные и рекомендательные»; по динамике развития – ценности «постоянные и временные, исчезающие и появляющиеся»; по глубине проявления – ценности «архетипические и обиходные» [См.: Карасик 2018: 50]. Ученый отмечает, что в «сюжетных мотивах зафиксированы значимые крупницы опыта человеческих отношений, т. е. ценности и нормы поведения, и поэтому они сохраняются в памяти человека и повторяются в различных фольклорных и авторских текстах» [Там же: 50]. Каждая из групп ценностей находит отражение в разных сферах речевой коммуникации. Это не только собственно аксиологемы, но и развернутые ценностные установки, ценностные суждения.

Язык хранит и транслирует передающиеся от поколения к поколению аксиологические предпочтения национальной культуры. «Совокупность ценностных доминант образует определенный тип культуры, сохраняемый

языком» [Маслова 2010: 66]. Коммуникативные ценности отражаются в зеркале лексики, фразеологии, транслируются афоризмами, пословицами, поговорками, текстами изящной словесности. Ценностные предпочтения, установки, оценки передает фразеологическая система национального языка. Носители русского языка как иностранного, осмысляя фразеологию, осваивают этнические ценностные ориентиры, важные для свободного вхождения в коммуникацию на русском языке. Методические принципы преподавания русского языка как иностранного с использованием аксиологического потенциала устойчивых единиц языка планомерно разрабатывает страноведение [См.: Бурвикова 2006]. Базовые общенациональные ценности, нормы культуры, особенности мировоззрения россиян зафиксировали классики русской литературы, мыслители, ученые в своих афористических суждениях, которые могут использоваться в учебном процессе как дидактический материал.

К основным ценностям русского этноса традиционно относят «соборность», или общинность, «поиск социальной и исторической справедливости», оптимизм, доброту и всепрощение, скромность, бескорыстие, второстепенность материального, гостеприимство, «любовь к большому пространству и дикой природе» [Бердяев 1997: 245–412]. Для данного диссертационного исследования важен отмеченный русскими философами и проявляющийся в речевой коммуникации характерный для русского народа ценностный выбор, предполагающий «возможность сочетания принципа личности и принципа общинности» [Там же: 271]. В процессе речевого взаимодействия «общинность», кооперация не исключают проявлений персонализма, но исключают эгоцентризм и полное растворения в коллективе, утрату собственного *Я*.

Актуальность развития лингвоаксиологии как самостоятельного научного направления подтверждается новейшими лексикографическими практиками. В последние годы выходят в свет аксиологические словари. В предисловии к «Аксиологическому словарю фразеологизмов-библеизмов» выделяются «аксиологически заряженные понятия, отражающие различного рода ценности и антиценности, закреплённые в коллективном сознании, культуре и языке»

[Байрамова 2012: 7]. По данным указанного словаря, к числу базовых ценностей относятся левые члены следующих оппозиций: «жизнь – смерть; здоровье – болезнь; счастье – несчастье; родина – чужбина; труд – отдых; богатство – бедность; ум – глупость; правда – ложь; смех – плач; рай – ад» [Там же: 8–9]. Правые члены оппозиций номинируют антиценности. Лингвоаксиологическая типология вербализованных ценностей русской культуры – перспективная лингвистическая задача, в процессе решения которой, как представляется, следует разграничивать аксиологемы и аксиологически маркированные единицы.

Лингвоаксиологический подход к изучению языка, речевого существования и текстов осуществляется в ряде специальных исследований [Аксиологические аспекты... 2018; Вепрева 2016; Лингвистика и аксиология... 2011; Шалина 2016 и др.]. Ценностные предпочтения, определяющие специфику общественного сознания, характер мировоззрения, непосредственно связаны с «системой представлений носителя языка о действительности, выраженных средствами языка» [Вепрева 2016: 14]. Выделяются «базовые (прямые) и дополнительные (косвенные) языковые сигналы вербализации ценностных представлений и установок» [Шалина 2016: 121]. К способам выражения ценностного отношения относят «модальность долженствования, необходимости или желательности», «оценочные высказывания», «рефлексивы» [Там же: 122–126]. Как было отмечено выше, фразеологизмы обладают «денотативным и коннотативным компонентами значения, т. е. одновременно обозначают понятие об определенном явлении и содержат его характеристику, квалификацию, субъективную оценку с позиций субъекта речи» [Купина 2013: 53]. Аксиологически оценочные ценностные смыслы составляют основу афористических высказываний.

Во вьетнамском научном дискурсе проблема ценностей занимает важное место. Представим краткий очерк вьетнамской аксиологии, опираясь на труды, извлечения из которых представлены в переводе автора диссертации. Полагаем, что выделенные ниже аксиологические приоритеты позволят глубже проникнуть в идеи русской аксиологии.

История Вьетнама связана с постоянными войнами за независимость народа,

которые оказали влияние на формирование собственно национальной системы ценностей. Вьетнамские мыслители «принимают и развивают в соответствии с национально-специфическими особенностями Вьетнама идеи буддизма, конфуцианства, даосизма, <...> идеи японских, тайландских, китайских, а также европейских, русских философов» [Doãn Chính 2013: 1039]. Национальная аксиология «не является чисто вьетнамской, а соединяет идеи мировой философии в попытке объяснять вопросы, связанные с миром, человеком, жизнью и историей общества. Вьетнамские философские идеи отражены в художественных, исторических, а также в политических текстах. В них развивается антропоцентрическое направление, ориентированное на воспитание у людей нравственных качеств» [Там же]. Аксиологическая проблематика охватывает труды современных вьетнамских философов, культурологов [Ngô Đức Thịnh 2010, 2016, 2019; Trần Văn Giàu 1980; Trần Ngọc Thêm 2016; Phạm Minh Hạc 2012 и др.]. В отмеченных исследованиях рассмотрены теоретические основы аксиологии, изучены и определены базовые ценности вьетнамского народа, обозначены пути их сохранения и развития.

Существуют различные подходы к изучению ценностей в пространстве Вьетнама. Философ и культуролог Чан Нгок Тхэм в рамках комплексного подхода (субъект – объект – отношение) трактует ценность как заданную «особенность объекта, получающую положительную оценку от субъекта в сопоставлении с другими объектами того же рода в определенное время» [Trần Ngọc Thêm 2016: 39]. Антропоцентрический подход характерен для следующего определения: «Ценности – оценки естественных, социальных или мыслительных явлений, то, что является нужным, хорошим, красивым, или то, что люди считают истиной, добротой, красотой, что подтверждает и повышает сущность человека. Ценностные предпочтения подчиняют мышление, веру, поведение и чувства людей» [Ngô Đức Thịnh 2010: 22].

Актуальным признается выявление системы общенациональных ценностей, т. е. «совокупности всех ценностей как одного человеческого множества (мира, народа, региона, семьи), так и ценностей персональных» [Phạm Minh Hạc 2012: 30].

Чан Ван Зау предложил интерпретацию 7 национальных ценностей: «патриотизм, трудолюбие, героизм, творчество, оптимизм, доброта и справедливость» [Trần Văn Giàu 1980: 94]. Фан Нгок описал 5 ключевых для вьетнамцев ценностей: «взаимопомощь и забота, солидарность, гармония в семье, доброта, уважение ко всем людям вне зависимости от их социального уровня» [Phan Ngọc 1999: 144–150]. Нгуен Куанг Нгок провел специальное исследование таких ценностей, как «патриотизм и самостоятельность, сплоченность в интересах народа, трудолюбие и творчество, адаптация и интеграция, мягкость коммуникативного поведения, уважение к обладателям знания, общинность, доброта, взаимная забота и помощь» [Nguyễn Quang Ngọc 2007: 398]. Культуролог Нго Дык Тхинь представил описание 19 национальных культурных ценностей в динамике. Он выявил 5 аксиологических констант, которые необходимо сохранять и развивать в процессе обновления и интеграции страны: «патриотизм, солидарность, трудолюбие, героизм, любовь к семье и малой родине» [Ngô Đức Thịnh 2010: 46]. Подчеркивается, что вьетнамцы предпочитают коллективизм, солидарность, а также гармонию в процессе межличностного общения. В то же время набор ценностей в трактовке разных ученых не совпадает. Признается, что фразеологический фонд вьетнамского языка и афоризмы – источники сведений о ценностях, которые составляют «сокровище национальной культуры» [Hoàng Văn Hành 1994: 142].

Отдельные наблюдения связаны с особенностями речевой коммуникации вьетнамцев. Так, Чан Нгок Тхэм в работе «Ценностная система Вьетнама: традиции, современность и будущее» выделяет болтливость как неодобряемую вредную привычку, отмечая, что «для вьетнамцев характерна сдержанность собственно речевого и жестового поведения» [Trần Ngọc Thêm 2016: 336]. Он обращает внимание на гендерные различия: «Девочки разговорчивее мальчиков; женщины разговорчивее мужчин» [Там же]. Называя «болезнью» болтливость, а также сплетни, пустые разговоры, ученый иллюстрирует этот тезис с помощью фразеологизмов с общим значением ‘сплетничать’: *biên dưa lê* (досл. *торговать дыней*), *ngồi lê đôi mách* (досл. *сидеть и сплетничать*) [НБВРС 2012. Т. 2: 320]. Исследователь отмечает, что отношение к болтливости выражено пословицей: *Một*

trăm ông chú không lo / Lo vì một nỗi mẹ o nỏ môt (досл. *Опасение вызывает не сто дядей, а всего лишь одна болтливая тетя*). Описанию особенностей вьетнамской коммуникативной культуры по данным фразеологизмов и пословиц посвящен раздел книги «Основы вьетнамской культуры» [Vũ Hải Hà 2017: 122–125]. В настоящее время, однако, отсутствуют комплексные исследования, посвященные выявлению коммуникативных ценностей национальной культуры по данным вьетнамской фразеологии и афористики.

Следует подчеркнуть, что каждая лингвокультура характеризуется особыми аксиологическими предпочтениями, закрепленными в семантике фразеологизмов. Даже краткий очерк аксиологических исследований обнаруживает сходство базовых ценностей русского и вьетнамского народов, а также сходство в отдельных ценностных предпочтениях, влияющих на механизмы речевого коммуникативного взаимодействия. Очевидны различия в мировосприятии, прежде всего – в формировании национально-специфических образных параллелей, позволяющих уточнить аксиологическое содержание речевого общения. Контрастивный анализ осуществлен, в частности, на материале русской и вьетнамской фразеологии и афористики в отдельных диссертационных работах [Ле Дык Тху 2003; Нгуен Лан Фыонг 2019 и др.].

Задача лингвоаксиологии – активно развивающейся отрасли лингвистики – исследование вербализованных ценностных предпочтений и отталкиваний. Философские идеи аксиологии открывают перспективы комплексной интерпретации фразеологических единиц и индивидуально-авторских афоризмов, позволяют по-новому осмыслить базовые коммуникативные ценности лингвокультуры.

Выводы

В границах русистики активно развивается фразеология – самостоятельный раздел науки о языке. Анализ специальной литературы позволил разграничить

узкий и широкий подходы, связанные с определением фразеологизмов и их типологией.

Фразеологизм (несвободное сочетание), в соответствии с концепцией В. В. Виноградова, характеризуется устойчивостью компонентного (лексического) состава, воспроизводимостью, семантической целостностью, заданностью синтаксической позиции в пределах предложения (узкий подход). Совокупность отмеченных признаков используется при решении проблемы типологии устойчивых единиц и проблемы их соотнесения с отдельным словом и свободным словосочетанием. Спорным является вопрос об отнесении к фразеологизмам составных терминов, которые остаются за пределами нашего анализа.

В соответствии с широким подходом фразеологизм определяется не только как воспроизводимое устойчивое словосочетание, но и как воспроизводимый оборот, а фразеология языка включает пословицы, поговорки, ставшие крылатыми афористические выражения.

Дифференциальные признаки исследуемых авторских афоризмов: обобщенность, лаконизм, выразительность, синтаксическая оформленность в виде высказывания (реже – двух контактных взаимосвязанных высказываний), передающего глубокое по содержанию суждение или аксиологическую установку. Не все авторские афоризмы являются крылатыми, воспроизводимыми, широкоупотребительными, входящими в состав фразеологической системы в широком ее понимании.

Афоризмы русских писателей, философов, общественных деятелей обладают аксиологическим содержанием, интерпретация которого будет способствовать уточнению выявленных на материале фразеологии ментально значимых представлений о процессе речевой коммуникации.

В рамках антропоцентрической парадигмы современной лингвистики фразеология и афористика изучаются с различных точек зрения и являются объектом исследования разных научных дисциплин, в том числе лингвокультурологии, коммуникативной лингвистики, лингвопрагматики, лингвоаксиологии.

Лингвокультурологический аспект интерпретации фразеологизмов русского языка и афоризмов применительно к исследуемому в работе материалу предполагает выявление национально-культурной специфики фрагментов языковой картины мира и описание определенных лингвокультурных типажей.

Коммуникативно-прагматический подход к анализу фразеологизмов и афоризмов дает возможность осмыслить конвенциональные принципы, правила речевого общения, принятые в национальной лингвокультуре, определяющие результативность процесса кооперативного речевого взаимодействия.

Лингвоаксиологический подход к интерпретации выделенных для анализа фразеологизмов и афоризмов позволит выявить номинации базовых коммуникативных ценностей, установить ценностные константы (принципы) речевой коммуникации.

Реализованный в диссертационной работе атомарный контрастивный анализ демонстрирует универсальность типологии В. В. Виноградова, предполагающей выделение сращений (идиом), фразеологических единств, фразеологических сочетаний, и возможность использования данной типологии в процессе исследования фразеологизмов вьетнамского языка. Открывается перспектива развития вьетнамской фразеологии на базе концепции В. В. Виноградова.

Глава 2. Фразеологизмы, номинирующие и характеризующие речь и речевое общение

Задача данного этапа исследования: отталкиваясь от предложенного В. В. Виноградовым определения фразеологической единицы, извлечь из словарей русского языка устойчивые сочетания, в семантике которых содержатся семы 'язык', 'речь', разработать классификацию тематической группы фразеологизмов «Речь и речевое общение»; на основе результатов комплексного анализа описать набор конвенциональных принципов русской речевой коммуникации, сконструировать ряд лингвокультурных типажей.

2.1. Структура тематической группы фразеологических единиц «Речь и речевое общение»: опыт семантического и лингвоаксиологического анализа

Развитие фразеологии как самостоятельной научной дисциплины сопровождается лексикографической практикой. Фразеологическая система русского языка зафиксирована в серии словарей [БФСРЯ 2009; ССРФ 2016; ФОС 2009; ФСРЛЯ 2008; ФСРЯРК 2018; ФССРЛЯ 2004 и др.]. В эпоху перемен важность приобретает проблема систематизации национально-специфических ценностных смыслов, закрепленных в языковой картине мира. Лексикографическое решение этой проблемы предложено в новом типе изданий [См., например: Байрамова 2011].

Как было отмечено выше, в научной литературе выделяются узкий и широкий подходы к фразеологии. В данном разделе диссертационной работы принят узкий подход. Анализ языкового материала проводится с учетом предложенной В. В. Виноградовым типологии, учитывающей степень семантической связанности и грамматической отдельности устойчивого сочетания.

В диссертационных исследованиях последних лет осуществляются опыты

аспектной систематизации и описания фразеологизмов, семантика которых связана с речью человека и особенностями речевой коммуникации. Так, в диссертации «Русские фразеологизмы со словом *язык* в лингвокультурологическом аспекте» предложен анализ 140 русских фразеологизмов со словом *язык*, представлены «17 синонимических гнезд, <...> отмечены антонимические отношения» [Хуссейн 2006: 4–5; см. также: Ли Вэньлу 2018 и др.].

В исследованиях новейшего времени, выполненных носителями русского языка как иностранного, реализуется контрастивный анализ, проведенный на материале языков, не являющихся родственными. Так, Нгуен Бик Нгок предложила сопоставительный анализ групп фразеологизмов, объединённых семантикой «акустические свойства речи», «характеристика речевой способности человека» в русской и вьетнамской лингвокультурах [Нгуен Бик Нгок 2019: 98]. Придерживаясь узкого подхода к изучению фразеологических единиц, автор рассматривает фразеологизмы-идиомы, оставляя за пределами анализа пословицы, поговорки, афоризмы.

Назовем основные источники языкового материала в настоящем диссертационном исследовании: «Фразеологический словарь русского языка» под редакцией А. И. Молоткова [ФСРЯ 1978]; «Фразеологический словарь современного русского литературного языка» [ФССРЛЯ 2004] под редакцией А. Н. Тихонова; «Фразеологический словарь русского литературного языка» под редакцией А. И. Федорова [ФСРЛЯ 2008]; «Большой фразеологический словарь русского языка» под редакцией В. Н. Телия [БФСРЯ 2009].

Выбор для анализа фразеологических словарей русского языка обусловлен подходом их составителей к отбору устойчивых единиц. В основу однотомию словаря под редакцией А. И. Молоткова [1978] положен узкий подход к фразеологии, которого придерживаются также составители «Фразеологического словаря русского литературного языка» [2008], «Большого фразеологического словаря русского языка» [2009]. В последнем фиксируются «фразеологизмы-идиомы, изначально всегда образно мотивированные, но полностью переосмысленные по значению сочетания слов» [Телия 2009: 6], приводится

культурологический комментарий к описываемым единицам языка. Узкий подход позволяет корректно описать участки фразеологической системы, установить сложившиеся в лингвокультуре принципы отбора аксиологически маркированных опорных компонентов устойчивых единиц, выявить ментально значимые образные параллели. Составители двухтомного словаря под редакцией А. Н. Тихонова [2004] стремятся «правильно очертить границы фразеологического материала, извлечь его, не повредив целостности системы» [Тихонов 2004: 4]. В данном издании осуществлен широкий подход к фразеологии: фиксируются устойчивые формульные обороты текущего времени. В словаре отмечены устойчивые терминологические сочетания, а также устойчивые образные выражения, равные синтаксически оформленному предложению.

Для подтверждения выдвинутой гипотезы, сформулированной в разделе «Введение», методом сплошной выборки из фразеологических словарей русского языка [БФСРЯ 2009; ФСРЛЯ 2008; ФСРЯ 1978; ФССРЛЯ 2004] были извлечены устойчивые единицы, которые включают: существительные, обозначающие органы речи и восприятия речи в форме единственного и/или множественного числа: *язык, рот, уста, губа, зуб, горло, глотка, ухо*; лексема *глаза*, обозначающая орган зрительного восприятия речи говорящего; глаголы речевой деятельности и восприятия речи: *говорить, сказать, болтать, молчать, слушать* и др. [См: ЛСГРГ 1988: 52–56; Жеребило 2010: 73–74], их приставочные производные; существительное *слух*; существительные, обозначающие говорение / отсутствие говорения, средства и «продукты» речевой деятельности: *речь, молчание, молчанка, слово, сказанное, шутка, сказка, разговор, голос* в значении ‘слышимое звучание речи’ [ТСРЯ 2008: 159]. Первичная выборка – 365 единиц без учета многозначности фразеологизма. Отдельные аналитические процедуры представлены в магистерской диссертации [Дао Динь Тхао 2015].

В соответствии с семантическим критерием, из первичной выборки исключаются фразеологизмы, значения которых не связаны с языком и речью. Например: *брать / взять на язык* – ‘пробовать на вкус что-либо’ [ФСРЛЯ 2008: 43]; *язык проглотить* – ‘очень вкусный’ [ФСРЯ 1978: 362]. Подобные устойчивые

сочетания со словом *язык* сформированы на базе значения ‘подвижный мышечный орган в полости рта, воспринимающий вкусовые ощущения у человека’ [ТСОШ 2005: 917]. Семантический компонент ‘участвующий в артикуляции’, отмеченный в толкованиях [Там же], не наследуется приведенными значениями фразеологизмов, в отличие от единиц типа *проглотить язык* (ирон.) – ‘неожиданно замолчать, перестать говорить, болтать’ [ФСРЯ 1978: 361].

Не являются объектом специального анализа фразеологизмы с другими гипотетически выделенными опорными словами. Например: *кровь говорит* – ‘о родственном чувстве’ [ФССРЛЯ 2004. Т1: 521]; *горчить на губах* – ‘оставлять на губах, во рту горьковатый вкус, привкус’ [Там же: 275]; *заячья губа* – ‘врожденное ненормальное раздвоение верхней губы у человека’ [Там же: 430]; *не по зубам* – ‘нет или не хватает, недостаёт умения, способностей, силы и т. п. на что-либо’ [ФСРЛЯ 2008: 248]; *вооружаться до зубов* – ‘быть хорошо, основательно оснащенным оружием’ [ФССРЛЯ 2004. Т.1: 447]; *в рот не брать* – ‘совсем не употреблять какой-нибудь пищи, питья’ [ФССРЛЯ 2004. Т. 2: 268]; *лишний рот* – ‘о том, кто обременяет’ [ФССРЛЯ 2004. Т1: 551]; *в два, в три горла* – ‘очень много’ [Там же: 272]; *промачивать / промочить горло (глотку)* – ‘пить (обычно вино)’ [ФССРЛЯ 2004. Т. 2: 155]; *тащить за уши* – ‘всеми силами помогать кому-либо, содействовать продвижению кого-либо, по службе, в работе, в занятиях’ [ФССРЛЯ 2004. Т. 2: 634]. Отмеченные и подобные фразеологизмы находятся за пределами тематической группы единиц, обозначающих и характеризующих речь и речевое общение. Во всех случаях определяющим является фактор многозначности семантически опорного слова – компонента фразеологической единицы.

На основании критериев семантической связности анализируемой единицы, отдельности слов, образующих устойчивое сочетание, возможности их замены в составе целого сочетания, синтаксической самостоятельности сочетания в составе предложения из перечня устойчивых единиц, полученного на основе выборки из указанных словарей, были исключены сочетания, в составе которых каждый компонент употребляется в прямом значении, отмеченном толковыми словарями, сохраняет свою отдельность. Имеются свободные, в том числе

терминологизированные, сочетания, которые регулярно употребляются в лингвистических трудах. Например: *русский / польский / немецкий язык, общенародный / национальный язык, родной / природный язык, азиатские / африканские / европейские языки, древние / классические языки, мертвый язык, морской / охотничий / воровской язык, литературный язык, тайные языки, устная / письменная речь* и др. В составе данных сочетаний каждая лексема имеет отдельное значение. Так, в сочетании *национальный язык* опорное слово *язык* сохраняет прямое значение ‘сложившаяся исторически система звуковых, лексических, грамматических средств, объективирующая работу мышления и являющаяся орудием общения, обмена мыслями и взаимного понимания людей в обществе’ [ТСРЯ 2008: 1134]. Относительное прилагательное *национальный* употребляется в значении ‘исторически сложившаяся в процессе формирования устойчивая этническая общность людей’ [Там же: 500; 1130]. В сочетании *устная речь* прилагательное *устная* реализует прямое значение ‘произносимая’, т. е. ‘имеющая звуковую форму, в отличие от письменной’ [ТСОШ 2005: 841]; существительное *речь* – прямое значение ‘говорение’ [Там же: 678]. Каждое из слов, входящих в приведенные сочетания, сохраняет собственное значение, т. е. обладает отдельностью. В сфере профессионального общения подобные сочетания употребляются в прямом значении, причем отдельная составляющая занимает позицию самостоятельного члена предложения. Составные терминологические сочетания, в соответствии с концепцией В. В. Виноградова, выходят за пределы фразеологии. Охарактеризованные единицы примыкают к исследуемой тематической группе, однако не могут быть отнесены к фразеологизмам в узком понимании терминологического понятия.

Объект специального анализа – тематическая группа фразеологизмов русского языка (290 единиц без учета многозначности). Мы опираемся на приложимое к фразеологии принятое в русистике определение тематической группы лексических единиц как выделенной «в пределах семантического поля или независимо от него лексической группировки, в которой лексика объединена по денотативному признаку, т. е. по обозначению реалий действительности» [РГЭС

2002. Т. 3: 537]. «В рамках одной тематической группы существуют более мелкие, но тесно спаянные между собой лексико-семантические группы слов» [Филин 1957: 526]. Тематическая группа фразеологизмов – класс семантически объединенных устойчивых единиц, связанных «парадигматическими отношениями» [Кузнецова 1983: 43].

Подавляющее большинство анализируемых фразеологических единиц относится к единствам (236 единиц); менее частотными оказываются фразеологические сочетания (45 единиц); единичными являются фразеологические сращения (9 единиц). Представим доли типов фразеологизмов в общей выборке (рис. 1).

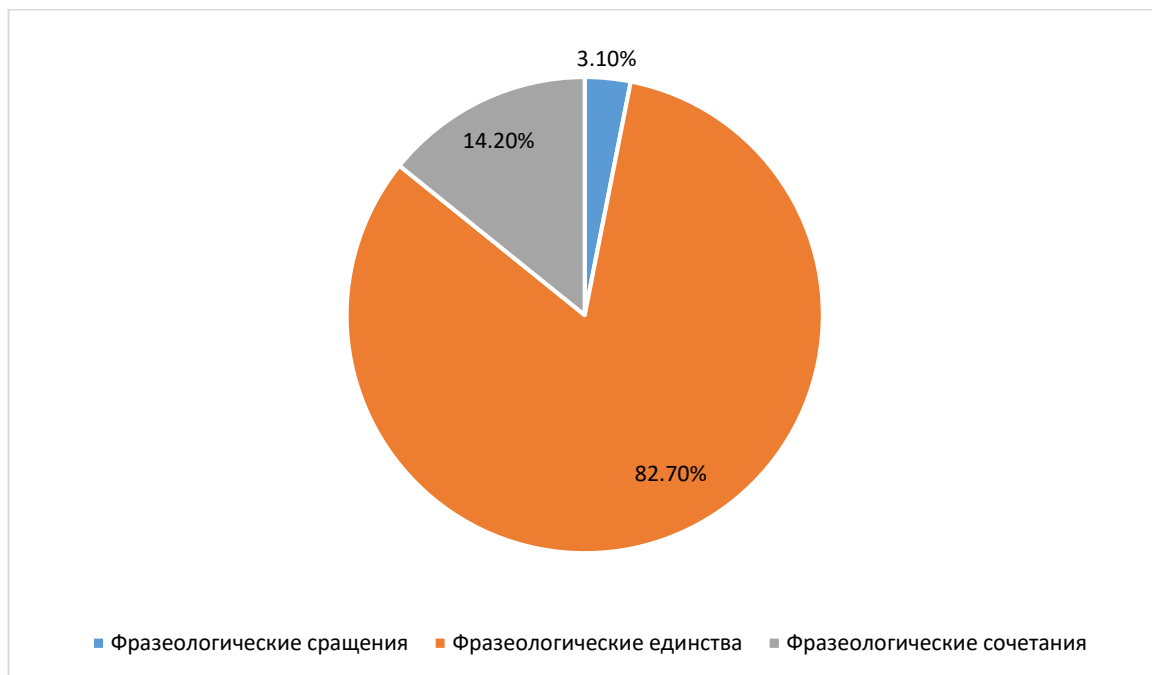

Рисунок 1 – Типы фразеологизмов, номинирующих и характеризующих речь и речевое общение

По принципу дополнения к анализу привлекаются фразеологизмы вьетнамского языка, извлеченные из специальных изданий [НБВРС 2012; Nguyễn Lân 2013; Nguyễn Lực 2009]. Дословный перевод устойчивых единиц и перевод их толкований на русский язык осуществляется автором диссертации. Отметим, что в современной вьетнамской лингвистике «изучение фразеологии находится в состоянии, когда ее предмет определен нечетко» [Nguyễn Lực 2009: 9]. Добавим, что в сборники произведений устного народного творчества «авторы без

разграничений включают не только пословицы, поговорки, частушки, но и фразеологизмы» [Фунг Чонг Тоан 1995: 27].

Выявленный нами пласт фразеологизмов русского языка классифицируется: внутри тематической группы выделяются подгруппы. Один и тот же фразеологизм, в зависимости от значения, может входить в разные подгруппы тематического объединения.

Анализ осуществляется по разработанной схеме в установленной последовательности. В соответствии с гипотезой, единицы, включающие семантически опорные компоненты, извлекаются из указанных фразеологических словарей (1). Приводятся словарные толкования значений и соответствующие стилистические пометы (2). Семантическая интерпретация осуществляется на основе имеющихся в толкованиях идентификаторов, их уточнителей, каждый из которых выделяет дифференциальную сему (3). Семантика фразеологизмов описывается в ее проекции на транслируемое аксиологическое содержание.

Сохраняя формальный принцип, представим описание тематических подгрупп устойчивых единиц, расположив их от общего к частному с учетом семантического пересечения и противопоставления, но без учета количественного наполнения.

ТЕМАТИЧЕСКАЯ ПОДГРУППА «ГОВОРЕНИЕ». С помощью устойчивых единиц данной подгруппы номинируются и характеризуются: а) начало речи, процесс говорения в разных ситуациях общения; б) право выражать собственное мнение. Выделим ряды фразеологизмов с семантически опорными компонентами.

А) Обозначение и характеристика начала речи, процесса говорения в ситуациях общения содержатся в семантике фразеологизмов с компонентами *рот, глотка, уста, слово, голос, шутки*.

– Фразеологизмы с семантически опорными компонентами *рот, глотка, уста*: *растегнуть рот / глотку* во вторичном словарном значении ‘начать говорить, болтать, петь, ругаться’ [ФСРЯ 1978: 386]; *открывать / раскрывать уста* – ‘говорить, разговаривать’ [ФССРЛЯ 2004. Т. 2: 624]; синонимы *открывать / открыть рот; разевать / разинуть рот; раскрывать / раскрыть рот* (ирон.) в

первичном словарном значении ‘пытаться выразить своё мнение; начинать говорить что-либо’ [ФСРЛЯ 2008: 526].

Идентификаторы *начинать / начать говорить, разговаривать* указывают на сильную позицию звучащей речи – ее начало. Идентификаторы *начать болтать, ругаться* выделяют неконвенциональные способы оформления инициальных реплик.

– Фразеологизмы с опорным семантическим центром *слово: предоставлять / предоставить слово* – ‘разрешать выступить с речью на собрании, заседании, митинге и т. п. [ФСРЯ 1978: 353]; *давать / дать слово* кому во вторичном словарном значении ‘предоставлять возможность высказаться’ [ФСРЯ 1978: 125]; *взять слово* – ‘получить возможность выступить, высказаться’ [ФССРЛЯ 2004. Т. 1: 130]; *сказать / молвить слово* – ‘поговорить с кем-либо, сказать что-либо’ [ФССРЛЯ 2004. Т. 2: 365]; *перекинуться / переброситься словом / словами* – ‘поговорить, поболтать с кем-либо’ [ФССРЛЯ 2004. Т. 2: 365].

Идентификаторы *разрешать, предоставлять возможность, получить возможность* указывают на официальное приглашение к устному публичному выступлению. Идентификаторы *поговорить, поболтать* указывают на процесс непродолжительного непринужденного речевого взаимодействия. В зеркале фразеологии разграничиваются публичное и межличностное общение.

– Фразеологизмы с опорным семантическим центром *голос: поднимать / подымать / поднять голос* в первичном словарном значении ‘выступать, высказаться, выражать свое мнение’ [ФСРЯ 1978: 330]; *подавать / подать голос* – ‘произносить, говорить что-либо, обычно обнаруживая тем самым свое присутствие’ [ФСРЯ 1978: 327].

В толкованиях идентификаторы *выступать, высказаться, произносить, говорить* с уточнителем *свое мнение* акцентируют инициативное выступление, как правило, публичного характера, содержащее индивидуальную точку зрения говорящего, личное восприятие какого-либо факта или события. Аксиологическую значимость приобретает одобрительное отношение к позиции говорящего, наличие у него собственного, в том числе нестандартного, взгляда на конкретную ситуацию.

Ср.: фразеологизм с компонентом *голос*, обозначающий и характеризующий говорящего, не способного высказать оригинальную мысль: *с чужого голоса* – ‘несамостоятельно; в зависимости от чьего-либо мнения, убеждения (говорить)’ [ФРСЯ 1978: 330]. Помета «ирон.» выделяет неодобрительно-снисходительное отношение к человеку, не обладающему интеллектуальной самостоятельностью. Положительно оценивается персонализм, оригинальность формулировок и обобщений. Неодобрительное отношение вызывают приспособленцы, меняющие мнение в зависимости от конъюнктуры, не способные к совершению риторического поступка.

– Фразеологизмы с опорным семантическим центром *язык*, обозначающие и характеризующие сильное желание высказаться: *вертится на языке* (экспрес.) во вторичном словарном значении ‘очень хочется сказать’ [ФСРЛЯ 2008: 63]; *вертится на кончике языка* (экспрес.) – ‘очень хочется сказать’ [Там же]; *просится на язык* (экспрес.) – ‘очень хочется сказать, спросить’ [ФСРЯ 1978: 365]. Идентификаторы *хочется сказать* / *спросить* и уточнитель *очень* указывают на сильное желание человека высказаться мотивируют начальную реплику диалога. Отмеченные уточнитель и стилистический сопроводитель позволяют охарактеризовать данные единицы как «экспрессивы-интенсивы» [См.: Купина 2013: 53–66; Лукьянова 1986: 79].

К рассматриваемой подгруппе могут быть отнесены фразеологизмы *приходить на язык* – ‘непроизвольно, независимо от воли говорящего произноситься’ [ФСРЯ 1978: 359]; *срываться / сорваться с языка* – ‘невольно, неожиданно, вдруг быть произнесенным’ [ФСРЯ 1978: 450]; а также *язык свербит* (шутл.) в значении ‘кто-либо испытает сильное желание сказать что-либо’ [ФСРЛЯ 2008: 719]. Толкования формируют представление о непродуманности, спонтанности речи, за которой не стоит мыслительная операция. Последняя устойчивая единица относится к «глагольно-пропозициональным», т. е. разряду фразеологизмов, «которые по своему значению выражают действие или состояние, структурно организованы как предложение (обычно двусоставные) и по своей синтаксической функции в предложении выполняют роль предиката» [Молотков

1978: 8]. Синтаксический критерий позволяет лексикографам отнести подобные единицы к фразеологии языка (в ее узком понимании).

К анализируемой тематической подгруппе относятся фразеологизмы *вытянуть слово* (экспрес.) – ‘заставить кого-либо говорить’ [ФСРЛЯ 2008: 118], *разверзть уста* (устар.) – ‘заставлять кого-либо говорить, высказывать что-либо’ [ФСРЛЯ 2008: 522], характеризующие принуждение к говорению.

Говорение осмысляется как процесс, заданный интенцией коммуникантов. Естественным, но не всегда целесообразным, признается желание высказаться; противоестественным – упорный отказ от высказывания, отсутствие установки на вербализацию собственного мнения.

Б) Обозначение и характеристика высказанного мнения в правовом пространстве содержатся в семантике фразеологизмов с компонентом *голос: права голоса* – ‘возможность участвовать в обсуждении и решении каких-л. вопросов’ [ФССРЛЯ 2004. Т. 2: 104]; *решающий голос* – ‘право выражать мнение, которое обязательно должно учитываться при решении какого-либо вопроса’ [ФССРЛЯ 2004. Т. 1: 266]; *совещательный голос* – ‘право высказываться, выражать мнение, которое может и не учитываться при решении какого-либо вопроса’ [ФССРЛЯ 2004. Т. 1: 266].

Идентификаторы *участвовать в обсуждении*, (право) *выражать мнение*, *высказаться* указывают на юридически закрепленное право гражданина высказывать собственную точку зрения. Сочетание *право голоса* является аксиологемой – неотъемлемым компонентом аксиологического лексикона.

Отметим, что обозначение начала речи, процесса говорения не находит отражения в фразеологических словарях вьетнамского языка. Перевод соответствующих устойчивых единиц на вьетнамский язык возможен с помощью свободных сочетаний.

ТЕМАТИЧЕСКАЯ ПОДГРУППА «НЕВЕРБАЛЬНЫЕ ЗНАКИ КОММУНИКАЦИИ». Речевое общение, как правило, сопровождают невербальные знаки, поддерживающие инициальные реплики и реплики-реакции. Описывая функции жестов в человеческом общении, Г. Е. Крейдлин пишет, что

они могут: 1) «повторять, или дублировать, актуальную речевую информацию»; 2) «противоречить речевому высказыванию»; 3) «замещать речевое высказывание»; 4) «подчеркивать или усиливать какие-то компоненты речи»; 5) «дополнять речь и смысловом отношении»; 6) «выполнять роль регулятора речевого общения» [Крейдлин 2004: 61–63]. Собранный материал позволяет выделить подгруппу устойчивых единиц, номинирующих и характеризующих эмоциональные реакции, получающие мимическое или жестовое выражение. Данные единицы называют «жестовыми фразеологизмами» [Григорьева 2001: 29; Крейдлин 2004: 11]. «Язык тела человека или его выражение лица могут сказать куда больше, чем произнесенные им слова» [Гласс 2004: 74]. Органы речи активно участвуют в реализации мимики. Картинная образность способствует узнаванию определенных невербальных средств общения в их смысловом наполнении.

– Обозначение и характеристика негативного отношения к услышанному, а также к коммуникативному партнеру содержатся в семантике фразеологизмов с семантически опорными компонентами *язык, зубы, губы, рот*.

Неприятное отношение к коммуникативному партнеру и его высказыванию выражается глагольными устойчивыми сочетаниями с компонентами *язык, зубы*: *показывать / показать язык* – ‘(высовывая язык), выражать пренебрежение, презрение к кому-либо’ [ФСРЛЯ 2008: 465]; *показывать / показать зубы* – ‘в резкой форме проявлять по отношению к кому-либо враждебность, нетерпимость, готовность сразу же дать отпор’ [ФСРЛЯ 2008: 464].

Идентификаторы *выражать пренебрежение, презрение, враждебность, нетерпимость* выделяют мимически выраженную демонстративную нетолерантность коммуниканта, недоброжелательное и даже враждебное отношение к «другому» и точке зрения «другого».

Отрицательные эмоциональные реакции коммуниканта обозначены «жестовыми фразеологизмами» с семантически опорными компонентами *губы, рот*: *дуть / надуть губы* – ‘сердиться, обижаться, делая недовольное лицо, выражать неудовольствие, досаду и т. п.’ [ФССРЛЯ 2004. Т. 1: 291–292]; *кривить / скривить губы / рот* – ‘перекашивать губы, рот в знак недовольства,

пренебрежения и т. п.» [ФССРЛЯ 2004. Т. 1: 519]. Картинная образность способствует распознаванию невербальных знаков выражения «обида, унижения, недовольства» [Дмитриева 2003: 138].

– Волнение передается семантикой «жестовых фразеологизмов» с опорным семантическим центром *губы*: *жевать губами* – ‘делать губами жевательные движения’ [ФССРЛЯ 2004. Т. 1: 382]; *кусать / закусывать губы* (при сильном волнении, нетерпении, досаде и т. п.) – толкование отсутствует [ФССРЛЯ 2004. Т. 1: 291].

Фразеологизм *жевать губами* воспроизводит невербальную манеру или мимический знак, характерный для бормотания, возможно, проявляющий или скрывающий намерение говорящего показаться смущенным, взволнованным. Данная устойчивая единица может быть отнесена также к представленной ниже тематической подгруппе «Косноязычие».

Фразеологизм *кусать / закусывать губы* обозначает и характеризует волнение, а также испытываемые коммуникантом «злобу», «возмущение» [Дмитриева 2003: 72].

Отметим, что «читать по губам» [Гласс 2004: 80] – значит понимать важные для коммуникации эмоции участника общения. Движения губ могут не сопровождаться словами, поэтому носитель русского языка как иностранного должен детально изучить фразеологизмы с компонентом *губы*, передающие отрицательные реакции участников общения.

– Обозначение и характеристика невербального знака удивления содержатся в семантике фразеологизмов-синонимов *раскрыть / раскрывать рот; разевать / разинуть рот* (ирон.) в третьем словарном значении ‘проявлять крайнее удивление, изумляться’ [ФСРЛЯ 2008: 526]. В «Словаре языка жестов» отмеченные фразеологизмы сопровождаются пометой «сниж.» [Дмитриева 2003: 243], свидетельствующей об этикетной регламентации невербальных знаков коммуникации.

– Обозначение и внешняя характеристика смеховой реакции содержатся в семантике фразеологизмов с компонентами *зуб, ухо, рот*.

Фразеологизм *скалить зубы* (экспрес.) во вторичном словарном значении ‘смеяться, хохотать; насмехаться’ [ФСРЛЯ 2008: 581] образно воспроизводит смех, сопровождающийся определенным мимическим жестом, и одновременно характеризует говорящего, склонного к высмеиванию «другого». Насмешка ради насмешки (идентификаторы *смеяться, хохотать, насмехаться*) не осуждается.

Фразеологизмы *до ушей* (улыбаться / усмехаться / ухмыляться) – ‘о широкой, радостной, искренней, доброжелательной улыбке’ [ФСРЛЯ 2008: 667]; *рот до ушей* (ирон.) – ‘о широкой улыбке, жизнерадостном смехе’ [ФСРЛЯ 2008: 542] характеризуют широкую улыбку – свидетельство искренности, симпатии, расположения, а также понимания шутки. Фразеологизм *смешилка в рот попала* (шутл.) – ‘кто-либо смеется без причины; кто-либо не может перестать смеяться’ [ФСРЯ 1978: 438] характеризует коммуниканта, проявляющего несдержанность в смехе. Неуместной оказывается смеховая реакция – более длительная, чем позволяет ситуация, – свидетельствующая о нарушении сформулированной Г. П. Грайсом «максимы количества» [Грайс 1985: 223]. Аксиологически значимым во всех случаях является соблюдение участником общения чувства меры.

Анализируемые фразеологизмы свидетельствуют о важности в общении невербальных знаков коммуникативных реакций, передающих этическое и эстетическое отношение к невербальной манере поведения и к самому коммуникативному партнеру. Фразеологизмы, которые обозначают невербальные знаки, используемые в процессе речевой коммуникации, обладают картинной образностью, способствующей «считыванию» эмоционально-психологического состояния говорящего. Они характеризуют регламентируемую этикетом русскую невербальную манеру поведения, что особенно важно для иностранца.

Устойчивые сочетания слов, обозначающие мимику, нерегулярно фиксируются фразеологическими словарями современного вьетнамского языка. Обозначение и характеристика смеха, улыбки содержатся в семантике ряда фразеологизмов с компонентом *siđi* (рус. *улыбаться / улыбнуться, смеяться / засмеяться*). Обращают на себя внимание культурно-специфические образные параллели. Например: *siđi đút ruột* (досл. *смеяться до разрыва кишок*); *siđi vồ*

bụng (досл. *смеяться до разрыва живота*) – ‘смеяться долго, до боли в животе’ [Nguyễn Lân 2013: 91]. Фразеологизм *siuì nĩa miệng* (досл. *улыбаться с полуоткрытым ртом*) – ‘кривая улыбка’ [Там же] – может быть отнесен к «жестовым фразеологизмам».

ТЕМАТИЧЕСКАЯ ПОДГРУППА «КРАСНОРЕЧИЕ». С помощью единиц данной подгруппы номинируются и характеризуются: а) риторические умения говорящего / пишущего; б) соответствие речи предъявляемым требованиям (коммуникативным качествам); в) остроумие, саркастический склад ума говорящего. Выделим ряды фразеологизмов, включающих семантически опорные компоненты.

А) Обозначение и характеристика риторических умений говорящего содержатся в семантике фразеологизмов с компонентами *язык, слово*.

– Фразеологизмы с опорным семантическим центром *язык*, обозначающие и характеризующие риторические компетенции говорящего, а также пишущего: *иметь язык* (одобр.) – ‘уметь хорошо говорить, обладать красноречием’ [ФССРЛЯ 204. Т. 2: 825]; *боек на язык* (одобр.) – ‘находчив в разговоре, красноречив’ [ФСРЛЯ 2008: 33]; *с языком* (устар.) – ‘кто-либо хорошо говорит, обладает красноречием’ [ФСРЛЯ 2008: 719]; *язык хорошо / неплохо / ловко подвешен / привешен* (экспрес.) – ‘кто-либо умеет свободно, гладко говорить, писать’ [ФСРЯ 1978: 541; ФСРЛЯ 2008: 719].

Идентификаторы *говорить, писать* выделяют устную и письменную формы речи как объект специального оценивания. Уточнитель *хорошо* выступает как общеоценочный по отношению к риторически организованной речи и самому говорящему (*кто-либо*), владеющему приемами *красноречия*. При этом внутренняя форма (*красная*, т. е. ‘красивая’ [Фасмер 2007. Т. 2: 368]) передает ментально-ценностное эстетическое восприятие звучащей речи и человека красноречивого.

Наряду с реализацией говорящим общериторических умений одобрительно оценивается благозвучие, отсутствие в речи лишних слов и проявлений скованности говорящего субъекта (уточнители *свободно, гладко*), быстрая реакция, импровизация (уточнитель *находчив*).

К анализируемому ряду примыкает фразеологизм *владеть языком* – ‘уметь говорить, выражать мысли на каком-либо языке’ [ФСРЛЯ 2008: 77]. Идентификатор *владеть* выделяет навык пользования языком, умение ‘хорошо излагать свои мысли’ [ТСРЯ 2008: 96]. Уточнитель *на каком-либо языке* акцентирует универсальное умение хорошо говорить как на родном, так и на иностранном языке. Одобрительную оценку получает полиглотизм.

– Фразеологизмы с опорным семантическим центром *слово*, обозначающие и характеризующие не только говорящего, но и пишущего, умение красиво, выразительно говорить / писать: *владеть словом / даром слова* (устар.) – ‘обладать способностью выразительно, красиво говорить, писать’ [ФСРЯ 1978: 71]; *боек на слова* – ‘находчив в разговоре, красноречив’ [ФСРЯ 1978: 41]; *за словом в карман не лезет / не лазит / не ползет* (одобр.) – ‘находчив в беседе, в споре, красноречив’ [ФСРЛЯ 2008: 321]; *за словом в карман не ходит / не ходить за словом в карман* – ‘находчив в беседе, разговоре, споре’ [ФСРЯ 1978: 223]; *красное словцо / слово* – ‘остроумное, меткое выражение; яркие, выразительные слова’ [ФСРЯ 1978: 433]. В данном случае специальным объектом оценивания выступает не только звучащая, но и воспринимаемая письменная речь, а также автор произведения письменной речи – человек пишущий.

К выделенному ряду может быть отнесен фразеологизм *говорить / рассказывать, как / будто / словно / точно по писаному* – ‘бойко, гладко, без запинок говорить, рассказывать’ [ФСРЯ 1978: 320]. Уточнители идентификаторов *говорить, рассказывать* – *бойко, гладко, без запинок* – акцентируют присущие говорящему риторические навыки свободной речи. Сопоставляется спонтанность устной речи и продуманность, подготовленность речи письменной.

Риторические умения как говорящего, так и пишущего должны быть сформированными и реализовываться в речи автоматически. В то же время красноречие характеризуется как природный талант, дар. Одобрительно воспринимается способность участника общения к быстрой реакции как особенности речевой манеры. На положительное отношение к красноречию и человеку, умеющему красиво говорить / писать, указывает собственно

аксиологическая помета «одобр.». Сочетания *владеть языком, владеть словом, дар слова* являются аксиологемами.

Б) Обозначение и характеристика соответствия речи коммуникативным требованиям, т. е. «признакам хорошей, культурной речи», которые способствуют достижению риторического результата и, следовательно, «обеспечивают эффективность общения и гармоничное взаимодействие его участников» [СЭСРЯ 2003: 162; см. также: Головин 1988: 28].

– Обозначение и характеристика ясности речи содержатся в семантике фразеологизмов с компонентами *язык, рот: говорить / спрашивать русским языком* (экспрес.) – ‘говорить, сказать совершенно ясно, четко, понятно’ [ФСРЛЯ 2008: 719]; *разжевывать / разжевать и (да) в рот класть / положить* (экспрес.) – ‘очень подробно растолковывать, объяснять в популярной форме что-либо’ [ФСРЛЯ 2008: 526]. Уточнители глагольных идентификаторов *говорить, сказать, растолковывать* – *совершенно ясно, четко, понятно, очень подробно* – указывают на отбор понятных адресату и достаточных для понимания языковых средств выражения мысли.

– Обозначение и характеристика краткости речи содержатся в семантике фразеологизмов с компонентами *слово, разговор: на пару слов; на полслова* (экспрес.); *на два слова* (экспрес.) – ‘для короткого разговора, сообщения и т. п. (звать, вызвать и т. п.)’ [ФСРЯ 1978: 311]; *без дальних / лишних слов / разговоров* (экспрес.) – ‘не говоря, не рассуждая много, не теряя времени на разговоры’ [ФСРЯ 1978: 431]. Последнее устойчивое сочетание обозначает также коммуникативную сдержанность. Представление о краткости речи в толкованиях передают уточнители: (для разговора) *короткого, (не рассуждая) много*.

– Обозначение и характеристика точности речи содержатся в семантике устойчивых единиц с компонентом *слово: до слова* (экспрес.) – ‘совершенно точно, дословно (воспроизвести, повторить)’ [ФСРЯ 1978]; *слово в слово* (экспрес.) – ‘дословно, без искажений, совершенно точно (пересказывать, повторять)’ [ФСРЯ 1978: 432]. Из толкований следует, что и лексическая, и фактическая точность речи – необходимые требования, сопровождающие передачу информации адресату.

К тематической подгруппе «Красноречие» относятся также фразеологизмы, обозначающие «продукты» риторической деятельности, характеризующиеся реализацией особых приемов и отбором выразительных средств воздействия: *эзоповский / эзопов язык* (книжн. экспрес.) – ‘иносказательное зашифрованное выражение мыслей’ [ФСРЛЯ 2008: 718]; *крылатые слова* – ‘образные, меткие выражения, изречения, афоризмы, широко распространенные в употреблении’ [ФССРЛЯ 2004. Т. 1: 525]; *живое слово* – ‘речь, содержащая свежие интересные мысли, волнующая и трогаящая слушателя’ [ФСРЯ 1978: 432]. Последний из отмеченных фразеологизмов номинирует базовую коммуникативную ценность, т. е. является аксиологемой.

В) Обозначение и характеристика остроумия, саркастического склада ума говорящего передаются фразеологизмами с опорным семантическим центром *язык: острый язык / язычок* у кого (экспрес.) – ‘кто-либо остроумен, саркастичен в разговоре’ [ФСРЛЯ 2008: 718]; *остер на язык* – ‘об остроумном, язвительном человеке’ [ФСРЯ 1978: 299]; *с язычком* (ирон.) – ‘кто-либо обладает остроумием; говорит едко, насмешливо’ [ФСРЛЯ 2008: 719]; *злой язык* (экспрес.) в значениях ‘кто-либо саркастичен в разговоре, часто иронизирует над кем-либо или над чем-либо’; ‘манера, способность остро, резко насмешливо говорить, судить о ком-либо или о чем-либо’ [ФСРЛЯ 2008: 718].

Указание на лицо (*кто-либо*) сопровождается уточнителями: *остроумен, саркастичен, злой, (говорить) остро, едко, резко насмешливо*. Формируется представление об остроумии – остроумном человеке, речи которого присущи ирония, язвительность, меткость, способствующие созданию эффекта выразительности. Лексема *острослов* номинирует особый лингвокультурный типаж говорящего, который ‘любит и умеет острословить’ [ТСРЯ 2008: 581] – в отличие от *остряка*, который ‘острит неудачно’ [Там же]. Юмор, как следует из примеров, оценивается с точки зрения уместности и с учетом реакций коммуникативного партнера.

К данному ряду может быть отнесен фразеологизм с семантически опорным компонентом *слово*, обозначающий и характеризующий проявление остроумия:

игра слов – ‘остроумное пользование разными свойствами слова; острословие’ [ФСРЯ 1978:178; ФССРЛЯ 2004. Т. 1: 451]. Остроумный человек (острослов) способен использовать коннотативный потенциал слова для достижения воздействующего, в том числе смехового, эффекта.

Во вьетнамском языке оценочное отношение к красноречию передается, например, устойчивыми единицами: *ăn đượс, nói nêп* (досл. *есть хорошо, говорить лучше*); *ăn nêп, nói nỏi* (досл. *есть лучше, говорить хорошо*) – ‘одобр. о том, кто умеет выразительно, ясно говорить’ [Nguyễn Lâп 2013: 15; 19]; *khéo ăn khéo nói* (досл. *уместно есть, уместно говорить*) – ‘одобр. о том, кто умеет говорить приятные для слушающего слова’ [Там же: 155]; *xuất khẩu thành chương* (досл. *извлекать из уст прозу*) – ‘одобр. о том, кто может красиво говорить без запинок’ [Там же: 348]; *xuất khẩu thành thi* (досл. *извлекать из уст стихи*) – ‘одобр. о том, кто владеет даром слова, умеет в короткое время сочинять стихи’ [Там же]. Наблюдается сходство лингвокультур: красноречие характеризуется как особый дар; выделяются базовые качества хорошей речи; формируется лингвокультурный типаж человека красноречивого.

ТЕМАТИЧЕСКАЯ ПОДГРУППА «КОСНОЯЗЫЧИЕ». С помощью единиц данной подгруппы номинируются и характеризуются: а) нарушения говорящим коммуникативных качеств речи; б) психологические затруднения, влияющие на звуковое оформление речи и ее восприятие; в) говорящий, не обладающий риторическими компетенциями, умениями хорошо говорить. Выделим ряды фразеологизмов, включающих семантически опорные компоненты.

А) Обозначение и характеристика нарушений говорящим коммуникативных качеств речи.

– Обозначение и характеристика нарушения правильности речи содержатся в семантике устойчивых единиц с компонентами *язык, губы, слово, фраза*.

Фразеологизмы с опорным семантическим центром *язык*: *портить язык*; *коверкать язык* – ‘говорить плохо, неправильно из-за плохого знания языка, трудности произношения и т. п.’ [ФССРЛЯ 2004. Т. 2: 826]. Соединение идентификатора *говорить* с уточнителем *неправильно* способствует осознанию

ситуации нарушения в речи кодифицированных норм системы языка.

Идентификаторы *портить, коверкать* указывают на отступления от норм, уродующие язык, его природную красоту и благозвучие (*искажать звуки*). Уточнители позволяют осмыслить причины коммуникативных неудач, происходящих *из-за плохого знания языка, трудностей произношения*. Индивидуализируются участки структуры языковой личности («лексикон», «грамматикон» [См.: Караулов 2003: 110–137]) носителя языка как родного или иностранного. Таким образом, звучащая речь оценивается как *неправильная* в случае отступлений от общепринятых норм. Непреднамеренные отступления от норм оцениваются отрицательно. Ср.: *суконный язык* – ‘картавая, искаженная речь’ [ФССРЛЯ 2004. Т. 2: 825]. Уточнители идентификатора *речь – картавая, искаженная* выделяют распространенный артикуляционный дефект – неправильное, ‘нечистое произношение звуков [р], [л]’ [ТСРЯ 2008: 326] и, следовательно, отступление от орфоэпической нормы.

Особо выделим фразеологизмы с семантическим центром *язык*, обозначающие и характеризующие трудные для произношения слова и выражения: *язык ломаешь* (ирон.) – ‘очень трудный для произношения’ [ФСРЯ 1978: 433]; *язык вывихнешь* (ирон.) – ‘об очень трудных для произношения словах, фразах’ [ФСРЛЯ 2008: 718]. Образность устойчивых единиц мотивируют первичные значения глаголов *ломать, вывихнуть*. Объектом иронии служат сами средства языка. Имплицитно выражается сочувствие к говорящему, столкнувшемуся с объективной орфоэпической трудностью.

Фразеологизм *одними губами (говорить)* – ‘тихо, беззвучно’ [ФССРЛЯ 2004. Т. 1: 291] обозначает негромкую, неслышную речь. Возникает предположение о наличии психологического препятствия, затрудняющего отчетливое звуковое оформление реплик говорящего.

Фразеологизмы с компонентами *слова, фразы: глотать слова / концы слов / фраз* – ‘неразборчиво, невнятно, очень быстро произносить слова, концы слов, фраз’ [ФССРЛЯ 2004. Т. 1: 250]. Идентификатор *произносить*, т. е. ‘выговаривать, проговаривать’ [ТСРЯ 2008: 754] и уточнители *неразборчиво, невнятно, очень*

быстро указывают на нарушение орфоэпической правильности речи. Безударные, в особенности конечные слоги, в устной речи редуцируются. Их нечеткое произнесение создает сложность восприятия фонетического слова. В конце фразы говорящий не всегда делает паузу, не акцентирует фразовое ударение, нарушает фонетическое членение звучащей речи и тем самым затрудняет ее восприятие. Установка на адресата – одна из граней другоцентризма русской лингвокультуры. Несоблюдение этой установки оценивается отрицательно.

– Обозначение и оценка нарушения логичности речи содержатся в семантике фразеологизмов с компонентами *говорить, болтать, уши: говорить / болтать на ветер / с ветру* – ‘говорить без основания, не подумав’ [ФССРЛЯ 2004. Т. 1: 119]; *притягивать / притянуть за уши* – ‘использовать без достаточных оснований, неоправданно, с натяжкой. Обычно о доказательствах, доводах и т. п.’ [ФСРЯ 1978: 358]. Уточнители (*говорить*) *без основания, не подумав, без достаточных оснований, неоправданно, с натяжкой* указывают на отсутствие аргументации, следовательно, на несоблюдение говорящим коммуникативного качества логичности речи.

К данному ряду относятся фразеологизмы с опорным семантическим центром *слово*, обозначающие и характеризующие неспособность говорящего связно, логично выразить мысль с помощью языковых средств: *не мочь / не уметь / не смочь / не сумеет связать двух слов* – ‘не мочь / не уметь связно сказать что-либо, изложить свои мысли’ [ФСРЯ 1978: 415]; *не находить слов; слов не хватает* – ‘трудно подобрать подходящие выражения для передачи чего-либо’ [ФССРЛЯ 2004. Т. 2: 364].

Отсутствие координации речи и мысли связывается с несформированностью навыков структурирования логически организованной речи, недостаточным запасом слов, позволяющих оформить мысль. С аксиологической точки зрения, координация мысли и речи в конкретной ситуации общения одобряется.

– Обозначение и характеристика нарушений уместности речи передаются фразеологизмами с опорным семантическим центром *язык*. В их числе «глагольно-пропозициональные»: *как язык поворачивается / повернулся у кого-либо* (экспрес.)

– ‘удивляет такая наглость, решительность, бесцеремонность сказать что-либо (не к месту, неосмотрительно)’ [ФСРЛЯ 2008: 718]; *язык повернулся / повернется* (неодобр.) – ‘кто-либо решился / решится, осмелился / осмелится сказать что-либо неприличное, злое, клеветническое и т. п. [ФСРЛЯ 2008: 719]; *дернуть за язык* – ‘невольно, неожиданно для себя сказать что-либо не к месту, не вовремя, не по существу’ [БФСРЯ 2009: 176].

Сопровождающие идентификатор *сказать* уточнители *не к месту, не вовремя, не по существу, неосмотрительно* выделяют отступления от уместности речи, включенные в определенную ситуацию диалогического взаимодействия. Идентификаторы *решился / решится, осмелился / осмелится сказать*, и уточнители (что-либо) *неприличное, злое, клеветническое* выделяют установку говорящего на коммуникативный риск, результатом которого является риторическая неудача.

– Одной из причин косноязычия становится неспособность говорящего на риторический поступок и, следовательно, на коммуникативный риск. Обозначение и характеристика говорящего, не способного на коммуникативный риск, содержатся в семантике «глагольно-пропозициональных» фразеологизмов с компонентами *язык, слово: язык не ворочается у кого* (устар.) – ‘кто-либо не решается сказать что-либо’ [ФСРЛЯ 2008: 718]; *язык не поворачивается / не повертывается / не повернулся / не поворотился у кого* (экспрес.) – ‘кто-либо остерегается, стесняется (спросить, сказать что-либо)’ [ФСРЛЯ 2008: 718]; *слова не идут на язык* (экспрес.); *слова не идут с языка* – ‘у кого-либо не хватает решимости сказать что-либо’ [ФСРЯ 1978: 431].

Идентификаторы *не решается, стесняется, остерегается спросить / сказать* указывают на причины коммуникативной робости, тормозящие вербальное оформление мысли [См.: Волков 2003: 68; Рождественский 2005: 69–94], а также на отсутствие готовности коммуниканта к речевой борьбе. Уточнители *кто-либо, у кого-либо* указывают на лицо, которое не может высказать важную мысль из-за нехватки решимости.

Б) Обозначение и характеристика психологических затруднений, влияющих на звуковое оформление речи и ее восприятие, содержатся в семантике

фразеологизмов с компонентами *горло*, *слово*: *комок подкатывает / подступает к горлу* в значении ‘не уметь сказать ни слова из-за сильной эмоции, психологического напряжения’ [ФССРЛЯ 2004. Т. 1: 273]; *слова (упреки) застревают / застряли в горле* – ‘что-либо остается, осталось невысказанным’ [Там же: 424]. Идентификаторы *не уметь сказать, осталось невысказанным* указывают на коммуникативную неудачу: интенция говорящего не получает реализации в звучащей речи. Уточнители *из-за сильной эмоции, психологического напряжения* выделяют причину, обуславливающую неблагозвучие речи.

Близки к данному ряду фразеологизмы с компонентом *голос*, обозначающие и характеризующие изменение силы голоса говорящего: *потерять / сорвать голос* – ‘утратить способность говорить нормальным голосом (вследствие простуды, волнения и т. п.)’ [ФССРЛЯ 2004. Т. 2: 92]; *спадать с голоса / голосу* – ‘повредив голосовые связки, говорить сипло, хрипло’ [ФССРЛЯ 2004. Т. 1: 265]; *голос сел* – ‘о голосе, ставшем хриплым, сиплым из-за простуды, волнения’ [ФССРЛЯ 2004. Т. 1: 265]. С помощью уточнителей *вследствие простуды, волнения* выделяются причины изменения четкого голосового оформления речи, которое должно соответствовать нормам (*говорить нормальным голосом*), предусматривающим ясность звучания.

В) Обозначение и характеристика говорящего субъекта, не умеющего свободно, красиво, ясно выражать свои мысли, прослеживаются в «глагольно-пропозициональных» фразеологизмах с опорным семантическим центром *язык*: *язык плохо подвешен / привешен* у кого (ирон.) – ‘кто-либо не умеет свободно, гладко говорить, косноязычен’ [ФСРЛЯ 2008: 719]; *язык заплетается* у кого (ирон.) ‘кто-либо не может членораздельно, ясно сказать что-либо’ [ФСРЯ 1978: 540]; *язык отсохнет / отсох* у кого (пренебр.) – ‘кто-либо лишится / лишился дара речи’ [ФСРЛЯ 2008: 718].

Идентификатор *косноязычен* употребляется в толковании как постоянный характеристизатор говорящего (*кто-либо*), не наделенного от природы даром красноречия. Акцентируется отсутствие плавности, легкости, членораздельности звучащей речи. Единицы *язык плохо подвешен / привешен, язык заплетается*

употребляются как экспрессивы с оттенком иронии. Ср. фразеологизм с компонентом *рот*: *каша во рту* – (пренебр.) ‘кто-либо невнятно говорит, неправильно произносит слова’ [ФСРЛЯ 2008: 275].

К данному ряду может быть отнесен фразеологизм с компонентом *зубы*, характеризующий речевую манеру, не способствующую созданию положительного эстетического эффекта: *сквозь зубы* (неодобр.) – ‘едва слышно, невнятно, неохотно, неразборчиво (говорить, бормотать и т. п.)’ [ФССРЛЯ 2004. Т. 1: 448]. Идентификатор *бормотать* – ‘говорить тихо, быстро и невнятно’ [ТСРЯ 2008: 66] – лексический синоним данной фразеологической единицы. Уточнитель – образная деталь *сквозь зубы* – соединяет акустическое и визуальное восприятие бессвязной речи. Уточнитель *неохотно* позволяет понять, что говорящий не желает идти на контакт с адресатом, заставляет себя произносить слова и выражения и воспринимается как человек косноязычный. Соответствующий лингвокультурный типаж воспринимается с пренебрежением; в отдельных ситуациях – с пониманием и сочувствием.

Тематические подгруппы «Красноречие» и «Косноязычие» противопоставлены. Косноязычие, как следует из словарных толкований, может быть обусловлено обстановочным контекстом и/или психологическим состоянием говорящего. Оценка отдельной коммуникативной неудачи соотносится с ситуацией. Косноязычие в узком понимании – бессвязная, неблагозвучная речь; в широком понимании – речь, не соответствующая риторическим канонам.

Во вьетнамском языке обозначение и отрицательная характеристика косноязычия и человека косноязычного передаются устойчивыми единицами. Например: *ăn không nên đợi, nói không nên lời* (досл. *ни одной чашки риса съесть, ни одного слова сказать не может*) – ‘презр. о тупом человеке, который невнятно говорит’ [Nguyễn Lân 2013: 13]; *áp ứng như ngậm hột thị* (досл. *прерывисто говорить, будто во рту косточки хурмы десяти тычинковой*) – ‘неодобр. о том, кто невнятно говорит’ [Там же: 23]; *bập bẹ như trẻ lên ba* (досл. *говорить, как трехлетний ребенок*) – ‘ирон. невнятно, неясно говорить. О начинающем учиться иностранному языку’ [Там же: 31]; *chậm rãi chậm rãi* (досл. *медленный рот*) –

‘о ненаходчивом человеке’ [Там же: 55]; *dùi đục chấm mắm cáy* (досл. долото в пасте из *каи* – вида красных земных крабов, обитающих в прибрежных районах Вьетнама) – ‘кто-либо не умеет красиво говорить’ [Там же: 98].

ТЕМАТИЧЕСКАЯ ПОДГРУППА «МОЛЧАНИЕ, КОММУНИКАТИВНАЯ СДЕРЖАННОСТЬ». С помощью устойчивых единиц данной подгруппы номинируются и характеризуются: а) молчание как намеренная дистанцированность от адресата, намеренный или вынужденный отказ от вербализации собственной мысли; б) молчание как следствие эмоционального состояния человека, утратившего способность говорить; в) молчание как тактика сокрытия информации от целевого адресата; г) молчание как тактическое средство принуждения коммуникативного партнера к отказу от говорения; д) переход от молчания к говорению; е) молчун, а также человек, не способный говорить по причине эмоционального состояния / переживания. Выделим ряды фразеологизмов, включающих семантически опорные компоненты.

А) Обозначение и характеристика молчания как намеренной дистанцированности от адресата, намеренного или вынужденного отказа от вербализации собственной мысли содержатся в семантике устойчивых единиц с компонентами *язык, слово, разговор*.

– Фразеологизмы с опорным семантическим центром *язык: держать язык за зубами* (экспрес.) – ‘соблюдая осторожность, опасаясь нежелательных последствий, молчать, не говорить лишнего’ [ФСРЛЯ 2008: 186]; *держать язык на привязи* (экспрес.) – ‘молчать, не болтать, не говорить лишнего; быть осторожным в высказываниях’ [Там же; ФСРЯ 1978: 138]; *удерживать / удержать язык* – ‘воздерживаться от высказывания; не начинать говорить, промолчать’ [ФССРЛЯ 2004. Т. 2: 825]; *прикусить / закусить язык* (ирон.) – ‘замолчать, воздержаться от высказывания’ [ФСРЛЯ 2008: 493] *проглотить язык* (ирон.) – ‘неожиданно замолчать, перестать говорить, болтать’ [ФСРЛЯ 2008: 501; ФСРЯ 1978: 361].

В словарных толкованиях использованы глагольные идентификаторы *молчать, замолчать, промолчать, воздержаться*, а также глагол речи, сопровождающийся отрицательной частицей (*не говорить, не болтать*).

Уточнители позволяют определить наличие установки на контроль и прогнозирование речевых действий в процессе диалогического взаимодействия. Выделяются соответствующие запреты, которым руководствуется коммуникант: *соблюдая осторожность, опасаясь нежелательных последствий*; (не говорить) *лишнего*, т. е. не выходить за пределы конфиденциального, разумного, дозволенного; (быть) *осторожным*, т. е. сдержанным, предусмотрительным. Ср.: (замолчать) *неожиданно*, т. е. ‘перестать говорить’ – непреднамеренно или ‘преднамеренно скрыть’ от адресата свои мысли или конфиденциальную информацию [ТСРЯ 2008: 256]. Понятие «экспрес.» выделяет два (первых из отмеченных) фразеологизма как эмоционально-оценочные образные единицы языка и косвенно указывает на воздействующую функцию молчания в процессе диалогического взаимодействия. Понятие «ирон.» маркирует фразеологизмы, употребляющиеся в ситуациях неоднозначного восприятия молчания, которое в живом общении может вызвать недоумение и/или обусловить смеховую реакцию адресата.

Одобрение речевой сдержанности косвенно транслирует фразеологизм *придерживать / придержать язык / язычок* (ирон.) – ‘поменьше болтать, говорить, рассуждать; помалкивать’ [ФСРЯ 1978: 354]. Идентификаторы *болтать, говорить, рассуждать*, указывающие на несдержанное проявление чувств, реакций, в совокупности с уточнителем *поменьше* передают имплицитную установку, связанную с необходимостью самоконтроля, регулирования собственных речевых высказываний.

– Фразеологизмы с опорным семантическим центром *рот*: *держат рот на замке* (экспрес.) – ‘молчать, не вступать в разговор’ [ФСРЛЯ 2008: 184]; *набрать в рот воды* – ‘хранить упорное молчание, ничего не говорить’ [ФСРЯ 1978: 260]; (*как / будто / словно / точно*) *воды в рот набрал* – ‘(будто) онемел, лишился дара речи’ [Там же]. Идентификаторы *хранить молчание, молчать, не говорить, онемел* и соответствующие уточнители (молчание) *упорное*, (не говорить) *ничего* указывают на отсутствие вербализованного речевого действия, которое в конкретной ситуации общения может быть инициировано самим говорящим, его партнером или третьим

лицом (толкования не содержат указателей на определенное лицо).

– Фразеологизмы с семантически опорными компонентами *слово, разговор*: *не говоря худого / дурного слова* – ‘не вступая в пререкания, излишние разговоры’ [ФСРЯ 1978: 110]; *без дальних / лишних слов / разговоров* – ‘не говоря, не рассуждая много, не теряя времени на разговоры’ [ФСРЯ 1978: 431]; *не молвить слова* (устар.) – ‘ничего не сказать, не говорить’ [ФСРЛЯ 2008: 356]; *ни полслова / ни слова* – ‘абсолютно ничего (не говорить о чем-либо)’ [ФСРЯ 1978: 339]. Идентификаторы *не сказать, не говорить* формируют представление о контролируемом речевом поведении. Уточнители (не рассуждая) *много, не теряя времени, абсолютно ничего* акцентируют коммуникативную сдержанность говорящего, стремящегося быть осторожным в высказываниях.

– Фразеологизмы с семантически опорными компонентами *молчать, молчанка, молчание*: *молчать в портянку* – ‘не высказывать вслух свое мнение’ [ФСРЛЯ 2008: 357]; *в молчанку* – ‘молча, не разговаривая’ [ФСРЛЯ 2008: 357]; *хранить / сохранить молчание* – ‘молчать’ [ФССРЛЯ 2004. Т. 1: 604]. Отмеченные единицы функционируют как синонимы глагола *молчать*. Идентификаторы *молча, не разговаривая, молчать* прямо указывают на отсутствие говорения.

Б) Обозначение и характеристика молчания как следствия эмоционального состояния человека, утратившего способность говорить, содержатся в семантике фразеологизма с опорным семантическим центром *слово* в форме множественного числа: *проглотить слова* (пренебр.) – ‘перестать говорить, замолчать, испытывая растерянность, волнение, застенчивость и т. п.’ [ФСРЛЯ 2008: 501]. В словарном толковании использованы идентификаторы *перестать говорить, замолчать*. Уточнители *испытывая растерянность, волнение, застенчивость* указывают на конкретные причины сдвига в эмоционально-психологическом состоянии коммуниканта. Помета «пренебр.» акцентирует неуважительное отношение к человеку, утратившему способность говорить из-за внутренней неуверенности в себе. Объект аксиологической оценки – коммуникативная робость. Отметим, что в отдельных ситуациях коммуникативная робость воспринимается с пониманием и сочувствием.

В) Обозначение и характеристика молчания как тактики сокрытия информации от целевого адресата.

Уточним значение термина: речевая тактика – «одно или несколько действий, которые способствуют реализации речевой стратегии», т. е. «комплекса речевых действий, направленных на достижение коммуникативной цели» [Иссерс 2008: 110, 54; см. также: Матвеева 2010: 387]. Наличие речевой тактики в общении предполагает заданную стратегией интенциональность.

Выделим сочетания с опорным семантическим центром *молчание: заговор молчания* – ‘намеренное замалчивание чего-либо многими’ [ФСРЯ 1978: 161]; *гробовое / мертвое молчание* – ‘умышленное сокрытие какой-либо информации, фактов, отсутствие в речи информации о чем-либо’ [ФССРЛЯ 2004. Т. 1: 604]; *обходить / обойти молчанием* – ‘умалчивать, не упоминать о чем-либо’ [ФСРЛЯ 2008: 405]. Обратим внимание на то, что отмеченные фразеологизмы употребляются в книжной речи.

В словарных толкованиях используются идентификаторы *замалчивание, сокрытие* (информации, фактов), *умалчивать*, а также глагол речи, сопровождающийся отрицательной частицей (*не упоминать*). Уточнители (сокрытие) *намеренное, умышленное* указывают на использование продуманной тактики, нацеленной на сокрытие какой-либо информации о лице, факте, событии.

Обращает на себя внимание устойчивая единица, включающая компонент *молчанка: играть (игра) в молчанку / молчанки* – ‘отмалчиваться, уклоняться от разговора; молчать, ничего не говорить’ [ФСРЯ 1978: 179; ФССРЛЯ 2004. Т. 1: 452]. Семантика фразеологизма, в толковании которого имеются идентификаторы *молчать, отмалчиваться*, мотивирована свободным словосочетанием. Понимание последнего требует активизации культурно-фоновых знаний: существует ‘детская игра, в которой проигрывает заговоривший первым’ [ТСРЯ 2008: 458]. Таким образом, молчание в данном случае выступает как невербальная форма языковой игры [См.: Гридина 1996; Санников 1999 и др.], используемой коммуникантами в непринужденном общении для достижения коммуникативного результата. Сфера функционирования фразеологизма – живая разговорная речь. Игровая

составляющая разновидности «субъектно-субъектного» диалогического общения актуализируется при условии понимания основ мотивированности отмеченной единицы.

Г) Обозначение и характеристика тактического средства принуждения коммуникативного партнера к отказу от говорения отражаются в семантике фразеологизмов с компонентами *язык, рот, горло, глотка*.

– Фразеологизмы с опорным семантическим центром *язык: наступать / наступить на язык* (грубо-прост.) – ‘заставлять молчать, замолчать’ [ФСРЛЯ 2008: 376]; *обкоротить язык* (ирон.) – ‘заставить кого-либо поменьше разговаривать, быть менее дерзким’ [ФСРЛЯ 2008: 400]; *привязать язык* (устар.) – ‘заставить кого-либо замолчать’ [ФСРЛЯ 2008: 491]; *укоротить язык* (экспрес.) – ‘заставить кого-либо прекратить болтать, дерзить’ [ФСРЛЯ 2008: 657]; *хватать за язык* (экспрес.) – ‘заставлять кого-либо молчать, не давать говорить что-либо или о чем-либо’ [ФСРЛЯ 2008: 673]. Сема принуждения закреплена в значении идентификатора *заставлять / заставить*. Уточнитель *кого-либо* выделяет позицию коммуникативного партнера, на которого оказывается императивное воздействие. Помета «грубо-прост.» указывает на употребление единицы в нелитературной разговорной речи и одновременно – на непозволительность нарушения принципа «субъектно-субъектного» общения.

Синонимичным является фразеологизм *связывать / связать язык* (экспрес.) – ‘не давать возможности непринужденно, без стеснения говорить’ [ФСРЛЯ 2008: 565]. Семантика устойчивой единицы указывает на эмоциональное давление со стороны коммуникативного партнера, не желающего слушать говорящего. Ср. антонимы: *тянуть / потянуть за язык* (экспрес.) – ‘провоцировать на какое-либо высказывание; вынуждать что-либо сказать, ответить, высказаться и’ [ФСРЛЯ 2008: 650]; *развязывать / развязать язык* (ирон.) в основном словарном значении ‘побуждать кого-либо к разговору; давать возможность кому-либо говорить свободно, без стеснения’ [ФСРЛЯ 2008: 524].

– Фразеологизмы с компонентами *рот, горло, глотка*, обозначающие не только принуждение «другого» к молчанию, но и стремление говорящего к

коммуникативному превосходству.

Выделим синонимы *зажимать / зажать рот; затыкать / заткнуть рот / горло / глотку* в общем значении ‘лишать возможности высказывать свои убеждения, мнения, чувства; заставлять молчать; не дать кому-либо говорить, принуждать кого-либо к молчанию’ [БФСРЯ 2009: 220; ФСРЯ 1978: 171; ФССРЛЯ 2004. Т. 1: 427]; *закрывать / закрыть рот* – ‘не давать говорить кому-либо что-либо нежелательное’ [ФСРЛЯ 2008: 230]; *замазывать / замазать рот* (грубо-прост.) – ‘лестью, подкупами, угрозами принуждать кого-либо к молчанию, заставлять молчать’ [ФСРЛЯ 2008: 231].

Идентификатор *принуждать* указывает на насильственное речевое действие и (одновременно) позволяет охарактеризовать отмеченные единицы как экспрессивы-интенсивы. Уточнители *кого-либо, кому-либо* выделяют позицию адресата; уточнители (замазать) *лестью, подкупами, угрозами* позволяют составить представление об этически непозволительных речевых тактиках, с помощью которых осуществляется эмоциональное давление на коммуникативного партнера. Ср. антонимы: *растегнуть рот / глотку* в основном словарном значении ‘заставлять кого-либо заговорить’ [ФСРЯ 1978: 386].

Д) Обозначение и характеристика перехода от молчания к говорению передаются фразеологизмом с опорным семантическим центром *губы: разжимать / разжать губы* (ирон.) – ‘переставать молчать, начинать говорить’ [ФСРЛЯ 2008: 526]. Идентификаторы *переставать молчать, начинать говорить* указывают на прекращение молчания и переход к звучащей речи. Помета «ирон.» информирует о возможности неоднозначного, с эмоционально-оценочной точки зрения, употребления экспрессива.

Синонимичным является фразеологизм с опорным семантическим центром *зубы: разжимать / разжать зубы* (устар.). Последний сохраняет мотивированность, но, как свидетельствует помета «устар.», вышел из активного употребления. Ср. также: фразеологизм *развязывать / развязать язык* (ирон.) во вторичном словарном значении ‘начинать говорить после упорного молчания, давая какие-либо показания, сообщая нужные сведения, выдавая какую-либо

тайну» [ФСРЛЯ 2008: 524; ФСРЯ 1978: 379].

Е) Обозначение и характеристика молчуна, а также человека, утратившего способность говорить по причине эмоционального состояния / переживания, содержатся в семантике фразеологизмов с компонентами *слово, язык*.

– «Глагольно-пропозициональные» фразеологизмы с опорным семантическим центром *язык: язык прилип / присох к гортани* у кого – ‘кто-либо замолчал от смущения, удивления, страха и т. п.’ [ФСРЛЯ 2008: 719]; *язык завалился за щеку* у кого (ирон.); *язык отнялся* у кого (экспрес.) – ‘кто-либо замолчал от неожиданности, удивления, страха и т. п.; потерял вдруг способность говорить’ [Там же].

Глагольные идентификаторы (*замолчать, потерять способность говорить*) указывают на прекращение речевой деятельности говорения. Уточнители *кто-либо, у кого-либо* выделяют позицию коммуниканта; уточнители (*замолчать*) *от испуга, неожиданности, от смущения, от страха* указывают на собственно эмоциональную причину прекращения процесса говорения; уточнитель *вдруг* акцентирует внезапность, непредвиденность прекращения этого процесса. Синонимичным является фразеологизм *без языка* (экспрес.) – ‘кто-либо утратил способность говорить, произносить слова, немой’ [ФСРЛЯ 2008: 719]. Помета «экспрес.» указывает на функционирование фразеологизмов как эмоционально-оценочных знаков разрыва коммуникации. С аксиологической точки зрения, важным оказывается выделение эмоционально-психологической обусловленности молчания.

– Фразеологизмы с опорным семантическим центром *слово: слова не вытянешь* (ирон.) – ‘кто-либо очень молчалив, неразговорчив’ [ФСРЛЯ 2008: 118]; *слова не добиться / не добьёшься* (экспрес.) – ‘невозможно кого-либо вызвать на разговор; не получить от кого-либо желаемого ответа’ [ФСРЛЯ 2008: 190]. К данному ряду также относится «глагольно-пропозициональный» фразеологизм *слова застревают / застряли в горле* (экспрес.) – ‘кто-либо из-за сильного волнения не может говорить’ [ФСРЛЯ 2008: 586].

Выделение особого типажа молчуна осуществляется с помощью указателя

кто-либо. Предикаты-уточнители *молчалив*, *неразговорчив* позволяют отметить присущую человеку некоммуникабельность как черту характера. Молчуна, в отличие от болтуна, характеризуют сдержанность, а также застенчивость. Идентификатор *не получить ответа* формирует представление о бесперспективности принуждения молчуна к речевому общению.

Таким образом, молчание как «нулевое» речевое действие и особая тактика оценивается и характеризуется в зависимости от причины, заставляющей говорящего замолчать / молчать. Как правило, внезапное прекращение процесса говорения обусловлено эмоционально-психологически; в отдельных случаях – предметной ситуацией. Четко выделяется лингвокультурный типаж молчуна – молчаливого, некоммуникабельного человека, не поддающегося давлению коммуникативного партнера.

В лингвистических исследованиях [Арутюнова 1994; Кибрик 1991 и др.] имеются ценные наблюдения о молчании, его причинах и функциональной нагрузке. Так, Б. Ю. Норман, сосредоточивая внимание на коммуникативном потенциале молчания, пишет о том, что молчание можно трактовать как «проявление эгоизма говорящего, своего рода коммуникативного высокомерия»; «абсолютное доверие к слушающему»; «ощущение несовершенства языка». Он отмечает «безыскусность, природность молчания в сравнении со сложностью словесного языка» [Норман 2004: 242–243].

Во вьетнамском языке обозначение и характеристика молчания, коммуникативной сдержанности, а также молчуна передаются устойчивыми единицами. В отдельных случаях устанавливаются национально-специфические образные параллели. Например: *sau răng chẳng nói nửa lời* (досл. *не говорить ни полслова, даже если тебе показывают зубы*) – ‘1) твердо хранить тайну; 2) о молчаливом человеке’ [Nguyễn Lân 2013: 47]; *câm miệng hép* (досл. *молчать, как рот моллюска*); *câm như thóc ngâm* (досл. *молчать, как рис в воде*) – ‘молчать, ничего не говорить’ [Там же: 48]. Ср.: *đậy mồm đậy miệng* (досл. *закрывать / закрыть рот*) – ‘не болтать лишнего’ [Там же: 110]; *giữ mồm giữ miệng* (досл. *держат рот*) – ‘быть осторожным в речи, не говорить все, о чем думать’ [Там же:

137]; *im hơi kín / nín tiếng; không dám ri rãng* (досл. *не открывать / открыть зубы*) – ‘от боязни не осмелиться высказаться о своих чувствах’ [Там же: 161]. Как и в русской лингвокультуре, акцентируется возможная эмоциональная причина прекращения говорения. Устойчивыми являются представление о типаже молчуна.

ТЕМАТИЧЕСКАЯ ПОДГРУППА «БОЛТОВНЯ, ПУСТОСЛОВИЕ, КОММУНИКАТИВНАЯ НЕСДЕРЖАННОСТЬ». С помощью устойчивых единиц данной подгруппы номинируются и характеризуются: а) процесс бессодержательного говорения; б) говорящий, склонный к многословию и пустословию. В зеркале фразеологии, по наблюдениям лингвистов, болтовня характеризуется как «неинформативный», «праздноречевой» жанр, а «бессодержательная речь регулярно отождествляется с речью, содержащей нелепую, недостоверную информацию» [Балашова 2003: 94–95; см. также: Христолюбова 1992]. Выделим ряды анализируемых фразеологизмов по семантически опорным компонентам.

А) Обозначение и характеристика процесса бессодержательного говорения, отсутствия сдержанности в речевой партии говорящего отражаются в семантике фразеологизмов с компонентами *язык, рот, зуб, речь, слово, сказка*.

– Фразеологизмы с опорным семантическим центром *язык*, в словарных толкованиях которых используются глагольные идентификаторы (*разговаривать, говорить, болтать, пустословить*) и оценочные характеризаторы-уточнители.

Фразеологизм *болтать языком* (неодобр.) употребляется в значениях ‘излишне много разговаривать, говорить вздор, чепуху’; ‘говорить зря, попусту’; ‘говорить то, что не следует’ [ФСРЯ 1978: 42]; *плести языком* (неодобр.) – ‘говорить глупости; пустословить’ [ФСРЛЯ 2008: 446]. Помета «неодобр.» ограничивает употребление фразеологизма ситуациями, в которых коммуникант выражает отрицательное отношение к болтовне (характеризаторы-уточнители (говорить) *зря, попусту, излишне много*). Аксиологическую значимость приобретают именные уточнители *вздор, чепуху, глупости* и указание на непозволительность пустословия *то, что не следует*.

Толкования фразеологизмов *чесать / почесать язык* (ирон.) – ‘пустословить,

заниматься пустой болтовней' [ФСРЛЯ 2008: 695], *оббивать / оббить язык* (ирон.) – 'говорить о чем-либо без толку' [ФСРЛЯ 2008: 398] предваряются пометой «ирон.», которая указывает на скрытую насмешку, сопровождающую употребление устойчивых образований в ситуации восприятия болтовни со стороны. Синонимичными являются фразеологизмы *трепать / потрепать языком* и *трещать языком* в общем значении 'заниматься пустой болтовней, пустословить' [ФСРЯ 1978: 526].

Фразеологизмы *чесать языком* (пренебр.) – 'пустословить, заниматься пустой болтовней' [ФСРЛЯ 2008: 695]; *трепать язык* (пренебр.) – 'говорить зря, попусту, пустословить' [ФСРЛЯ 2008: 645]; *бить язык / языком* (пренебр.) – 'зря, впустую о чём-либо говорить, болтать' [ФСРЛЯ 2008: 26] получают сниженную помету «пренебр.», акцентирующую общее отношение к пустословию, вызывающему неуважение говорящего к коммуникативному партнеру – болтуну.

Однотипная стилистическая помета выделяет фразеологизмы *лязгать / ляскать языком* (презр.) – 'много и попусту говорить; пустословить' [ФСРЛЯ 2008: 337]; *звонить языком* (презр.) – 'много и зря говорить, болтать' [ФСРЛЯ 2008: 241]; *распускать / распустить язык* (презр.) в общем значении 'не сдерживая себя, теряя над собой контроль, проговариваться, говорить лишнее' [ФСРЛЯ 2008: 533]; *стучать языком* (презр.) – 'болтать попусту, тратить время на пустые разговоры' [ФСРЛЯ 2008: 625]. Эти единицы также акцентируют сопровождающее болтовню игнорирование позиции адресата. Отрицательно оцениваются отступления от норм кооперативной коммуникации, речевое поведение участника общения, постоянно или эпизодически не сдерживающего эмоции, употребляющего неуместные слова и выражения.

Помета «экспрес.» сопровождает толкования фразеологизмов: *точить / поточить (свой) язык / языки* (экспрес.) в первичном словарном значении 'заниматься пустой болтовней, пустословить' [ФСРЛЯ 2008: 643], *давать / дать волю языку* (экспрес.) – 'позволить себе говорить лишнее' [ФСРЛЯ 2008: 154]. Помета указывает на общую эмоционально-оценочную окраску единицы и одновременно передает представление о том, что пустословие и речевая

распущенность всегда оцениваются со стороны. Идентификатор *дать волю* содержит сему 'свобода', которая поддерживается уточнителем *позволить себе*, выделяющим несдержанность как объект аксиологической оценки. Идентификатор *говорить* уточняется: *лишнее* – (в значении существительного) 'то, без чего можно обойтись' [МАС 1982. Т. 2: 193].

Общеоценочной является также помета «сниж.» (фразеологизм *мозолить язык* (сниж.) – 'заниматься болтовней, пустословить' [ФСРЯ 1978: 525]). Она указывает на то, что единица употребляется в обиходной разговорной речи и одновременно передает снисходительное отношение к пустословию.

Все отмеченные фразеологические единицы являются сниженными экспрессивами-интенсивами, а каждая из них приобретает особый эмоционально-экспрессивный оттенок. Относящиеся к данному ряду фразеологизмы *попусту / понапрасну язык трепать* – 'говорить впустую, без пользы, говорить вздор' [ФССРЛЯ 2004. Т. 2: 531]; *пропадать / пропасть за язык* – 'болтливость к добру не приведет' [ФССРЛЯ 2004. Т. 2: 826] не сопровождаются пометами. Отрицательная оценка к пустословию и его коммуникативным последствиям содержится в толкованиях.

– Фразеологизмы с семантически опорными компонентами *сказка, сказочка, речь, слово, словеса: точить сказки / сказочки* (устар. экспрес.) – 'пустословить, праздно болтать' [ФСРЛЯ 2008: 643]; *расположать речи / слова* (устар.); *точить речи / слова* (устар.) – 'говорить много и долго' [ФСРЛЯ 2008: 531; ФССРЛЯ 2004. Т. 2: 520]; *терять / тратить (лишние) слова (зря, попусту, напрасно)* – 'говорить зря, попусту, не достигая цели' [ФССРЛЯ 2004. Т. 2: 366].

В словарных толкованиях содержатся идентификаторы *пустословить, болтать*, обозначающие процесс бессодержательного речевого взаимодействия и одновременно – речевую партию говорящего (говорящих). Подобное речевое взаимодействие оценивается как пустая болтовня. Уточнители идентификатора *говорить (зря, попусту, не достигая цели)* акцентируют отсутствие эффективности процесса говорения и одновременно передают негативную оценку речевой партии коммуниканта.

Плетение словес – ‘многословный, запутанный, вычурный стиль речи, обычно скрывающий бедность мысли’ [ФСРЯ 1978: 322]; *набор слов* (пренебр.) – ‘сочетание слов, фраз, не имеющих смысла; полная бессмыслица’ [ФСРЯ 1978: 260]. В данном случае акцентируется бессодержательность используемых отдельных языковых средств и речи в целом. Идентификаторы *стиль речи, сочетания слов, фраз* указывают на непродуманный отбор говорящим языковых средств; соответствующие уточнители *запутанный, не имеющие смысла* – на отсутствие необходимых средств выражения мысли; атрибутивный уточнитель *многословный* (о стиле) – на их избыточность не только в устной, но и в письменной речи. Пренебрежительно оценивается стиль, приметой которого является многословие.

Фразеологизм *сказка про белого бычка* (пренебр.) – ‘надоедливое повторение одного и того же, возвращение к одному и тому же’ [ФСРЛЯ 2008: 581] содержит отрицательную оценку (помета «пренебр.») назойливых повторов, воспринимаемых адресатом с раздражением (уточнитель *надоедливое* – о повторах).

– Единичные фразеологизмы с компонентами *рот, зубы: чесать / почесать зубы* (ирон.) – ‘болтать, много говорить, разговаривать’ [ФСРЯ 1978: 525]; *не закрывать рта* – ‘говорить слишком много, непрерывно’ [ФССРЛЯ 2004. Т. 1: 409]. Отмеченные единицы употребляются как синонимы глагола *болтать*.

Из толкований анализируемых фразеологизмов выводится общая неодобрительная аксиологическая оценка пустой болтовни.

Б) Обозначение и характеристика речевой манеры говорящего, склонного к болтовне, отражаются в семантике фразеологизмов с опорным семантическим центром *язык*.

– Фразеологизмы, организованные по типу именных сочетаний с атрибутивным уточнителем: *болтливый язык* – ‘о том, кто любит болтать, говорить обо всем, что ему известно’ [ФССРЛЯ 2004. Т. 1: 71]; *длинный / длинен язык / язычок* (ирон.) в первом словарном значении ‘кто-либо очень болтлив, говорит много лишнего’ [ФСРЛЯ 2008: 717]; *долгий язык* (ирон.) – ‘кто-либо болтлив, не

сдерживается в разговоре' [ФСРЛЯ 2008: 718]. В словарных толкованиях содержится указатель на лицо: *о том, кто; кто-либо*, следовательно, характеризуется болтун, т. е. человек несдержанный, любящий много говорить.

– Сочетания с семантически опорным компонентом *язык* в разных формально-грамматических позициях: *язык без костей* (ирон.) – 'кто-либо очень разговорчив, не в меру болтлив, говорит глупости' [ФСРЛЯ 2008: 718]; *слаб на язык* (ирон.) – 'кто-либо не в меру болтлив, чересчур болтлив' [ФСРЯ 1978: 429]; *бойкий на язык* (экспрес.) – 'разговорчивый, болтливый' [ФСРЛЯ 2008: 34]. Отмеченные единицы характеризуют устойчивую склонность говорящего к болтовне.

Особо выделяется глагольное сочетание с зависимым компонентом *язык*, акцентирующее нарушение уместности речи: *развязывать / развязать язык* (ирон.) в третьем словарном значении – 'становясь болтливым, проговариваться, сообщать то, о чем следовало бы помолчать' [ФСРЛЯ 2008: 524]. Позицию зависимого слова в толковании занимает субстантивированное прилагательное (становиться) *болтливым*. Из семантики следует возможность эпизодического проявления нежелательной речевой несдержанности.

Коммуниканта, который не может себя сдержать, контролировать свои эмоции, а также соответствующую речевую партию, обозначают и характеризуют «глагольно-пропозициональные» фразеологизмы: *язык развязывается / развязался* (ирон.) – 'кто-либо вдруг начинает много, безостановочно говорить, становится болтливым' [ФСРЛЯ 2008: 719]; *язык чешется* у кого (ирон.) – 'кто-либо не может утерпеть, удержаться от разговора, от высказывания' [ФСРЛЯ 2008: 719].

Имеющиеся в толкованиях уточнители *много, слишком много, беспрерывно, попусту* позволяют отнести проанализированные фразеологизмы к интенсивам-экспрессивам, которые отрицательно, хотя и с долей иронии, оценивают неумеренную склонность к болтовне, проявляющуюся в речевой партии говорящего, а также самого болтуна. Представление об отсутствии сдержанности говорящего, неопределенности процесса говорения поддерживают формы несовершенного вида глаголов в составе фразеологизмов.

Обращает на себя внимание снисходительное, шутливо-ироническое, а также неодобрительное отношение к болтовне, т. е. ‘бессодержательным разговорам, пустословию’ [ТСОШ 2005: 55], и к болтуну – коммуниканту, постоянно или эпизодически проявляющему речевую несдержанность. Фразеологизмы характеризуют процесс монополизации диалога, оценивают лишнюю смысла речевую партию говорящего, который не задумывается над смыслом сказанного и, проявляя коммуникативный эгоцентризм, не принимает во внимание мысли и чувства коммуникативного партнера.

Приведенные словарные толкования и соответствующие пометы позволяют сделать вывод о том, что постоянная склонность говорящего к болтовне, а также говорящий, который болтает лишь в отдельных эпизодах общения, не всегда получают категорически отрицательную оценку.

Аксиологическое содержание проанализированных фразеологизмов выводит болтовню за пределы коммуникативных ценностей русской лингвокультуры. Выделяется особый лингвокультурный типаж болтуна. Тематические подгруппы «Болтовня, пустословие, коммуникативная несдержанность» и «Молчание, коммуникативная сдержанность» в целом противопоставлены. Антонимические, а также синонимические отношения объединяют в парадигматические ряды отдельные фразеологизмы.

Во вьетнамском языке обозначение и характеристика болтовни, пустословия, коммуникативной несдержанности, а также болтуна содержатся в семантике ряда фразеологизмов. Например: синонимы *ba hoa chích chòe* (досл. *трещать как сорока*), *ba hoa thiên địa* (досл. *болтать о небе, о земле*) – ‘презр. о тех, кто постоянно болтает, занимается пустыми разговорами о пустяках’ [Nguyễn Lân 2013: 24]; *cả kê dê ngỗng* – (досл. *болтать то о козах, то о гусях*) – ‘неодобр. болтать обо всем без остановки’ [Там же: 42]; *cả tiếng dài hơi* (неодобр. *громкая и длинная речь*) – ‘кто-либо громко, много и долго говорит’ [Там же: 42]. Болтовня оценивается негативно и исключается из системы коммуникативных ценностей вьетнамской лингвокультуры.

ТЕМАТИЧЕСКАЯ ПОДГРУППА «СПЛЕТНИ, СЛУХИ». С помощью

устойчивых единиц данной подгруппы номинируются и характеризуются: а) процесс распространения сплетен / слухов; б) их предметная тема; в) лицо, занимающееся сплетнями / распространяющее слухи. Выделим ряды фразеологизмов, включающих семантически опорные компоненты.

А) Обозначение и характеристика процесса распространения сплетен / слухов передаются фразеологизмами с опорным семантическим центром *язык: чесать / почесать языки / языками* (неодобр.) – ‘сплетничать, судачить, злословить о ком-либо’ [ФСРЛЯ 2008: 695; ФСРЯ 1978: 526]; *клепать языком* (презр.) – ‘сплетничать, судачить о ком-либо’ [ФСРЛЯ 2008: 281]. Глагольные идентификаторы *сплетничать, судачить, злословить* обозначают процесс недоброжелательного, подчас злобного обсуждения распространяемых слухов.

Прослеживается переименование с тематической подгруппой «Болтовня, пустословие, коммуникативная несдержанность». Фразеологизмы получают аксиологическую маркированность недоброжелательности, заданную семантикой слова *сплетня* – ‘злой слух, недоброжелательные пересуды’, т. е. ‘пустые разговоры’ [ТСРЯ 2008: 929; 635] и прямо передаваемую лексическими синонимами *злословие, злоречие, злословие* [Александрова 2001: 477].

Б) Обозначение и характеристика предметной темы сплетен / слухов.

– Наличие предмета сплетни передается фразеологизмами с семантически опорными компонентами *язык, уста: на языке* в третьем словарном значении ‘что-либо постоянно повторяется, обсуждается и т. п. кем-либо’ [ФСРЯ 1978: 542]; *не сходить с языка* (экспрес.) – ‘постоянно упоминаться в разговоре’ [ФСРЛЯ 2008: 627]; *не сходить с уст* – ‘постоянно произноситься, упоминаться в разговоре’ [ФССРЛЯ 2004. Т. 2: 624]; *из уст в уста* – ‘от одного человека к другому (передавать, передаваться и т. п.). О слухах, разговорах, новостях’ [ФСРЯ 1978: 498]; *в устах* кого, чьих – ‘в чьей-либо речи’ [ФСРЯ 1978: 498]; *на устах* у кого; у всех / многих *что-либо на устах* (экспрес.) во вторичном словарном значении ‘о чем-либо постоянно говорится, что-либо постоянно повторяется, обсуждается’ [ФСРЛЯ 2008: 664].

Во всех случаях уточнитель *что-либо* – ‘какой-нибудь предмет’ [ТСРЯ 2008:

1097], т. е. ‘тот (то), на кого (что) направлена мысль’ [Там же: 719], указывает на наличие в разговоре предметной темы [См.: Матвеева 1990: 12] передаваемой сплетни. Культурно-фоновые знания речевой действительности позволяют предположить, что предметная тема может быть не только вымышленной, но и достоверной, в том числе имеющей общественную значимость.

– Становление предмета сплетни / слуха обозначают и характеризуют фразеологизмы с семантически опорными компонентами *язык, зубок, сказка, слух, уши: идти / пойти по языкам* (устар.) – ‘получать широкую огласку, стать предметом сплетен’ [ФСРЛЯ 2008: 256]; *попадать / попасть на язык* – ‘становиться предметом разговора, обсуждения, пересудов’ [ФСРЯ 1978: 342]; *попадать / попасть на зубок* (экспрес.) – ‘становиться предметом язвительных насмешек, обсуждений, критики’ [ФСРЛЯ 2008: 475]; *стать / сделаться сказкой* – ‘стать предметом общих пересудов, сплетен’ [ФССРЛЯ 2004. Т. 2: 343]; *доходить / дойти до слуха / ушей* (устар.) – ‘становиться известным кому-либо в результате разговоров, толков и т. п.’ [ФСРЛЯ 2008: 198].

Идентификатор *получать огласку* формирует представление о публичности ранее скрываемой от определенного круга людей, от общественности информации; идентификаторы *стать предметом, становиться предметом, становиться известным* указывают на то, что информация в процессе ее распространения переходит из уст в уста. Уточнители (предмет) *разговора, обсуждения* свидетельствуют о том, что в процессе общения люди активно обмениваются мнениями о полученной информации; с помощью уточнителей (предмет) *сплетен, пересудов*, т. е. ‘досужих обсуждений, пустых разговоров’ [ТСРЯ 2008: 635] акцентируется отсутствие конструктивности обсуждений, которые превращаются в болтовню. Уточнители (предмет) *язвительных насмешек, критики* формируют представление об эмоционально-оценочном отношении к обсуждаемому предмету сплетни. Помета «экспрес.» выделяет фразеологизм *попадать / попасть на зубок* как эмоционально-оценочную единицу языка. Акцентируется не только факт речевого распространения информации, но и наличие «языковой рефлексии» [Вепрева 2002], сопровождающей этот стихийный процесс.

В) Обозначение и характеристика лица, распространяющего сплетню (сплетни), содержатся в семантике устойчивых атрибутивных сочетаний с опорным семантическим центром *язык*:

Злой на язык (неодобр.) – ‘тот, кто язвительно, зло говорит о ком-либо или о чём-либо, склонен к злым суждениям; о злопамятном человеке’ [ФСРЛЯ 2008: 245]; *злые / дурные языки*; *змеиный язык* (презр.) – ‘сплетники, клеветники, любители пересудов’ [ФСРЛЯ 2008: 719; БФСРЯ 2009: 736]; *пустые / досужие / праздные языки* (предосуд.) – ‘о тех, кто занимается пустыми разговорами, сплетнями, пересудами’ [ФСРЛЯ 2008: 719; ФССРЛЯ 2004. Т. 2: 827].

Компоненты *злые, дурные* позволяют выделить черты лингвокультурного типажа сплетника, не соответствующие сложившимся в этике представлениям о должном. Внутренняя форма фразеологизма *змеиный язык* позволяет охарактеризовать сплетника как человека язвительного, коварного, склонного к предательству. Создается также акустически определенный образ издаваемых шипящих звуков, ворчливости, сдавленности. Идентификаторы – существительные лица в форме множественного числа – *сплетники, клеветники, любители пересудов* – обозначают лиц, которые намеренно распространяют не всегда достоверную информацию и испытывают от этого удовольствие. Кроме того, это те лица (*тот, кто; о людях; о тех, кто*), которые с готовностью подхватывают сплетню, занимаются досужими (уточнитель *пустыми*) разговорами, т. е. болтуны, пустословы. Уточнители (говорит) *язвительно, зло, (склонен) к злым суждениям* акцентируют недоброжелательность сплетника. Пометы «презр.», «предосуд.» выделяют фразеологизмы как экспрессивные единицы, указывающие на неодобрительное отношение к сплетникам. Собственно аксиологическая помета «предосуд.» передает принятое в русской лингвокультуре осуждение сплетника – человека, намеренно распускающего сплетни, охотно подхватывающего непроверенные слухи.

Примыкает к проанализированному ряду фразеологизм с опорным семантическим центром *рот*, обозначающий лицо, которого следует остерегаться: *пальца / палец в рот не клади* в значении ‘о человеке, с которым надо быть

осторожным, не допускать оплошностей, промахов' [ФССРЛЯ 2004. Т. 1: 783], в частности, чтобы избежать распространение нежелательных слухов.

К тематической подгруппе «Сплетни, слухи» примыкают фразеологизмы с семантически опорными компонентами *слово, слух, уста*, обозначающие и характеризующие источники распространяемой информации:

Со слов кого, чьих – 'основываясь на чем-либо устном заявлении, высказывании, сообщении' [ФСРЯ 1978: 431]; *с чужих слов* – 'на основании разговоров, рассказов других людей, а не собственных знаний, наблюдений' [ФСРЯ 1978: 431]; *из уст* кого, чьих – 'от кого-либо (узнавать, слышать)' [ФСРЯ 1978: 498]; *говорить / произносить* чьими-либо *уста*ми / *слова*ми – толкование отсутствует [ФССРЛЯ 2004. Т. 2: 624]; *по слухам* – 'из разговоров, по рассказам, со слов других (знать, узнавать что-либо); как говорят, если верить молве, толкам' [ФСРЯ 1978: 434]; *из третьих / вторых уст* – 'через посредников, не от очевидцев, непосредственно (узнавать, слышать что-либо)' [ФСРЯ 1978: 498]. Ср.: *из первых уст* (экспрес.) – 'прямо, непосредственно от очевидцев, от участников (узнавать, слышать)' [ФСРЛЯ 2008: 663]. Во всех случаях подчеркивается интеллектуальная несамостоятельность говорящего, его склонность к механическому повторению непроверенных чужих мыслей и слов, служащих основанием для сплетни.

Болтовня и сплетня взаимосвязаны. Отметим гендерное маркирование болтовни и сплетен, которое, в частности, приобретает устойчивое сравнение: *болтать как базарная баба* [См.: Огольцев 2001: 793]. Русское сознание приписывает женщинам особую склонность к болтовне и сплетням. Болтун и болтуня, сплетник и сплетница оцениваются отрицательно, но с разной степенью категоричности.

Во вьетнамском языке обозначение, отрицательная (реже – снисходительная) оценка сплетен, слухов и сплетников содержатся в семантике ряда фразеологизмов. Например: *ăn đom nói đặt* – 'презр. наговаривать, возводить напраслину, клеветать на кого-либо' [Nguyễn Lân 2013: 15]; *lời / điều ong tiếng ve* (досл. *жуужжание пчел, звуки цикад*) – 'неприятные для кого-либо обсуждения, слухи' [Там же: 115]; *lời xa tiếng gần* (досл. *слово вдали, слово вблизи*); *miệng lằn, lưỡi mồi* (досл. *рты ящериц,*

языки термитов / белых муравьев) – ‘о тех, кто любит заниматься сплетнями, пересудами’ [Там же: 198]; *bàn ra tán vào* – ‘бесконечные, бесплодные пересуды, разговоры’ [НБВРС 2012. Т. 1: 117]; *miệng thể gian* (досл. *языки света*) – ‘слухи о ком-либо’ [Nguyễn Lân 2013: 199].

ТЕМАТИЧЕСКАЯ ПОДГРУППА «ПРЯМОЛИНЕЙНОСТЬ, ОТКРОВЕННОСТЬ». С помощью устойчивых единиц данной подгруппы номинируются и характеризуются правдивость, откровенность, искренность речи говорящего. Выделяются фразеологизмы с семантически опорными компонентами *сказать, глаза, голос, язык: сказать (прямо) в глаза / в лицо* – ‘не заочно, прямо, открыто, не обинуясь’ [ФССРЛЯ 2004. Т. 2: 342]; *кидать в глаза* (экспрес.) – ‘говорить прямо, открыто’ [ФСРЛЯ 2008: 526]; *резать правду в глаза* (экспрес.) – ‘говорить прямо, открыто кому-либо правду’ [ФСРЛЯ 2008: 537]; *резать правду-матку в глаза* (экспрес.) – ‘высказываться прямо, откровенно’ [ФСРЛЯ 2008: 538].

Идентификаторы *говорить, высказываться, рассказывать* в соединении с уточнителями *прямо, открыто, откровенно* указывают на процесс вербализации участником общения своих чувств и мыслей, акцентируют стремление говорящего быть откровенным, правдивым, вопреки возможным последствиям, вызванным прямолинейностью, отсутствием необходимой гибкости. Уточнитель *в глаза* создает эффект картинной образности: в межличностном общении русских принято смотреть друг другу в глаза, не уклоняться от взгляда коммуникативного партнера. *Говорящие глаза* позволяют понять чувства и мысли коммуникативного партнера. Наблюдается пересечение с подгруппой «Невербальные знаки коммуникации».

К данному ряду может быть отнесен фразеологизм *во весь голос* (экспрес.) во вторичном словарном значении ‘очень громко (говорить), открыто и с полной ответственностью за сказанное’ [ФСРЛЯ 2008: 141], обозначающий и характеризующий не только громкую публичную речь, но и стремление говорящего донести правду до всех. Ср. антонимические фразеологизмы с семантически опорными компонентами *ухо, ушко: на ухо говорить / шептать / сказать* в значении ‘тихо, шепотом, по секрету’ [ФССРЛЯ 2004. Т. 2: 634]; *на ушко*

– ‘по секрету, тихо, чтобы никто не слышал (говорить, шептать, сказать)’ [ФСРЛЯ 2008: 668].

Отмеченные устойчивые единицы характеризуют проявление особой, порой рискованной в межличностном общении, откровенности, обозначают передачу адресантом неприятной для целевого адресата конфиденциальной информации. Формируется представление о правдолюбие – особом лингвокультурном типаже: *резкий на язык* – ‘прямолинейный в суждениях, оценке’ [ФСРЛЯ 2008: 538].

Во вьетнамском языке обозначение и характеристика прямолинейности, откровенности содержатся в семантике ряда фразеологизмов. Например: *ăn ngay nói thẳng / thật* (досл. *есть прямо, говорить прямо / правду*) – ‘одобр. о прямолинейных, откровенных людях’ [Nguyễn Lân 2013: 18]; *ăn bằng nói chắc* – ‘об искреннем, прямолинейном человеке’ [Там же: 13]. Правдивая речь одобряется.

ТЕМАТИЧЕСКАЯ ПОДГРУППА «ЛОЖЬ, ОБМАН». С помощью устойчивых единиц данной подгруппы номинируются и характеризуются отсутствие правдивости, искренности. Выделяются глагольные устойчивые сочетания с семантически опорными компонентами *слова, сказки, басни, уши, зубы*: *играть словами* во вторичном словарном значении ‘стараться скрыть за словами истинную сущность дела, намерения, цели’ [ФСРЯ 1978: 180]; *сказки сказывать* (пренебр.) – ‘говорить неправду, небылицы’ [ФСРЛЯ 2008: 581]; *рассказывать басни* (пренебр.) / *рассказывать сказки* (пренебр.) – ‘говорить неправду, небылицы; выдумывать’ [ФСРЛЯ 2008: 533]; *вешать лапшу на уши* (предосуд.) – ‘нагло врать, рассказывать небылицы; намеренно вводить в заблуждение кого-либо’ [ФСРЛЯ 2008: 67]; *заговаривать / заговорить зубы* (ирон.) во вторичном словарном значении ‘вводить в заблуждение, обманывать’ [ФСРЯ 1978: 161].

Идентификатор и соответствующий уточнитель *стараться скрыть истинную сущность* указывают на реализацию тактики сокрытие истины. Идентификаторы *врать, выдумывать, говорить, рассказывать* и уточнители *неправду, небылицы* указывают на речевую партию говорящего, содержащую ложную информацию. Пометы «пренебр.», «предосуд.», «ирон.» акцентируют

неодобрительное отношение к искажению истины, а также к тому, кто говорит неправду, лукавит.

Толкование именных устойчивых сочетаний *бабушкины сказки* / *бабы сказки* (пренебр.) – ‘вымысел, выдумки, небылицы’ [ФСРЛЯ 2008: 581] содержит идентификаторы, являющиеся лексическими синонимами отмеченных фразеологизмов.

К данной тематической подгруппе примыкает фразеологизм *по губам мазать* / *помазать* – ‘дразнить пустыми обещаниями, внушать напрасную надежду’ [ФССРЛЯ 2004. Т. 1: 292]. Из толкования следует возможность реализации обманных приемов воздействия на адресата.

С аксиологической точки зрения, ложь, обман не одобряются. Отмеченные тактики характеризуются как непозволительные. Формируется представление об отрицательном лингвокультурном типаже лжеца.

Во вьетнамском языке отрицательную оценку получает лингвокультурный типаж лжеца. Например: *ăn không nói có* (досл. жульничать, говорить неправду) – ‘пренебр. о тех, кто говорит неправду, сплетничает о других’ [Там же]; *ba lừa bảu lợc* – ‘пренебр. о тех, кто всеми попытками постоянно лжет, обманывает всех’ [Там же: 25]; *(nói) dối như Cuội* (досл. врать как Куоу – фольклорная персонаж) – ‘пренебр. о тех, кто все время лжет’ [Там же: 239]; *dối trên lừa dưới* – ‘пренебр. о тех, кто лжет и начальнику, и подчиненному’ [Там же: 97]. Ложь, обман исключаются из системы ценностей вьетнамской культуры.

ТЕМАТИЧЕСКАЯ ПОДГРУППА «ОБЕЩАНИЕ, КЛЯТВА». Обозначение и характеристика обещания, клятвы, их выполнения / невыполнения содержатся в семантике фразеологизмов с компонентами *говорить, слово, ухо, ушки*.

– Фразеологизмы с компонентами *говорить, слово*: *за верное говорить* – ‘решительно уверять’ [ФСРЛЯ 2008: 134]; *давать / дать слово* – ‘клятвенно уверять кого-либо в чем-либо, обещать что-либо’ [ФСРЯ 1978: 125]. Идентификаторы *уверять, обещать* указывают на то, что адресант, используя речевой жанр обещания [См.: Антонова 2004], берет на себя обязательство выполнить нечто полезное, желаемое для адресата. Уточнитель *клятвенно*

способствует семантическому приращению: ‘торжественное обещание, уверение’ [ТСРЯ 2008: 342]. Устойчивое сочетание является синонимом лексем *обещать*, *пообещать* [Александрова 2001: 271].

Фразеологизмы *брать / взять слово* во вторичном словарном значении ‘получать от кого-либо обещание, клятвенное уверение в чем-либо’ [ФСРЯ 1978: 47]; *ловить / поймать на слове / словах* – ‘заставлять кого-либо сделать или обещать сделать то, о чем было сказано, подтвердить то, что им было сказано’ [ФСРЯ 1978: 230]; *верить / поверить на слово* в значении ‘полагаясь на чьи-либо заверения, без подтверждения фактами, доказательствами’ [ФСРЯ 1978: 432] характеризуют позицию адресата, который слепо верит в обещания, клятвы коммуникативного партнера. Обещание, клятва могут быть не только добровольными, но и принудительными (*заставлять кого-либо ... обещать*).

Воспринимающиеся как аксиологемы фразеологизмы *держать / сдерживать (свое) слово* – ‘исполнять, выполнять обещание, обещанное’ [ФСРЯ 1978: 137]; *быть господином / хозяином своего слова* – ‘исполнять данное обещание’ [ФССРЛЯ 2004. Т. 2: 336] обозначают и характеризуют выполнение говорящим обещанного. Из толкований следует, что акцентируется коммуникативная обязанность, предполагающая ответственность говорящего за обещанное. Ср. антонимы: *взять назад / обратно свое слово / свои слова* – ‘отказываться, отречься от уверений, обещаний; отказываться от сказанного’ [ФСРЯ 1978: 47]; *бросаться словами* – ‘безответственно говорить, обещать что-либо’ [ФСРЯ 1978: 50]. Идентификаторы *отказываться, отречься*, уточнитель *безответственно* указывают на несоблюдение говорящим коммуникативной конвенции.

К данной тематической подгруппе примыкают фразеологизмы-синонимы с семантически опорными компонентами *ухо, ушки*, характеризующие осторожность коммуниканта при восприятии обещания, услышанного от коммуникативного партнера: *держать ухо востро* (экспрес.); *держать ушки на макушке* (экспрес.) – ‘быть крайне осмотрительным с кем-либо, не доверять кому-либо; быть настороже’ [ФСРЛЯ 2008: 185]. Отмеченные устойчивые единицы служат своего рода предостережением адресату: К тому, что говорит человек непорядочный,

известный своей лживостью, следует относиться с осторожностью, взвешивая каждое его слово, не принимать на веру, а анализировать полученную информацию.

Речевые жанры обещания, клятвы выступают как объект специального аксиологического отношения. Учитываются позиции адресанта и адресата. Одобрительно оценивается человек слова – особый лингвокультурный типаж: *господин / хозяин своего слова / своему слову* – ‘человек, который всегда делает то, что говорит, у которого слова не расходятся с делом’ [ФСРЯ 1978: 118], на которого можно положиться. Фразеологизм *хозяин своего слова* воспринимается как аксиологема.

Во вьетнамском языке обозначение и характеристика речевых жанров обещания, клятвы содержатся в семантике ряда устойчивых единиц. Например: *hứa chắc như cua gach* (досл. *обещать крепко, как морской краб с только что выметанными яйцами*) – ‘обещать точно что-либо сделать’ [НБВРС 2012. Т. 1: 385]; *hứa chắc như đinh đóng cột* (досл. *обещать прочно, как гвоздь, вбитый в столб*) – ‘обещать с полной уверенностью’ [Там же]; *thề non hẹn biển* (досл. *клясться горе, обещать морю*) – ‘давать клятву верности, клясться в верности’ [НБВРС 2012. Т. 2: 809]; *thề sống thề chết* (досл. *клясться жизнью и смертью*) – ‘неодобр. клясться всеми святыми, божиться, стараясь убедить собеседника’ [Там же]. Ср.: *hứa hươu hứa vượn* (досл. *обещать оленя, обещать гиббона*) – ‘неодобр. кто-либо не выполняет обещанное’ [НБВРС 2012. Т. 1:1132; Nguyễn Lân 2013: 148].

ТЕМАТИЧЕСКАЯ ПОДГРУППА «КРИК, БРАНЬ». С помощью устойчивых единиц данной подгруппы характеризуются: а) крик – резкое повышение громкости речи; б) крик, сопровождающийся бранью, – нарушение этической позволительности, уместности. Выделим ряды фразеологизмов, включающих семантически опорные компоненты.

А) Обозначение и характеристика крика (резкое повышение громкости речи, вызванное отрицательным эмоциональным состоянием говорящего) содержатся в семантике фразеологизмов с компонентами *горло, глотка, голос, рот, слух, ухо*:

Драть / надирать горло / глотку – ‘очень громко говорить, петь, кричать и

т. п.' [ФССРЛЯ 2004. Т. 1: 273]; *разевать / разинуть глотку* – 'громко говорить, кричать, орать, хохотать' [ФСРЯ 1978: 380]; *во все горло; во всю глотку; во весь рот* (экспрес.) – 'очень громко (кричать)' [ФСРЛЯ 2008: 144]; *голосом (кричать)* – 'громко' [ФССРЛЯ 2004. Т. 1: 266]; *дурным / не своим голосом (кричать, выть, орать)* (экспрес.) – 'истошно (кричать)' [ФСРЛЯ 2008: 141]; *не своим голосом* (экспрес.) – 'исступленно, неистово (кричать, выть)' [ФСРЛЯ 2008: 142]; *режет слух* (неодобр.) – 'что-либо производит неприятное впечатление своим звучанием, формой, содержанием' [ФСРЛЯ 2008: 537]; *ухо / уши режет* (экспрес.) – 'производит неприятное впечатление при восприятии на слух; надоедает слышать' [ФСРЛЯ 2008: 537].

Идентификаторы *кричать, выть, орать* передают представление о 'слишком громкой' речи [ТСРЯ 2008: 572], а также о нарушении позволительности силы звучания. Идентификатор *выть* способствует созданию образной аналогии со звуками, издаваемыми животными. Уточнители *очень громко, истошно, исступленно, неистово* указывают на максимальное усиление громкости речи. В двух последних фразеологизмах уточнитель *неприятное* (помета «неодобр.») указывает на отрицательное восприятие адресатом нарушенной нормы громкости речи. Ср.: *понижать голос* – 'говорить негромко, тише чем обычно' [ФССРЛЯ 2004. Т. 1: 265].

Фразеологизм *луженная глотка* – 'о человеке, способном громко кричать, ругаться' [ФСРЯ 1978: 108] выделяет лингвокультурный типаж горлопана, т. е. того, 'кто горланит, говорит, кричит очень громко, во все голос' [МАС 1981. Т. 1: 334].

– Фразеологизмы с семантически опорным компонентом *ухо*: *драть / резать ухо; в ушах (стоит / звучит / раздается) крик / голос* – 'раздражать слух, звучать резко, неприятно для слуха' [ФССРЛЯ 2004. Т. 2: 634]. Отмеченные единицы характеризуют воздействие на адресата излишне громкой речи – крика, а также запоминающегося тембра голоса: даже после состоявшегося разговора акустический отпечаток остается в коммуникативной памяти. Уточнители *резко, неприятно для слуха*, помета «презр.» формируют представление об отрицательной

оценке восприятия крика – коммуникативной антиценности.

Б) Обозначение и характеристика брани как нарушения этической позволительности передаются фразеологизмами с семантически опорными компонентами *язык, горло, глотка, голос, губы*:

Как за язык повешенный / повешен кричит / бранится в значении ‘не умолкая, не затихая кричит, бранится’ [ФССРЛЯ 2004. Т. 2: 23]; *распускать / распустить горло / глотку* (грубо-прост.) – ‘орать, громко ругаться’ [ФСРЯ 1978: 385]; *повышать голос / возвышать голос* (устар.) – ‘говоря раздраженно, громче, чем обычно, отчитывать, ругать кого-либо’ [ФСРЯ 1978: 327]; *распускать / распустить губы* (презр.) – ‘орать, громко ругаться’ [ФСРЛЯ 2008: 532].

Идентификаторы *браниться, ругаться, ругать, отчитывать* номинируют этически недопустимое использование в речевой партии говорящего субъекта ‘грубых, осуждающих и обидных слов’ [ТСРЯ 2008: 59]. Идентификатор *отчитывать* (‘сделать кому-либо строгое замечание, выговор’ [Там же: 602]) позволяет сделать вывод о «субъектно-объектном» характере взаимодействия и излишней императивности говорящего. Уточнители (*кричать, орать*) *не умолкая, не затихая, очень громко, громко, раздраженно, громче, чем обычно*, указывают на речевую партию коммуниканта, которая отличается повышенной громкостью, выбросом отрицательных эмоций. Крик, бань свидетельствуют о несдержанности говорящего и неуважительном отношении к адресату.

К данному ряду относится фразеологизм *крепкое словцо / слово* (экспрес.) ‘какое-либо ругательство, неприличное выражение’ [ФСРЯ 1978: 433], обозначающий и характеризующий грубое выражение, которое, как правило, вызывает неприятные чувства у адресата. Образное представление о манипулятивной функции брани передается фразеологизмами *братъ / взять горлом* – ‘добиваться чего-либо криком, руганью’ [ФСРЯ 1978: 45]; *наступать / наступить на горло / на глотку* – ‘принуждать, притеснять; заставлять поступать определенным образом’ [Там же].

Обсценные речевые жанры [См.: Жельвис 1997] в целом характеризуются как этически непозволительный способ достижения говорящим коммуникативного

результата.

Во вьетнамском языке обозначение и отрицательная характеристика крика, брани, ругани содержатся в семантике ряда фразеологизмов. Например: *gọi như hò đò* (досл. *кричать, как звать перевозную лодку*) – ‘долго громко звать в ожидании ответа’ [Nguyễn Lân 2013: 137]; *la làng la xóm* (досл. *кричать на все село, кричать на весь поселок*) – ‘громко кричать, орать, чтобы все слышали о своем возмущении, гневе’ [Там же: 166]; *chửi bóng chửi gió* (досл. *бранить тень, бранить ветер*) – ‘бранить кого-либо не прямо в лицо’ [Там же: 70]; *chửi như mất gà* (досл. *бранить, будто украли курицу*) – ‘долго и сильно бранить, ругать кого-либо, что-либо’ [Там же]. Взаимосвязанными оказываются крик и брань. Как и в русском языке, фразеологизмы данной подгруппы являются экспрессивами-интенсивами.

ТЕМАТИЧЕСКАЯ ПОДГРУППА «УСТАНОВКА НА ДРУГОГО». Выделяются фразеологизмы с семантически опорными компонентами *говорить, слово, словечко*.

Глагольные устойчивые сочетания: *говорить в пользу* – ‘производить, создавать благоприятное, выгодное впечатление о ком-либо, чем-либо’ [ФССРЛЯ 2004. Т. 1: 257]; *мягко говоря* – ‘говорится при желании не допускать резких слов, суждений, оценок и т. п.’ [ФСРЛЯ 2008: 134]; *замолвить словечко / слово* – ‘походатайствовать перед кем-либо, сказать что-либо в пользу кого-либо’ [ФСРЯ 1978: 168]; *помянуть / помянуть / вспоминать / вспомнить добрым словом* – ‘вспоминая, хорошо, с благодарностью отзываться, говорить, думать и т. п. о ком-либо или о чем-либо’ [ФСРЯ 1978: 340].

Уточнители глагольных идентификаторов *говорить, походатайствовать* (в пользу кого-либо, о ком-либо, о чем-либо) акцентируют речевое поведение говорящего, обнаруживающее его отношение к «другому» – партнеру по коммуникации или третьему лицу. Ср.: *закидать / закинуть слово / словечко / словцо* (устар.); *запускать / запустить слово / словечко / словцо* – ‘пользуясь случаем, в подходящий момент, кстати упоминать о ком-либо, намекать на что-либо’ [ФСРЯ 1978: 165]. Одобрительно воспринимаются человекоцентрические речевые жанры похвалы, просьбы (о нуждах другого), благодарности, поддержки,

солидарности. В то же время оценка позволительности просьбы о нуждах другого зависит от ситуации.

Подобные устойчивые единицы не фиксируются фразеологическими словарями вьетнамского языка. Последнее косвенно свидетельствует о том, что другоцентризм является национально-специфической коммуникативной ценностью русской лингвокультуры.

ТЕМАТИЧЕСКАЯ ПОДГРУППА «ВНИМАТЕЛЬНОЕ ВОСПРИЯТИЕ ЗВУЧАЩЕЙ РЕЧИ». Обозначение и характеристика внимательного восприятия звучащей речи содержатся в семантике фразеологизмов с компонентами *ухо, слух, слово, рот*.

– Фразеологизмы с семантически опорными компонентами *ухо, слух*: *обращаться / обратиться в слух; превращаться / превратиться в слух* – ‘внимательно слушать’ [ФСРЯ 1978: 352]; *приставить / приложить ухо; припасть / прижаться, наклониться ухом* – ‘приподнимать уши, ухо, повертывать их в сторону звука’ [Там же: 634]; *обоими ушами* – ‘очень внимательно, не упуская ничего (слушать)’ [Там же: 667]; *во все уши* – ‘очень внимательно, не пропуская ни одного слова (слушать)’ [Там же]; *растерять уши* (устар.) ‘слушать с большим вниманием, интересом, заслушаться’ [ФСРЯ 1978: 386]; *навострить / насторожить слух* – ‘приготовиться с напряженным вниманием и интересом слушать; прислушаться’ [ФСРЯ 1978: 260]; *стричь ушами* – ‘напряженно прислушиваться (испытывая страх, тревогу)’ [ФСРЛЯ 2008: 623].

Идентификаторы *слушать, прислушиваться, заслушаться, обращать внимание* указывают на концентрированность процесса восприятия речи, нацеленного на ее понимание. Уточнители *внимательно, очень внимательно, не упуская ничего, с большим вниманием, интересом, с любопытством, с увлечением* акцентируют погруженность коммуниканта в процесс восприятия речи.

В отдельных случаях внимание слушающего может восприниматься говорящим как излишнее любопытство: *развешивать / развесить уши* – ‘слушать что-либо с любопытством, с увлечением; заслушиваться’ [Там же: 193]; *распускать / распустить уши* (презр.) – ‘внимательно и долго слушать кого-либо,

проявляя излишнее любопытство к содержанию разговора' [ФСРЛЯ 2008: 533]. Помета «презр.» выделяет настороженное, чаще всего неодобрительное отношение к такому типу реакций коммуникантов. Аксиологически значимым оказывается соблюдение чувства меры, проявляющегося в знаках выражения внимания к звучащей речи коммуникативного партнера.

Разновидности внимательного слухового восприятия речи обозначают и характеризуют следующие устойчивые сочетания: *прослушать все уши* (экспрес.) – 'надеясь услышать что-либо, долго и напряжённо слушать' [ФСРЛЯ 2008: 507]; *ушки / уши на макушке* – 'кто-либо насторожен, очень внимателен, готов к чему-либо непредвиденному, неожиданному' [Там же: 668]; *ухо топориком* – 'кто-либо насторожился, прислушался' [Там же: 666]. Специально выделяется предсказуемость речевого взаимодействия (*надеясь услышать*) и внутренняя установка на непредсказуемость (*готов к чему-либо непредвиденному, неожиданному*).

– Фразеологизмы с компонентами *слово, рот*: *глотать чьи-либо слова / каждое слово* – 'очень внимательно, жадно слушать кого-либо' [ФССРЛЯ 2004. Т. 1: 250]; *разинуть рот* (экспрес.) – 'заслушиваться; сильно увлечься, слушая кого-либо' [ФСРЛЯ 2008: 526]; *с открытым ртом* (экспрес.) – 'очень внимательно, с огромным интересом слушать' [ФСРЛЯ 2008: 542]; *смотреть / глядеть в рот* (ирон.) – 'подобострастно или очень внимательно слушать кого-либо' [ФСРЛЯ 2008: 594]. *Подобострастная* манера слушания, т. е. 'раболепная, угодливо-покорная, льстивая' [ТСРЯ 2008: 670] воспринимается с недоверием, иронически. Последнее поддерживается картинной образностью: выражение глаз, взгляда, устремленного на ротовую полость «другого», а не в глаза.

Глубокое, внимательное восприятие звучащей речи в процессе диалогического общения обеспечивает взаимопонимание, способствует установлению обратной связи и продолжению контакта. «Коммуникативная роль» [Беликов 2001: 40–41] внимательного слушателя ярко отражается в зеркале фразеологии.

Во вьетнамском языке в значении 'внимательно слушать' употребляются

устойчивые сочетания с опорным семантическим центром *tai* (рус. *ухо*). Например: *lắng nghe / lắng tai nghe* – ‘сосредоточить возможности слуха для приема звучащего звука’ [Hoàng Phê 2003: 550], *đồng tai lên nghe* (досл. выпрямить ухо), *căng tai lên nghe* (досл. сосредоточить уши). Тематическая подгруппа таких единиц не находит необходимого отражения в современных фразеологических словарях вьетнамского языка.

ТЕМАТИЧЕСКАЯ ПОДГРУППА «НЕВНИМАТЕЛЬНОЕ ВОСПРИЯТИЕ ЗВУЧАЩЕЙ РЕЧИ». С помощью устойчивых единиц данной подгруппы характеризуются: а) игнорирование адресатом содержания звучащей речи; б) отсутствие желания слушать. Выделим ряды фразеологизмов, включающих семантически опорные компоненты.

А) Обозначение и характеристика игнорирования адресатом содержания звучащей речи передают фразеологизмы с семантически опорными компонентами *ухо, рот*.

– Фразеологизмы с опорным семантическим центром *ухо*: *краем / краешком уха слышать / слушать; одним ухом слышать / слушать* в значении ‘невнимательно, мельком, урывками слышать, слушать’ [ФССРЛЯ 2004. Т. 2: 633]; другие устойчивые единицы: *и (даже) ухом не вести / не повести* – ‘не обращать / не обратить внимания на сказанное, услышанное’ [ФССРЛЯ 2004. Т. 2: 634]; *в одно ухо вошло / входит, в другое вышло / выходит* – ‘о невнимательном, рассеянном восприятии речи’ [ФССРЛЯ 2004. Т. 2: 633]; *пропускать / пропустить мимо ушей* (ирон.) – ‘совершенно не реагировать на то, что говорится, на то, что сказано’ [ФСРЛЯ 2008: 506].

– Фразеологизмы с опорным семантическим центром *рот*: *раззявить рот* (пренебр.) – ‘быть крайне рассеянным, невнимательным’ [ФСРЛЯ 2008: 526]; *разевать / разинуть рот* во вторичном словарном значении ‘быть крайне рассеянным, невнимательным’ [ФСРЛЯ 2008: 526], т. е. быть невнимательным, воспринимать речь поверхностно. Идентификаторы *не обращать, не обратить внимания, не реагировать*; уточнители (слушать) *невнимательно, мельком, (слышать) урывками*, (о восприятии) *рассеянном* указывают на невнимательность

слушающего, которая в конкретной ситуации получает отрицательную, уничижительную оценку (помета «пренебр.») или воспринимается с иронией.

Не соответствующее коммуникативной конвенции поверхностное восприятие содержания звучащей речи ослабляет обратную связь, формирует неуважительное отношение к коммуникативному партнеру, препятствует продолжению общения в положительной тональности.

Б) Обозначение и характеристика причин отсутствия у адресата желания слушать говорящего содержатся в семантике фразеологизмов с опорным семантическим центром *ухо*: *уши вянут* (презр.) – ‘противно слушать что-либо предельно глупое, нелепое’ [ФСРЛЯ 2008: 668]; *уши пухнут* (экспрес.) – ‘кому-либо надоело выслушивать упреки, нарекания и т. п.’ [ФСРЛЯ 2008: 668]; *в одно ухо влетает, в другое вылетает* (неодобр.) – ‘по легкомыслию, непониманию кто-либо быстро забывает услышанное, воспринятое или не придаёт ему должного значения’ [ФСРЛЯ 2008: 78]; *прожужжать / прокричать / протрубить все уши* (пренебр.) – ‘надоест постоянными разговорами об одном и том же’ [ФСРЛЯ 2008: 503–504].

Идентификаторы *слушать, выслушивать, забывать услышанное, надоест разговорами*; уточнители *противно, по легкомыслию, непониманию* указывают на негативное отношение слушающего к содержанию разговора, характеризующегося отсутствием новизны (*об одном и том же*), нелепостью, глупостью, внедрением речевых жанров *упреков, нареканий*, наносящих адресату моральный ущерб, а также отдельными звуковыми особенностями речи (*прожужжать*). Выделяется отсутствие у слушателя необходимой интеллектуальной базы для понимания услышанного, несерьезное отношение к содержанию речевой партии коммуникативного партнера.

Фразеологизмы, составляющие описанную подгруппу, обозначают и характеризуют процесс восприятия речи и параллельно формируют образ адресата – участника речевого общения, оценивающего звучащую речь, но не вникающего в ее содержание, в отдельных случаях – по объективным причинам.

Буквальный перевод на вьетнамский язык приведенных фразеологизмов

анализируемой подгруппы невозможен. В то же время фразеологизм *bỏ ngoài tai* (досл. *пропускать / пропустить мимо ушей*) употребляется в значении ‘не обращать внимание на услышанное’ [Nguyễn Lân 2013: 36].

ТЕМАТИЧЕСКАЯ ПОДГРУППА «ВЗАИМОПОНИМАНИЕ, СОГЛАСИЕ».

Обозначение и характеристика взаимопонимания, согласия между коммуникантами содержатся в семантике фразеологизмов с компонентами *язык, голос, слово*.

– Фразеологизмы с опорным семантическим центром *язык*, обозначающие и характеризующие взаимопонимание, а также процесс его достижения: *общий язык* (экспрес.) – ‘полное взаимопонимание, полная согласованность в каких-либо действиях’ [ФСРЯ 1978: 540]; *находить / найти общий язык* (экспрес.) – ‘добиваться полного взаимопонимания’ [ФССРЛЯ 2004. Т. 1: 641]. Устойчивые единицы одобрительно характеризуют поиски обратной связи и наличие взаимопонимания между людьми, говорящими на одном (общем) языке. Взаимность, совместность (идентификаторы *находить / добиваться взаимопонимания, согласованности*) – условие кооперативного общения, исключающего конфликты, разногласия между участниками коммуникации. Из толкования следует, что достижение *полного взаимопонимания* требует усилий. Фразеологизмы *общий язык, находить / найти общий язык* воспринимаются как аксиологемы.

– Фразеологизмы с семантически опорными компонентами *голос, слово*, обозначающие и характеризующие единодушие: *в один голос* (экспрес.) – ‘одновременно, все вместе; единодушно’ [ФСРЛЯ 2008: 141]; *в голос* (устар.) во вторичном словарном значении ‘все вместе, одновременно (отвечать, спрашивать и т. п.)’ [Там же]; *в одно слово* (экспрес.) – ‘о словах или мыслях, которые сказаны или возникли одновременно у двух или нескольких лиц’ [ФСРЯ 1978: 432]; *с полуслова* (экспрес.) – ‘с намека, в самом начале высказывания (понимать кого-либо)’ [ФСРЛЯ 2008: 470].

Единодушие, согласие одобряются, осмысляются и как условия, и как результат кооперативного коммуникативного взаимодействия.

Во вьетнамском языке обозначение и характеристика взаимопонимания, согласия между коммуникантами содержатся, например, в семантике фразеологизма *bén hơi bén tiếng* – ‘о тех людях, которые хорошо понимают друг друга после долгого времени сожительства’ [Nguyễn Lân 2013: 33].

ТЕМАТИЧЕСКАЯ ПОДГРУППА «ОТСУТСТВИЕ ВЗАИМОПОНИМАНИЯ, СОГЛАСИЯ». С помощью единиц данной подгруппы номинируются и характеризуются: а) расхождения между участниками общения в восприятии сути разговора; б) неспособность адресата понять содержание речи адресанта; в) спор, ссора; г) неприязнь говорящего к адресату. Выделим ряды фразеологизмов, включающих семантически опорные компоненты.

А) Обозначение и характеристика расхождений между участниками общения в восприятии сути разговора передаются фразеологизмами с опорным семантическим центром *язык: говорить на разных языках* (неодобр.); *говорить разными языками* (устар.) – ‘говорить, понимая, воспринимая суть разговора по-разному; относясь к сути разговора по-разному’ [ФСРЯ 1978: 541]. Уточнители (говорить) *на разных языках, разными языками, по-разному* указывают на различия в восприятии предметной темы разговора. Помета «неодобр.» выделяет отрицательное отношение к отсутствию взаимопонимания между коммуникантами.

Б) Обозначение и характеристика неспособности адресата понять содержание речи адресанта передаются фразеологизмами с опорным семантическим центром *ухо: ни уха, ни рыла* (презр.) – ‘совершенно ничего не понимать, ни в чем не разбираться’ [ФССРЛЯ 2004. Т. 2: 283]; *хлопать ушами* (презр.) – ‘слушая, не понимать содержания услышанного’ [ФСРЛЯ 2008: 678]. Идентификаторы, сопровождающиеся отрицательной частицей (*не понимать, не разбираться*), обозначают неспособность слушающего осмыслить содержание сказанного, характеризуют интеллектуальную ущербность адресата. Уточнители *совершенно ничего, ни в чем* указывают на полное отсутствие понимания информационной составляющей речи. Отмеченные единицы могут быть также отнесены к тематической подгруппе «Невнимательное восприятие речи».

К данному ряду примыкают фразеологизмы *глух на одно / правое / левое ухо; глух на оба уха* – толкование отсутствует [ФССРЛЯ 2004. Т. 2: 633]; *ухо (уши) заложило / завалило* – ‘кто-либо плохо слышит из-за болезненного ощущения тяжести в ушах’ [Там же]; *тугой / крепкий / тупой на ухо* – ‘плохо слышит, глуховат’ [Там же]. Характеризуется плохо слышащий (тугоухий) человек, а также человек, который временно, по причине болезни, не может полностью воспринять содержание звучащей речи. Такие дефекты препятствуют эффективной речевой коммуникации.

Процесс восприятия речи, по данным фразеологии, характеризуется как полноценный, обеспечивающий взаимопонимание коммуникантов, и неполноценный, осложненный не только неконвенциональным поведением коммуникативных партнеров, но и фактором хронической или временной глухоты, т. е. ‘отсутствием или недостатком слуха’ [ТСРЯ 2008: 155].

Отсутствие взаимопонимания разрушает кооперативное общение и в целом оценивается отрицательно. Наблюдается презрительное отношение к слушающему, не желающему приложить усилия для осмысления содержания услышанного.

В) Обозначение и характеристика неконвенционального спора, ссоры содержатся в семантике единичных фразеологизмов с семантически опорными компонентами *зуб, рот*.

Фразеологизм *зуб за зуб* (экспрес.) в значении ‘не уступая другому в перебранке, ссоре и т. п.’ [ФССРЛЯ 2004. Т. 1: 447] характеризует непримиримый конфликтный диалог-спор, который превращается в перебранку, т. к. говорящие не хотят слышать и понимать друг друга. Наблюдается пересечение с подгруппой «Крик, брань»: *перебранка* – ‘ссора, сопровождающаяся бранью’ [ТСРЯ 2008: 623].

Фразеологизм *с пеной у рта* (*доказывать / спорить / говорить* и т. д.) – ‘в сильном гневе, с яростью; в крайнем возбуждении, предельно взволнованно, горячо и страстно доказывать, спорить, утверждать’ [ФСРЛЯ 2008: 432] характеризует ролевую позицию спорщика, рьяно отстаивающего свою правоту, готового быстро ответить на неудобный вопрос, не выбирая для ответа форм вежливости.

К данному ряду может быть отнесен фразеологизм *на полуслове / полслове* – ‘в самом начале или в середине рассказа, речи, разговора и т. п. (прерывать, обрывать и или останавливаться, замолкать)’ [ФСРЯ 1978: 339]. Семантика устойчивой единицы формирует представление о нежелательном речевом действии, направленном на прерывание собственной речи, а также речевой партии коммуникативного партнера, лишение его возможности договорить, высказать мысль. Последнее характерно для неконвенционального речевого взаимодействия.

Г) Обозначение и характеристика личной неприязни говорящего к адресату, обуславливающей отсутствие взаимопонимания, содержатся в семантике фразеологизмов с компонентом *зуб*: *иметь / есть зуб* (на кого-либо, против кого-либо) – ‘испытывать неприязнь к кому-либо за что-либо, желание причинить вред, отомстить’ [ФСРЯ 1978: 185]; *точить / вострить / острить зубы* (предосуд.) в первичном словарном значении ‘испытывать чувство злобы против кого-либо или чего-либо, желая причинить вред’ [ФСРЛЯ 2008: 642].

Идентификатор *испытывать* и его уточнители *неприязнь, чувство злобы, желание причинить вред, отомстить* акцентируют демонстративную нетолерантность коммуниканта, недоброжелательное отношение к «другому». Обращает на себя внимание помета «предосуд.», передающая не только особую стилистическую окраску устойчивой единицы, но и коллективное неприятие, осуждение вербальных проявлений злобы, недоброжелательности, мстительности. Семантика фразеологизмов включает ассоциативно наведенную потенциальную сему ‘речь’: отрицательные эмоции вербализуются, проявляются в речевом общении. Именно поэтому мы сочли возможным включить отмеченные единицы в анализируемую тематическую подгруппу. Ср. «жестовые фразеологизмы»: *показывать / показать язык; показывать / показать зубы*. Неприязненное отношение к коммуникативному партнеру выражается не только вербальными, но и невербальными средствами.

В зеркале фразеологии отражаются грани неконвенционального конфликтного речевого поведения [См.: Третьякова 2009], позволяющие охарактеризовать коммуникативные роли, установить эмоционально-

психологическое состояние спорщика, его отношение к адресату.

Во вьетнамском языке обозначение и характеристика отсутствия взаимопонимания, согласия передаются зафиксированными словарями фразеологизмами. Например: *chín người mười ý* (досл. *девять человек, десять мнений*) – ‘имеются разные мнения, невозможно согласие’ [Nguyễn Lân 2013: 62]; *kẻ nói đi, người nói lại* (досл. *один говорит туда, другой – обратно*) – ‘имеются противоположные мнения’ [Там же: 152]; *cãi nhau như mổ bò* (досл. *ссориться, как рассекать корову*) – ‘слишком громко ссориться’ [Там же: 44].

Завершим проведенный классификационный анализ таблицей 1, в которой представлены описанные тематически определенные подгруппы фразеологических единиц. При подсчете количества единиц в отдельных подгруппах учитывается фактор многозначности.

Говорение (24 ФЕ)	Невербальные знаки коммуникации (12 ФЕ)
Красноречие (28 ФЕ)	↔ Косноязычие (28 ФЕ)
Молчание, коммуникативная сдержанность (43 ФЕ)	↔ Болтовня, коммуникативная несдержанность, пустословие (36 ФЕ)
Установка на другого (6 ФЕ)	Сплетня, слухи (25 ФЕ)
Прямолинейность, откровенность (7 ФЕ)	↔ Ложь, обман (7 ФЕ)
Обещание, клятва (12 ФЕ)	Крик, брань (21 ФЕ)
Внимательное восприятие звучащей речи (18 ФЕ)	↔ Невнимательное восприятие звучащей речи (11 ФЕ)
Взаимопонимание, согласие (6 ФЕ)	↔ Отсутствие взаимопонимания, согласия (13 ФЕ)

Таблица 1 – Тематическая группа «Речь и речевое общение»

Проведенный анализ показал, что денотативная семантика фразеологизмов, составляющих анализируемую тематическую группу, связана со звучащей устной речью, включенной в коммуникативное взаимодействие. Лишь отдельные фразеологизмы номинируют и характеризуют не только устную, но и письменную речь, а в их толкованиях имеется идентификатор *писать*.

Чтобы составить общее представление об отражении в языковой картине мира речи письменной, мы извлекли из фразеологических словарей устойчивые сочетания с компонентом *писать*. Из 6 зафиксированных словарями единиц с глаголом *писать* лишь одна может стать объектом нашего анализа: *писать, как курица лапой* (пренебр.) – ‘писать небрежно, неразборчиво; так, что нельзя понять’ [ФСРЛЯ 2008: 316]. Идентификатор *писать* прямо указывает на процесс создания произведения письменной речи. Уточнители *небрежно, неразборчиво, так, что нельзя понять*, позволяющие составить представление о том, что неряшливость, сопровождающая этот процесс, создает сложность восприятия написанного адресатом – читающим. Аксиологически значимой является интерпретация письменной речи в проекции на коммуникативный результат (в данном случае – отрицательный).

Выборки из словарей устойчивых сочетаний с компонентами *рука, ручка, перо* обнаружили, что письменную речь номинируют фразеологизмы с опорным семантическим центром *перо*. Отметим, что лексема *перо* употребляется в переносном значении ‘о писательском труде, стиле’ [ТСРЯ 2008: 638]. Помета «устар.» в словарях отсутствует. С помощью фразеологизмов с опорным семантическим центром *перо* обозначаются и характеризуются письменная речь как процесс, результат этого процесса, а также автор созданного текста. Выделим ряды устойчивых сочетаний.

– Обозначение и характеристика процесса создания текста: *ложиться под перо* – ‘излагаться письменно (о выражении своих мыслей)’ [ФСРЯ 1978: 318]. Идентификатор *излагаться письменно* обозначает длительный процесс, связанный с написанием текста.

Особо выделяется первый этап процесса: *садиться / сесть за перо* – ‘начинать

писать, обычно о литературном труде' [ФСРЛЯ 2008: 553]; *брать / взять перо* – 'начинать писать литературное произведение' [ФСРЛЯ 2008: 43]; *браться / взяться за перо* – 'начинать писать о чем-либо; начинать литературную деятельность' [ФСРЛЯ 2008: 43]. Идентификатор *начинать писать* указывает на начало процесса создания письменного текста. Уточнители *литературное произведение, литературную деятельность, о литературном труде* позволяют трактовать этот процесс как творческий, связанный преимущественно с созданием текста как 'произведения письменности, имеющего общественное, познавательное значение' [ТСРЯ 2008: 410] и начальным периодом литературной деятельности, освоением словесной формы искусства, т. е. 'совокупности художественных произведений (поэзия, проза, драма)' [Там же]. Попытку личного включения в процессе литературной деятельности, ее начало обозначает также устойчивое неделимое сочетание *проба пера* – 'первый литературный опыт' [ФСРЛЯ 2008: 499]. Ср. антоним: *бросать / бросить перо* (устар.) – 'прекращать литературную деятельность' [ФСРЛЯ 2008: 48]. Идентификатор *прекращать* указывает на завершение творческого литературного процесса.

К данному ряду может быть отнесен фразеологизм *срываться / сорваться с пера* – 'быть написанным кем-либо случайно, неожиданно, произвольно' [ФСРЛЯ 2008: 609]. Уточнители (быть написанным) *случайно, неожиданно, произвольно* указывают на экспромт, отсутствие выношенного замысла. Ср.: *срываться / сорваться с языка*.

– Непосредственное обозначение результата процесса создания письменного текста: *под пером* – 'о чем-либо сочиненном, написанном кем-либо' [ФСРЯ 1978: 318]. Идентификатор *о чем-либо, уточнители сочиненном, написанном* указывает на 'литературное произведение; какой-нибудь текст' [ТСРЯ 2008: 924].

– Обозначение и характеристика включенного в творческий процесс автора письменной речи содержатся в семантике ряда фразеологизмов: *принадлежать перу* – 'быть написанным кем-либо' [ФСРЛЯ 2008: 494]; *выйти / выходить из-под пера* – 'быть написанным кем-либо. О художественном произведении' [ФСРЛЯ 2008: 109]. Идентификатор *быть написанным* выделяет завершающую стадию

творческого процесса. На автора-сочинителя указывает уточнитель *кем-либо*. Характеризуют творческие способности автора, его дарование сочетание *бойкое перо* (одобр.) – ‘кто-либо с легкостью пишет, сочиняет, излагает свои мысли’ [ФСРЯ 1978: 317–318]; а также фразеологизм-аксиологема *владеть пером*, т. е. ‘обладать способностью писать выразительно, искусно, уметь свободно излагать свои мысли’ [ФСРЯ 1978: 71].

Особо выделяется фразеологизм *братья по перу* – ‘писатели по отношению друг к другу’ [ФСРЛЯ 2008: 46]. Идентификатор *писатели* прямо номинирует лингвокультурный типаж – ‘человек, который занимается литературным трудом, пишет художественные литературные произведения’ [ТСРЯ 2008: 645]. Компонент *братья* в составе устойчивого сочетания указывает на отношения между авторами художественных произведений, ‘близкими друг к другу по духу, по деятельности’ [ТСРЯ 2008: 59]. Отметим, что существительные *писатель*, *литератор* находятся в пределах одного синонимического ряда. Другие его члены: *пишущая братия*, *мастер слова*, *мастер пера*, *поэт* [Александрова 2001: 195; 329]. Ср.: *разбойники пера* (презр.) – ‘о продажных, беспринципных журналистах, писателях’ [ФСРЛЯ 2008: 522]. Идентификаторы (о) *журналистах*, *писателях* указывают на авторов публицистических и художественных текстов. Уточнители (о) *продажных*, *беспринципных* акцентируют отрицательные, непозволительные качества пишущего. Фразеологизм выделяет особый типаж пишущего. Это безнравственный писака, не заслуживающий того, чтобы его называли настоящим писателем.

Таким образом, в семантике выделенных для специального анализа фразеологизмов отражается процесс производства письменного текста. В русской языковой картине мира закреплено представление о творческом процессе создания литературно-художественного произведения. Характеризуется как сам процесс, так и его результат, ориентированный на читателя. Конкретизируется лингвокультурный типаж человека пишущего – автора художественного текста, литератора, писателя, деятельность которого одобряется. Презрительно характеризуются безнравственные, бездарные писаки.

Во вьетнамском языке обозначение и характеристика текста, написанного от руки, передаются устойчивыми единицами: *chữ như của bò sàng* (досл. *писать, как ползает краб*) – ‘о слишком плохом почерке’ [Nguyễn Lân 2013: 68]; *chữ / viết như gà bới* (досл. *писать, как курица лапой*) – ‘писать небрежно, неразборчиво’ [Там же: 339]. Лингвокультурный типаж человека пишущего – литератора – в семантике фразеологизмов вьетнамского языка не закреплён. Последнее косвенно свидетельствует о ментальном своеобразии лингвокультурного типажа, выявленного по данным русской фразеологии.

2.2. Аксиологические константы речевой коммуникации по данным фразеологии

В зеркале фразеологии речевая коммуникация отражается как двусторонний процесс. Детально характеризуется процесс говорения и слушания (шире – производства и восприятия речи). Речевое поведение и речевые партии коммуникантов включены в ситуации общения.

Исследователи отмечают, что коммуникативная категория «общение» представлена в русской языковой картине мира как базовая ценность, имеющая «духовную значимость» [Стернин 2002: 11]. Речевая коммуникация, особенно устная, – двунаправленный процесс, каждый из участников которого становится то говорящим (адресантом), то слушающим (адресатом). «Эффективной может быть только продуктивная коммуникация, в процессе и в результате которой все ее участники смогли достичь взаимопонимания, если не полного, то хотя бы достаточного для реализации тех коммуникативных целей, которые поставил инициатор коммуникации, адресант» [Кормилицина 2019: 6]. Эффективность речевого общения во многом определяется тем, как поняли друг друга его участники, как отреагировали на слова и поведение собеседника, какими речевыми действиями поддержали механизм обратной связи.

Эти наблюдения подтверждаются на материале анализа тематической

группы фразеологизмов «Речь и речевое общение». Семантика устойчивых единиц отражает взгляды русского народа на нормы речевого поведения, принципы организации кооперативной коммуникации, причины речевых конфликтов и позволяет выделить аксиологические константы русской речевой коммуникации [См.: Дао Динь Тхао 2015: 81–93; 2018], сформулировать наведенные аксиологическим содержанием устойчивых единиц имплицитные установки и суждения.

Общие принципы кооперативной речевой коммуникации отражаются в семантике 5 из 16 описанных тематических подгрупп фразеологизмов: «Установка на другого»; «Внимательное восприятие звучащей речи»; «Взаимопонимание, согласие»; «Прямолинейность, откровенность»; а также «Молчание, коммуникативная сдержанность». Кооперативное общение выделяется как базовая ценность национальной лингвокультуры.

Представим в общем виде содержащиеся в семантике фразеологизмов имплицитные суждения, установки, коммуникативные запреты, предостережения, обеспечивающие эффективность коммуникации, или же, напротив, связанные с возможными нарушениями коммуникативного сотрудничества.

ПРИНЦИП ДРУГОЦЕНТРИЗМА. Одобрительно воспринимаются речевые жанры, аксиологическое содержание которых связано с установками на адресата или третье лицо, не участвующее в речевом общении. Это жанры похвалы, просьбы (о нуждах другого), благодарности, поддержки, солидарности (аксиологема *вспомнить добрым словом*; сочетание *говорить в пользу* и др.). Одобряется способствующая коммуникативной кооперации вербализация в устной речи базовых ценностей солидарности, моральной поддержки, благодарности. Прослеживается взаимодействие норм этики и речевой коммуникации. Другоцентризм обеспечивает «субъектно-субъектное» кооперативное речевое общение.

ПРИНЦИП КОММУНИКАТИВНОЙ СДЕРЖАННОСТИ, ЭМОЦИОНАЛЬНОГО САМОКОНТРОЛЯ. Одобрительно оценивается проявление коммуникативной сдержанности, обдуманности речи (сочетания

держат язык за зубами; не говоря дурного слова; без лишних разговоров и др.). Фразеологическая семантика позволяет сформулировать суждения: Осторожность и сдержанность полезны; Лучше воздержаться от высказывания, чем вызвать гнев, недовольство собеседника неосторожной, неуместной репликой. Константа кооперативного речевого взаимодействия – обратная связь, которая поддерживается самоконтролем, эмоциональной сдержанностью.

ПРИНЦИП ВДУМЧИВОГО ВОСПРИЯТИЯ УСТНОЙ РЕЧИ. Для установления обратной связи в кооперативной речевой коммуникации важно внимание к собеседнику: необходимо понимать как значения звучащих слов, так и их эмоционально-смысловое наполнение, скрытое за невербальными знаками (мимика, жесты, движения). Ценятся умение слушать, слышать и понимать коммуникативного партнера (устойчивые сочетания *наклониться ухом; во все уши; глотать каждое слово* и др.). Одобряемое умение слышать и слушать непосредственно связано с результатом коммуникации. Аналитическое восприятие речевой партии говорящего – условие формирования обратной связи, основанной на взаимопонимании.

ПРИНЦИП ВЗАИМОПОНИМАНИЯ, СОГЛАСИЯ. Положительно оцениваются поиски гармонии – желание коммуникантов понять друг друга (сочетания *найти общий язык; общий язык; в один голос* и др.). Прослеживаются имплицитные суждения: Участники речевого общения должны искать способы, которые обеспечивают взаимопонимание; Только люди, говорящие на одном (общем) языке, понимают друг друга; Родной язык сближает; Чтобы понять иностранца, инофону нужно знать его язык и говорить на его языке [См.: Гаспаров 2014: 14–41]. Коммуникативные установки, обеспечивающие эффективное общение: Ищи средства и способы взаимопонимания; Ищи общий язык; Говори ясно, понятно; Если тебя не понимают, объясни, что именно ты хотел сказать. Аксиологема *общий язык* номинирует базовую коммуникативную ценность.

ПРИНЦИП ИСКРЕННОСТИ. В национальном сознании «представление о

гармоничной коммуникации связано с общими этическими установками языкового коллектива. Важную роль играет представление о правде и истинности, а также об открытости, прямоте говорящего» [Балашова 2003: 105]. Одобряются правдивая, откровенная, искренняя речь (сочетание *сказать прямо в лицо* и др.). Степень прямоты, открытости звучащей речи связана со степенью ее громкости, отчетливости (Ср.: *во весь голос* и *на ухо говорить*). Из семантики фразеологизмов следует, что одобряется речевое поведение, лишенное завуалированности. «Наиболее достойной и этичной формой коммуникации признается прямая коммуникация, которая часто неотделима от правдивой информации» [Дементьев 2013: 199].

Как показывают специальные исследования, ментальное своеобразие кооперативного общения – искреннего, правдивого, эмоционально насыщенного – передается аксиологическим содержанием устойчивых единиц с компонентом *душа*. Гармоничной формой общения признается разговор по душам, «когда каждый не только и не столько сообщает правдивую или полезную информацию, сколько открывает свою душу, сердце, то есть говорит о самом сокровенном прямо и открыто» [Балашова 2003: 106]. Закономерно, что в словаре под редакцией А. Н. Тихонова отмечено более 100 фразеологических единиц с компонентом *душа* [ФССРЛЯ 2004. Т. 1: 364–368]. Последнее свидетельствует о неразрывной связи искренности говорящего с его внутренним миром, эмоционально-психологическими переживаниями. Душа – аксиологема, ключевой концепт русской ментальности [Колесов 2014. Т. 1: 237–240]. Душевность общения предполагает реализацию принципа сопереживания, сочувствия. Правдивость, искренность, открытость, душевность – базовые ценности, поддерживающие кооперативное речевое взаимодействие.

Семантика значительного массива русских фразеологизмов позволяет составить представление о неприятии национальной лингвокультурой речевого поведения, способствующего нарушению конвенций, лежащих в основе кооперативной коммуникации. Проведенный анализ позволяет выделить источники нарушения коммуникативных конвенций.

КОММУНИКАТИВНЫЙ ЭГОЦЕНТРИЗМ. В психологии эгоцентризм трактуется как «неспособность индивида, сосредоточиваясь на собственных интересах, изменить исходную познавательную позицию по отношению к некоему объекту, мнению или представлению даже при наличии противоречащей его опыту информации» [СПП 2001: 774]. Коммуникативный эгоцентризм «наблюдается при передаче субъектом информации другим людям, заключается в пренебрежении различиями тезаурусов, смыслового наполнения понятий и пр.» [Там же] и устанавливается при нарушении одним из участников общения коммуникативных обязанностей и коммуникативных прав собеседника. В частности, нарушение говорящим «максимы количества» [Грайс 1985: 223], связанной с объемом информации, необходимым для ее передачи и понимания проявляется в болтовне. В русской лингвокультуре болтовня, противоречащая принципу другоцентризма, понимается как «пустые бессодержательные разговоры, не претендующие на глубину, серьезность и значительность» [Колесов 2014. Т. 1: 58].

В национальной картине мира отрицательная аксиологическая маркированность сопровождает коммуникативную несдержанность, пустословие, неуважительное отношение говорящего к коммуникативному партнеру, вынужденному слушать болтуна, неумение хранить секреты, тайны (сочетания типа *болтать языком* (неодобр.); *распускать язык* (презр.) и др.). На основе семантики устойчивых единиц подгруппы «Болтовня, пустословие, коммуникативная несдержанность» можно сформулировать имплицитные суждения: Болтовня – пустая трата времени; Болтовня неконструктивна; Пустые разговоры бессодержательны и бесполезны; Болтливость к добру не приведет. Большая часть имплицитных коммуникативных установок имеет характер запретов: Не болтай / Меньше болтай; Не разглашай конфиденциальную информацию; Не говори лишнего; Не злоупотребляй говорением. Имплицитно представлены установки-предостережения: Помни: есть обстоятельства, которые заставят тебя стать разговорчивым поневоле; Помни: болтливость опасна.

Одобряются проявления персонализма. Имплицитное суждение: Каждый человек имеет право на собственное мнение (аксиологема *право голоса*). Установка, поддерживаемая аксиологемой *поднять голос*: Смело говори, о чем думаешь.

Отраженные в семантике фразеологизмов общенациональные ценностные предпочтения исключают намеренное распространение сплетен, слухов; неконструктивное, недоброжелательное, подчас злобное обсуждение предмета сплетни (сочетания *чесать / почесать языки / языками* (неодобр.); *клепать языком* (презр.) и др.). Указанные словарные пометы подтверждают объективность лингвокультурологического комментария, в соответствии с которым язык «в окультуренном осознании мира способен причинить человеку зло, навести на него поклеп, очернить его и т. п.» [БФСРЯ 2009: 727]. С аксиологической точки зрения, речь оценивается отрицательно, если она наносит вред «другому». Семантика устойчивых единиц передает имплицитные суждения: Все тайное становится явным; Пересуды, сплетни распространяются стихийно. Коммуникативная установка: Веди себя так, чтобы о тебе не судачили. Запрет: Не сплетничай.

В зеркале фразеологии сплетня и болтовня взаимосвязаны. Сплетня – распространение слуха о ком-либо, чем-либо, основанное, как правило, на неточных или заведомо неверных, ложных сведениях. Болтовня нередко превращается в досужие обсуждения сплетен – пересуды. Как болтовня, так и сплетня исключаются из системы базовых коммуникативных ценностей. В то же время болтовня получает менее категорическую отрицательную оценку.

РЕЧЕВАЯ АГРЕССИЯ. Фразеологическая семантика позволяет охарактеризовать проявления прямой вербальной агрессии, выступающей как «результат коммуникативного акта, иллокуция которого содержит открытую, очевидную враждебность» [Седов 2005: 33; ср.: Третьякова 2013]. Осуждается употребление говорящим оскорбительных, бранных слов (сочетания *распускать горло; распускать губы* (презр.); *режет слух* (неодобр.) и др.). Имплицитные суждения: Повышение громкости голоса связано с напряженным

внутренним состоянием говорящего; Бранные слова, ругань вызывают отрицательные реакции адресата. Коммуникативные запреты: Не произноси грубые слова; Не кричи. Установка-предостережение: Помни: речь не должна содержать брани. Установки, способствующие развитию бесконфликтной речевой коммуникации: Думай о возможных последствиях крика, брани; Регулируй, контролируй эмоции; Сдерживай себя.

Характерно, что коммуникативные антиценности крик, брань, ругань в языковой картине мира соединяются: обычно бранные слова и выражения произносятся громко, с раздражением. Специально отметим, что О. А. Михайлова, рассматривая типовые сочетания с глаголом *кричать* в системе речевых актов, характеризует «сопутствующие эмоции (восторг, радость, угроза, возмущение, досада), а также коммуникативное бессилие, т. е. человек кричит, когда он не может убедить, не может быть понятым» [Михайлова 2015: 100–102]. Крик чаще всего, но не всегда является выражением отрицательных эмоций. Исследованные фразеологические единицы не дают возможности выделить передаваемые криком положительные эмоции. Характеризуется деструктивная функция крика, в частности, обнаруживающего коммуникативное бессилие вербальной агрессии.

Речевая агрессия проявляется в стремлении говорящего к коммуникативному превосходству (*зажимать рот; затыкать горло; замазывать рот* и др.). С аксиологической точки зрения, значимость приобретает передаваемое фразеологизмами образное представление о непозволительности ситуации «субъектно-объектного» диалогического взаимодействия, основанного на коммуникативном превосходстве и манипуляции сознанием адресата. Как антиценность воспринимается коммуникативное давление. Кооперативность коммуникации нарушает как принуждение к молчанию, так и принуждение к говорению.

НЕВКЛЮЧЕННОСТЬ В ДИАЛОГИЧЕСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ, КОММУНИКАТИВНАЯ РАССЕЯННОСТЬ, КОММУНИКАТИВНОЕ И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЕ РАВНОДУШИЕ. Коммуникативную конвенцию

нарушает свидетельствующее об отсутствии интереса к говорящему и содержанию передаваемой им информации поверхностное восприятие звучащей речи (сочетания *краем уха слушать, пропустить мимо ушей* и др.). Не одобряется интеллектуальная ущербность – неспособность понимать адресата (*ни уха, ни рыла*), а также проявление излишнего любопытства к содержанию разговора (сочетания *развешивать уши; распускать уши* и др.). Неумение и нежелание слушать и слышать собеседника препятствует эффективности межличностного общения [См.: Эффективность коммуникации... 2019: 31–109]. Имплиcitная установка и предостережение: Слушай собеседника внимательно, иначе попадешь впросак. За границы конвенций кооперативного общения выходит подобострастная манера слушания (*смотреть в рот*).

ОТСУТСТВИЕ ВЗАИМОПОНИМАНИЯ, СОГЛАСИЯ. Фразеологическая семантика позволяет констатировать сам факт разрушения кооперативного речевого взаимодействия (*говорить на разных языках*). Типичные причины – речевой конфликт (*зуб за зуб*), вербальное и невербальное выражение неприязненного отношения к адресату (сочетания *точить зубы* (предосуд.); *показывать язык; показывать зубы* и др.). Имплиcitное суждение: Речевое общение должно быть доброжелательным, а не субъектно-объектным. Коммуникативные запреты: Избегай упреков; Воздерживайся от проявлений недружелюбия; Стремись понять собеседника.

ЛЖИВОСТЬ. Носителями русского языка и культуры не принимается ряд антиценностей: ложь, обман, клевета, манипуляция (сочетания *вешать лапшу на уши* (предосуд.); *бабушкины сказки* (пренебр.); *заговаривать зубы* и др.). Осуждаются, порицаются, не встречают снисхождения ложь и злобная клевета. Аксиологическая маркированность («предосуд.») является основой коммуникативного прогнозирования. Имплиcitное суждение: Ложь, обман к добру не приведут. Запрет: Не лги.

С осторожностью воспринимается тактика намеренного сокрытия информации, за которой, по предположению адресата, может скрываться

неискренность и ложь (сочетания *заговор молчания*; *обходить молчанием* и др.).

Таким образом, семантика устойчивых единиц позволяет выявить аксиологические константы кооперативной речевой коммуникации и описать в общем виде нарушения сложившейся коммуникативной конвенции.

По данным фразеологии выделяется красноречие – особая эстетическая ценность национальной лингвокультуры. Умение доступно, ярко донести информацию до адресата признается одним из главных достоинств речи говорящего, а также пишущего (сочетание *владеть словом / даром слова* (одобр.) и др.). Красноречие предполагает соблюдение говорящим / пишущим коммуникативных качеств речи. Их реализация обеспечивает эффективность, результативность, воздейственность произведения речи. Аксиологически маркированными оказываются ясность речи (сочетание *говорить русским языком*); краткость речи (*без дальних разговоров*); точность речи (*до слова; слово в слово*). Особо выделяется меткость и благозвучие речи (*иметь язык* (одобр.); *язык хорошо привешен* и др.). Имплицитные суждения: Красноречие прекрасно; Подлинное красноречие оказывает положительное воздействие на адресата, доставляет слушающему эстетическое удовольствие; Красноречие всегда обращает на себя внимание. Имплицитные риторические установки, обеспечивающие положительный коммуникативный результат: Речь должна быть ясной, точной, логичной; Сделай свою речь понятной, доступно изложи тему речи; Стремись к лаконизму; Подбирай яркие, красивые, выразительные слова; Будь находчивым: оперативно следи за реакцией адресата; Используй риторическое дарование для блага, добра; Упражняйся, учись легко произносить объективно сложные для произношения звуки и слова. Аксиологемами являются устойчивые сочетания с опорным семантическим центром слово: *дар слова, живое слово, владеть словом* (синоним – *владеть языком*).

Аксиологически значимым является транслируемое семантикой фразеологизмов отношение к речи как эстетическому явлению. Свободная,

благозвучная, выразительная, остроумная речь доставляет эстетическое наслаждение.

Противоречащее красноречию косноязычие, т. е. 'невнятное, неправильное произношение, расстройство речи' [ТСРЯ 2008: 371], воспринимается как антиценность, препятствующая эффективности общения. Неодобрительное с иронией воспринимается неспособность человека говорить ясно, красиво, гладко, а также отступления от принятых норм, невнятное произношение (сочетания *портить / коверкать язык; ломать язык* (неодобр.); *глотать слова* и др.). Фразеологическая семантика передает имплицитное суждение: Красноречие – это дар, но можно научиться быть красноречивым. Коммуникативные запреты и установки: Не искажай звуковой облик слова и высказывания; Знай: если от природы ты лишен дара красноречия, тренируйся, учись говорить свободно и красиво. Установки, обеспечивающие эффективную коммуникацию: Говори правильно; Тренируй артикуляцию; Учись произносить трудные слова.

Правильное фонетическое оформление речи оказывается связанным не только с риторическим дарованием говорящего, но и с его эмоциональным состоянием, которое следует контролировать. Отсутствие самоконтроля приводит также к непозволительным нарушениям этической и стилистической уместности речи (*дернуть за язык; как язык поворачивается* и др.).

В зеркале языка отражается неразрывная связь речи и мысли, определяющая эффективность коммуникации. Отсутствие такой координации, нарушения логичности речи, необдуманность речи оцениваются отрицательно (*притягивать за уши; не суметь связать двух слов* и др.). В то же время эмоции могут захлестнуть мысль, лишить речь связности, привести к коммуникативным неудачам. Имплицитные суждения: Речь и мысль связаны воедино; В процессе общения могут возникнуть негативные эмоции, препятствующие четкому выражению мысли; Чтобы речь была связной, непротиворечивой, необходимо контролировать собственное эмоциональное состояние; Необдуманность, случайно

произнесенное слово приводят к коммуникативным неудачам. Коммуникативный запрет: Не говори, не подумав о последствиях сказанного. Установки-предостережения: Помни: не всякую мысль, не всякое чувство следует облекать в слово; Помни: эмоции могут затруднить выражение мысли. Установки, обеспечивающие эффективную коммуникацию: Регулируй, контролируй эмоции; Прежде, чем говорить, подумай о возможных последствиях.

Неодобрительное, а также ироническое отношение вызывает неспособность говорящего к коммуникативному риску (*язык не поворачивается; слова не идут на язык* (экспрес.) и др.), а также коммуникативная робость (*проглотить слова; слова не вытянешь* и др.) [См.: Рискогенность... 2015]. Коммуникативные запреты: Нельзя полностью отдавать собеседнику речевую инициативу; Не молчи: длительная пауза ставит тебя в неловкое положение. Установки-предостережения: Помни: сильное волнение затрудняет речь и даже лишает способности говорить. Помни: мысль и чувство можно и нужно выразить словами. ИмPLICITная установка, обеспечивающая эффективную коммуникацию: Держи в памяти то, о чем ты намеревался говорить; Преодолевай волнение энергией слова.

Таким образом, в зеркале русской фразеологии отражается ценностное отношение народа к речи и речевой коммуникации. «Субъектно-субъектное» кооперативное общение – базовая ценность русской лингвокультуры.

2.3. Лингвокультурные типажи

В качестве теоретического основания для моделирования лингвокультурного типажа В. И Карасик выделяет следующие критерии: 1) «лингвокультурный типаж представляет собой узнаваемый обобщенный тип личности»; 2) «типаж является разновидностью концептов – сложных ментальных образований, в составе которых можно выделить понятийные, образные и ценностные признаки»; 3)

«лингвокультурный типаж имеет имя, которое служит основным способом апелляции к соответствующему типу»; 4) «выделяются разновидности лингвокультурных типов: типы реальные и фикциональные, этнокультурные и социокультурные, современные и исторические» [Карасик 2010: 179]. Представляется, что эти критерии позволяют говорить о возможности выделения реальных типов.

Фразеологизмы, характеризующие «коммуникативную личность» [Карасик 2002: 429], а именно привычки и склонности говорящего, особенности речевой деятельности, манеры речевого поведения дают возможность выделить штрихи к речевым портретам отдельных лингвокультурных типов. Предварительная интерпретация аксиологически значимых представлений о лингвокультурных типах молчуна, болтуна представлена в научной статье [Дао Динь Тхао 2019а].

Молчун – человек эмоциональный, сдержанный, скрытный, осторожный, некоммуникабельный, застенчивый.

Болтун – пустослов, любящий много говорить, не контролирующий свою речь, несдержанный, нетерпеливый, нарушающий этическую уместность речи.

Сплетник – человек злобный, язвительный, злопамятный, распускающий и охотно подхватывающий слухи, распространяющий не всегда достоверную информацию, склонный к праздным разговорам, пересудам – воспринимается резко отрицательно. Речевые поступки сплетника безоговорочно осуждаются.

Косноязычный человек – говорящий, не способный красиво, ясно, логично, внятно, свободно говорить, искажающий звуки и слова.

Красноречивый человек – говорящий / пишущий, наделенный природным риторическим даром, обладающий логическим мышлением, коммуникативной находчивостью, владеющий словом.

Остролов – говорящий, склонный к иронии, сарказму, употреблению метких слов и выражений.

Лжец – наглый вран, манипулятор, стремящийся ввести собеседника в заблуждение, скрыть истину.

Правдолюб – человек искренний, прямолинейный в суждениях и оценках,

склонный говорить не всегда приятную для адресата правду без оглядки на последствия.

Человек слова – говорящий, для которого характерны чувство долга, правдивость, самостоятельность, надежность, ответственность, у которого слова не расходятся с делом.

Коммуникативный агрессор – говорящий, проявляющий коммуникативный эгоцентризм, неприязнь, враждебность по отношению к собеседнику, не склонный к компромиссу.

Горлопан – человек, склонный к эгоцентризму, громко говорящий, переходящий на крик, неприятный для собеседника.

Человек рассеянный – невнимательный коммуникант, не реагирующий на услышанное, поверхностно воспринимающий речь собеседника.

Анализ фразеологизмов с опорным семантическим центром *перо* позволяет выделить два лингвокультурных типажа:

Человек пишущий (литератор) – наделенный даром слова, владеющий искусством слова;

Писака – бездарный, беспринципный сочинитель легковесных текстов.

Портретирование положительных и отрицательных лингвокультурных типажей, в том числе типажей-антиподов, осуществляется на основе коммуникативных ценностей и антиценностей. Можно предположить, что развернутая характеристика лингвокультурных типажей передается афоризмами.

Выводы

В процессе исследования подтверждена выдвинутая гипотеза: в русском языке сформировалась тематическая группа фразеологизмов «Речь и речевое общение». Классификационный анализ позволил выделить внутри данной группы 16 подгрупп фразеологизмов, номинирующих и характеризующих содержательные стороны речевой коммуникации, ролевые коммуникативные позиции партнеров

общения, их речевые партии, особенности речевого поведения.

Большая часть проанализированных фразеологизмов сохраняет живую мотивированность. Образная составляющая семантики фразеологических единств и сочетаний неразрывно связана с эмоционально-экспрессивной и аксиологической оценочностью. Отдельные единицы относятся к фразеологическим сращениям. Семантически опорные компоненты, актуализирующие сему 'речь', препятствуют их перемещению в пассивный запас современного русского языка.

Словари фиксируют многозначность фразеологизмов. В зависимости от значения одна и та же устойчивая единица может входить в разные тематические подгруппы. Прослеживаются синонимические и антонимические отношения между отдельными фразеологизмами, а также отношения пересечения и противопоставления между подгруппами устойчивых единиц.

Переkreщиваются подгруппы «Болтовня, пустословие, коммуникативная несдержанность» и «Сплетни, слухи»; «Молчание, коммуникативная сдержанность» и «Косноязычие»; «Невнимательное восприятие речи» и «Отсутствие взаимопонимания, согласия».

Противопоставляются подгруппы «Болтовня, пустословие, коммуникативная несдержанность» и «Молчание, коммуникативная сдержанность»; «Взаимопонимание, согласие» и «Отсутствие взаимопонимания, согласия»; «Прямолинейность, откровенность» и «Ложь, обман»; «Внимательное восприятие звучащей речи» и «Невнимательное восприятие речи»; «Косноязычие» и «Красноречие».

Лингвоаксиологический анализ тематической группы фразеологизмов «Речь и речевое общение» позволил установить константы кооперативной коммуникации: принципы другоцентризма, коммуникативной сдержанности, эмоционального самоконтроля, вдумчивого восприятия устной речи, взаимопонимания, согласия, искренности. Основу данных принципов составляют базовые ценности национальной культуры. При этом отдельные фразеологизмы являются аксиологемами, номинирующими коммуникативные ценности: *общий язык, находить / найти общий язык, владеть языком, владеть словом, дар слова,*

живое слово, держать / сдерживать свое слово, быть хозяином / господином своего слова, вспоминать / вспомнить добрым словом, поднять голос, право голоса.

По данным русской фразеологии выявлены нарушения конвенций кооперативного диалогического взаимодействия: коммуникативный эгоцентризм; речевая агрессия; невключенность в диалогическое взаимодействие, коммуникативная рассеянность, коммуникативное и интеллектуальное равнодушие; отсутствие взаимопонимания, согласия; лживость.

В зеркале фразеологии отражаются ценностные предпочтения, лежащие в основе «субъектно-субъектного» кооперативного речевого взаимодействия. Речь человека мыслится как коммуникативно целесообразная, если она обладает благозвучием, правильностью, точностью, ясностью, краткостью, выразительностью, уместностью, логичностью.

Как следует из семантики проанализированных устойчивых единиц, коммуниканты с установкой на эффективность общения используют речевые тактики, включенные в культурный сценарий, лежащий в основе разговора на определенную тему.

По данным фразеологии можно выделить ряд узнаваемых лингвокультурных типов: молчун, болтун, сплетник, человек косноязычный, человек красноречивый, остро слов, человек слова, правдолюб, лжец, коммуникативный агрессор, горлопан, человек рассеянный. Семантика фразеологизмов с опорным семантическим центром *перо* транслирует сложившиеся представления об этнотипе человека пишущего (литератора) и лингвокультурном типе писателя.

В диссертационной работе интерпретация подгрупп устойчивых единиц осуществляется с позиции носителя русского языка как иностранного. В этой связи представляется целесообразным подчеркнуть актуальность создания русско-вьетнамских учебных двуязычных фразеологических словарей, организованных по тематическому принципу. Перед вьетнамской лексикографией стоит задача типологического описания фразеологизмов. Для осуществления этой задачи целесообразно изучить опыт российских фразеологов и лексикографов.

Глава 3. Аксиологическое содержание афористических высказываний о языке и речевой коммуникации

Задача настоящего этапа исследования – систематизировать извлеченные из сборников афоризмов афористические высказывания о языке и речевой коммуникации; на основе результатов лингвоаксиологического анализа языкового материала доказать выдвинутую гипотезу об эксплицитной реализации в афоризмах конвенциональных принципов речевой коммуникации; описать лингвокультурные типы болтуна, молчуна, человека пишущего.

3.1. Базовые коммуникативные ценности в зеркале афористики

Методом сплошной выборки из специальных изданий [БКА 2001; ОАЦ 2013; РА; РЯА 2008; СА 2004; Салтыков-Щедрин 2008; СКВП 1999; ЭКСВ 2005] было извлечено около 700 афоризмов, содержащих аксиологические установки и суждения о языке, речи, коммуникативном взаимодействии. Для лингвоаксиологического анализа отобрано 320 афористических высказываний ста восьми авторов – писателей, поэтов, драматургов, публицистов, мыслителей, ученых, государственных деятелей [См.: Приложение к главе 3].

Отталкиваясь от формального критерия, проанализируем афористические высказывания, в составе которых имеются компоненты *язык*, *слово*; затем перейдем к лингвоаксиологической интерпретации содержания афористических высказываний.

СЛОВО КАК КОММУНИКАТИВНАЯ ЦЕННОСТЬ. Выделяются афористические высказывания с опорным аксиологическим центром *слово*. Концепт *слово* – «константа русской культуры» – обозначает «некую цельную ситуацию, в которой говорение предлагает слушание и наоборот, круговорот речи и даже нечто более общее – круговорот общения» [Степанов 2001: 381].

Афористические суждения акцентируют самоценность слова, которое в

разных случаях употребления осмысливается как определенная воздействующая номинация; как выражающее важную мысль воздействующее высказывание и шире – речь человека. Например: *Какое-нибудь отдельное слово, часто самое обыкновенное, какое-нибудь имя пробуждает чувство, из которого и рождается воля к писанию* [В. Г. Белинский. СА 2004: 43]; *Слово – выражение мысли... и потому слово должно соответствовать тому, что оно выражает* [Л. Н. Толстой. СА 2004: 480].

Неизменной признается сила, энергия, мобилизационность слова: *Слово есть действующая сила речи, глагол творящий* [П. Я. Чаадаев. СА 2004: 538]; *Сильно живое слово, ничего не остановит его...* [А. И. Герцен. СА 2004: 100]; *Слово – полководец человеческой силы* [В. В. Маяковский. РА]; *Слово – великое оружие жизни* [В. О. Ключевский. РА]. Устойчивое сочетание *живое слово* – аксиологема, номинирующая вторичную коммуникативную ценность.

Актуализируются закреплённые в русской языковой картине мира образные параллели *слово – дело, слово – поступок*: *Слово – дело великое. Великое потому, что словом можно соединить людей, словом можно и разъединить их, словом можно служить любви, словом же можно служить вражде и ненависти* [Л. Н. Толстой. СА 2004: 480]; *Где не погибло слово, там и дело ещё не погибло* [А. И. Герцен. РА]; *Слово есть поступок* [Л. Н. Толстой. СА 2004: 480].

Выделяется эмоционально-нравственное воздействие слова: *Ведь иногда словом-то обидишь больше, чем делом!* [А. Н. Островский. СА 2004: 30]. В этой связи следует отметить детализируемую в суждениях эстетически значимую оппозицию *высокое – низкое*: *Слово может возвысить, очистить душу человека и уронить ее в бездну, то есть унижить, оскорбить, осквернить* [М. Н. Алексеев. СА 2004: 22]; *Из слов составляются гимны, поднимающие народы на борьбу, из слов же составляются пасквили, возводящие хулу на самые дорогие и святые для нас истины* [Там же].

Транслируемые словом мысли и чувства характеризуются целевой адресованностью. Они призваны не только передавать истину другому / другим, но и вдохновлять, воодушевлять, побуждать к самореализации: *Слово*

дано человеку не для самоудовлетворения, а для воплощения и передачи той мысли, того чувства, той доли истины и вдохновения, которым он обладает, – другим людям [В. Г. Короленко. СА 2004: 234]; Говорить есть не иное что, как возбуждать в слушателе его внутреннее слово... [В. Ф. Одоевский. СА 2004: 299]. Установку на другого может осуществить энергия живого слова. Ср.: Сильно живое слово, ничего не остановит его... [А. И. Герцен. СА 2004: 100]; Избитые, привычные слова и их сочетания уже бессильны выразить богатейшую гармонию новых мыслей и чувств [Д. А. Фурманов. СА 2004: 528].

В составе афористических высказываний лексема *слово* выступает как аксиологема – ключевой вербальный знак русской ментальности, базовая коммуникативная ценность.

ЯЗЫК КАК БАЗОВАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ ЦЕННОСТЬ. Значительное место в русской афористике занимают индивидуально-авторские высказывания с опорным аксиологическим центром *язык*.

Концептуализируются суждения, в которых сближаются опорные значения лексемы *язык* в трактовке В. И. Даля: ‘словесная речь человека, по народностям; словарь и природная грамматика, совокупность всех слов народа и верное их сочетание для передачи мыслей своих’ и ‘народ, земля, с одноплеменным населением своим, с одинаковою речью’ [Даль 1980. Т. 4: 674]. Отмеченное как активное в XIX веке значение ‘народ’ [См. также: Фасмер 2007. Т.4: 551] передает представление о неразрывной связи языка и его носителей, живущих на одной территории. В афоризмах акцентируется это базовое соотношение, сохранившееся в национальной картине мира, несмотря на то, что значение ‘народ’ вышло из активного употребления. О невозможности существования народа без языка и языка без народа говорит великий русский писатель: *Язык – народ, в нашем языке это синонимы, и какая в этом богатая глубокая мысль!* [Ф. М. Достоевский. СА 2004: 194].

Аксиологически значимым в наши дни является опирающаяся не на этнический, а на лингвистический критерий интерпретация концепта *народ*: именно язык объединяет в нацию живущих на одной территории россиян –

представителей разных этносов [См.: ТСРЯ 2008: 840]: *В лингвистическом смысле народ составляют все люди, говорящие одним языком* [Н. Г. Чернышевский. СА 2004: 542]. Народ – это нация, имеющая свой *национальный язык*, складывающийся исторически, хранитель духовных ценностей: *Национальный язык, так же, как и сама нация, складывается веками и должен бережно охраняться, как охраняются духовные ценности непреходящего значения* [М. Н. Алексеев. СА 2004: 21]. Обращает на себя внимание включение национального языка в систему духовных ценностей. Постоянно совершенствуясь, язык открывает дорогу, определяющую развитие культуры и цивилизации. Он отражает историю и становится фактором истории и культуры народа, отражает его самобытность и чаяния: *Язык – это история народа. Язык – это путь цивилизации и культуры...* [А. И. Куприн. СА 2004: 248]; *Говоря строго, язык никогда не устанавливается окончательно: он непрестанно живет и движется, развиваясь и совершенствуясь... Язык идет вместе с жизнью народа...* [В. Г. Белинский. СА 2004: 38]. Народ существует лишь потому, что сохраняется единство территории (земли) и единство языка: *Язык – великое наследие для всех поколений, он, как и земля, неделимый фонд у народа в прошлом, в настоящем и в самом отдаленном будущем* [М. Н. Алексеев. СА 2004: 22]; *Язык есть исповедь народа, / Его душа и быт родной* [П. А. Вяземский. РА]; *Народ выражает себя в языке своем* [И. И. Срезневский. РА].

Параллель великий язык – великий народ лежит в основе афоризма И. С. Тургенева. Крылатыми стали слова, характеризующие лучшие качества родного языка: *Великий, могучий, правдивый и свободный русский язык!.. Нельзя верить, чтобы такой язык не был дан великому народу!* [И. С. Тургенев. СА 2004: 497].

Аксиологическое содержание приведенных афоризмов позволяет выявить расположенную на шкале времени триаду: народ – земля – национальный язык.

Особую значимость приобретает идея о языке как национальной ценности, в том числе эстетической: *Люблю определенное, ясное и красивое, и умеренное, все это нахожу в народной поэзии и языке, в жизни...* [Л. Н. Толстой. СА 2004: 470]; *Величайшее богатство народа – его язык* [М. А. Шолохов. СА 2004: 582].

Выделяется функциональный диапазон общенародного языка: его инструментальная (орудийная) роль, дидактическая функция. Специально отмечается использование языка как средства создания произведений изящной словесности: *Язык – инструмент, необходимо хорошо знать его, хорошо им владеть* [А. М. Горький. СА 2004: 158]; *Язык и словесность суть не только способы, но главные способы народного просвещения* [Н. М. Карамзин. СА 2004: 222]; *Он <язык> служит первым училищем для юной души, незаметно, но тем сильнее впечатлевая в ней понятия, на коих основываются самые глубокомысленные науки...* [Н. М. Карамзин. СА 2004: 219]; *Язык – это оружие литератора, как ружье – солдата* [А. М. Горький. СА 2004: 158]. Являясь средством формирования личности как нравственного и интеллектуального целого, язык может служить не только инструментом просвещения и добра, но и инструментом зла: *Язык и золото – вот наш кинжал и яд* [М. Ю. Лермонтов. СА 2004: 258].

Оцениваемая со стороны речь человека выступает как объект диагностики общекультурной и гражданской: *По отношению каждого человека к своему языку можно совершенно точно судить не только о его культурном уровне, но и о его гражданской ценности* [К. Г. Паустовский. СА 2004: 336].

Национальный язык сопоставляется с другими языками: *Русский язык – один из богатейших языков в мире, в этом нет никакого сомнения* [В. Г. Белинский. СА 2004: 51]; *Наш русский язык, более всех новых, может быть, способен приблизиться к языкам классическим по своему богатству, силе, свободе расположения, обилию форм* [Н. А. Добролюбов. СА 2004: 176]. Самобытность русского языка не исключает его открытости: в силу необходимости из других языков заимствуется лексика для обозначения особых понятий: *В русский язык по необходимости вошло множество иностранных слов, потому что в русскую жизнь вошло множество иностранных понятий и идей* [В. Г. Белинский. СА 2004: 36]. В то же время осуждается немотивированное засорение русского языка иностранными заимствованиями: *Нет сомнения, что охота пестрить русскую речь иностранными словами без нужды, без достаточного основания, противна*

здоровому смыслу и здоровому вкусу [В. Г. Белинский. СА 2004: 48]. Метафорическое обобщение усиливает аксиологическую дихотомию.

Типовые лексические проводники опорного аксиологического компонента язык в афористических высказываниях (*богатый, богатейший, богат, богатство*) не только характеризуют национальный язык в целом, но и уточняют назначение (предлог для) языковых средств: *Русский язык необыкновенно богат для выражения явлений природы...* [В. Г. Белинский. СА 2004: 51]; *Русский язык достаточно богат, он обладает всеми средствами для выражения самых тонких ощущений и оттенков мысли* [В. Г. Короленко. СА 2004: 234]. Богатство ресурсов языка сочетается с их гибкостью, способностью выражать разнообразие оттенков мыслей и чувств: *Язык наш достаточно гибок и богат – следует глубже всмотреться в него...* [А. М. Горький. СА 2004: 159]. В одном однородном ряду оказываются такие качества языка, как богатство, гибкость, образность, т. е. выразительность, изобразительность, яркость. Потенциал языка обеспечивает соответствующие качества книжно-литературной и разговорной, в том числе народной (крестьянской) речи: *Литературный и речевой язык наш обладает богатейшей образностью и гибкостью, не зря Тургенев называл его «великим, прекрасным»* [А. М. Горький. СА 2004: 138]; *Народный язык <...> силен, свеж, богат, краток и ясен...* [В. И. Даль. СА 2004: 173]. Язык и средства языка сравниваются с драгоценными камнями. Характеризатор *драгоценный* синтезирует смыслы ‘очень важный, необходимый, обладающий высокой ценностью’ и ‘милый, дорогой для всех или каждого’ [ТСРЯ 2008: 2014]: *Дивисься драгоценности нашего языка: что ни звук, то и подарок: все зернисто, крупно, как сам жемчуг, и, право, иное название еще драгоценней самой вещи* [Н. В. Гоголь. СА 2004: 105]. Особая грань богатства – способность языка быть источником глубоких мыслей, чувств и одновременно – их выразителем: *Богатство языка есть богатство мыслей* [Н. М. Карамзин. СА 2004: 214]; *Главный характер нашего языка состоит в чрезвычайной легкости, с которой все выражается на нем – отвлеченные мысли, внутренние лирические чувствования, «жизни мышья беготня», крик негодования, искрящаяся шалость и потрясающая страсть* [А. И. Герцен. СА 2004: 93].

Язык мыслится как предназначенный для воплощения эстетических задач искусства: *Язык чистый, простой, точный, образный, гибкий, будто нарочно созданный для великого искусства* [А. Н. Толстой. СА 2004: 456]. Отметим, что сравнение с жемчугом в приведенном выше афоризме Н. В. Гоголя выделяет эстетически значимую изысканную красоту языка.

Мастера слова не только используют, но и совершенствуют язык: *Русский язык в умелых руках и в опытных устах – красив, певуч, выразителен, гибок, послушен, ловок и вместителен* [А. И. Куприн. СА 2004: 248]. Наследие великих писателей, их нетленные произведения сохраняют язык и формируют векторы его дальнейшего развития: *Русский язык – это прежде всего Пушкин – нерушимый причал русского языка. Это Лермонтов, Лев Толстой, Лесков, Чехов, Горький* [А. Н. Толстой. СА 2004: 454]. Прецедентное имя классика русской литературы номинирует национальную ценность – творческое наследие писателя. Перечень имен писателей позволяет трактовать произведения каждого из них и классическую русскую литературу в целом как общенациональную духовную ценность.

Русский язык и классическая русская литература – достояние мировой культуры: *Русский язык должен стать мировым языком. Настанет время (и оно не за горами) – русский язык начнут изучать по всем меридианам земного шара* [А. Н. Толстой. СА 2004: 454]. Этот прогноз воплотился в жизнь. Сегодня русский язык входит в число мировых, является официальным языком ООН [См., например: Официальные языки ООН].

Долг носителей русского языка – его сохранение. Модальностью долженствования охвачена аксиологическая установка И. С. Тургенева, содержащая глагол в повелительном наклонении: *Берегите наш язык, наш прекрасный русский язык, – это клад, это достояние, переданное нам нашими предшественниками!* [И. С. Тургенев. СА 2004: 496].

В афористических высказываниях лексема *язык* употребляется как аксиологема, номинирующая абсолютную национальную ценность и базовую коммуникативную ценность. Сложившееся ценностное отношение к русскому языку составляет основу конвенциональных принципов коммуникации,

предполагающей соблюдение требований к хорошей речи, производство которой основано на использовании языка как системы возможностей.

ХОРОШАЯ РЕЧЬ КАК КОММУНИКАТИВНАЯ ЦЕННОСТЬ. Выделяются афористические высказывания, номинирующие и характеризующие качества хорошей речи [См.: Головин 1998: 41–248]. Лингвисты рассматривают речь как «язык в действии» [Костомаров 2005]. Произведение речи, обладающее воздействующей силой, воплощает все лучшее, что есть в языке. Это в первую очередь касается художественных текстов: *Подлинная красота языка, действующая, как сила, создается точностью, ясностью, звучностью слов, которые оформляют картины, характеры, идеи книг* [А. М. Горький. СА 2004: 147]. Точность, ясность, красота, благозвучие, образность (картины) – взаимосвязанные качества художественного текста. Язык питает своим богатством речь публичную: *Во все времена богатство языка и ораторское искусство шли рядом* [А. П. Чехов. СА 2004: 553]. Произведения словесного искусства отражают эстетическое отношение к языку. Красота – качество речи, осмысляемое в одном ряду с богатством, ясностью и точностью отдельного высказывания и речевого произведения как эстетического целого.

Каждый носитель языка (не только писатель и оратор) в процессе говорения использует языковые ресурсы для осуществления эффективной коммуникации. Богатство, чистота – необходимые качества звучащей речи: *Можно с уверенностью сказать, что человек, говорящий на хорошем языке, на чистом, хорошем, богатом языке, богаче мыслит, чем человек, который говорит на плохом языке и бедном языке* [А. Н. Толстой. СА 2004: 452].

Каждое качество речи интерпретируется как *требование*, а суждение, содержащее номинацию определенного требования, является одновременно скрытой установкой: *Точность слова является не только требованием стиля, требованием здорового вкуса, но прежде всего – требованием смысла* [К. А. Федин. СА 2004: 523]. Лексическая точность, т. е. «верное словоупотребление» [Головин 1988: 137], проецируется на закрепленную за словом языковую семантику, а также языковой вкус, связанный с принципом отбора тех, а не иных

лексических единиц [См.: Костомаров 1999: 20]. Прямые установки: *Вообще – слова необходимо употреблять с точностью самой строгой* [А. М. Горький. СА 2004: 125]; *Единственное средство умственного общения есть слово, и для того, чтобы общение это было возможно, нужно употреблять слова так, чтобы при каждом слове несомненно вызывались у всех соответствующие и точные понятия* [Л. Н. Толстой. СА 2004: 463]. Императивность передается сочетаниями *необходимо употреблять, нужно употреблять*, а лексическая точность трактуется как необходимое качество хорошей речи.

Специально интерпретируется ясность речи. В афористических высказываниях употребляются также синонимы *простой (ая) / простота*, акцентирующие ‘доступность для понимания’ [ТСРЯ 2008: 765; Александрова 2001: 387, 600]. Ясность (простота) речи непосредственно связана с принципом другоцентризма: говорящий / пишущий должен отобрать лишь те средства, которые понятны адресату, а для этого – постичь языковую семантику, осознать ее глубину и, ориентируясь на формирование обратной связи с адресатом, исключить словесную эквилибристику. Задача говорящего / пишущего – *не мудрствуя лукаво* (А. С. Пушкин), «излагать события, факты, писать или говорить без затей, просто» [ЭСКСВ 2005: 500]. Простота – залог адекватности изображения действительности мастером слова. Ср. также: *Чтобы говорить понятно людям, надо развешивать, соразмерять выражение своих чувств с их понятиями* [А. А. Бестужев-Марлинский. СА 2004: 60]; *Не принимайся за перо до тех пор, пока все в голове не установится в такой ясности и порядке, что даже ребенок в силах будет понять и удержать все в памяти* [Н. В. Гоголь. СА 2004: 108]; *Смутно пишут о том, что смутно себе представляют* [М. В. Ломоносов. СА 2004: 273].

Ясность связывается не только с отбором понятных для адресата слов, но и с конструированием высказывания, следовательно, с синтаксической структурой предложения: *Что неясно представляешь, то неясно и выскажешь: неточность и запутанность выражений свидетельствует только о запутанности мыслей* [Н. Г. Чернышевский. СА 2004: 550]; *Полемизируйте как угодно резко, только говорите ясно, чего вы хотите* [В. И. Ленин. РЯА 2008: 137]. Очевидно, что ясность

осознается, в частности, как коммуникативное качество политической речи.

Ясность речи обеспечивает формирование «субъектно-субъектного» общения: *А писать нужно просто, как будто беседа по душе с милейшим другом, с лучшим человеком, от которого ничего не хочется скрыть, который все поймет, все оценит с полуслова* [А. М. Горький. СА 2004: 121]. Говорящий обязан ясно излагать свои мысли, хотя этому нередко препятствуют объективные экстралингвистические факторы: *Говорить языком откровенным может всякий благородный язык, имеющий право говорить, но говорить языком совершенно простым, бывает, не скажу – невозможно, но трудно при известных обстоятельствах* [А. И. Герцен. СА 2004: 93].

Доступностью, простотой не исчерпываются требования к речи: *Язык должен быть не только понятный или простонародный, но язык должен быть хороший* [Л. Н. Толстой. СА 2004: 490]. Великий писатель настаивает на комплексном подходе к хорошей речи и одновременно предостерегает от абсолютизации простоты и заигрывания с адресатом. Говорить правду следует простым языком: *Язык правды прост* [Л. Н. Толстой. СА 2004: 491]. Вот еще одна аксиологическая установка Л. Н. Толстого: *Я советую, не то что употреблять простонародные мужицкие и понятные слова, а советую употреблять хорошие, сильные слова и не советую употреблять неточные, неясные, необразные слова...* [Л. Н. Толстой. СА 2004: 490]. Простота (но не упрощение) выступает как одно из главных достоинств речи вообще и художественных текстов в особенности: *Простой язык здравого смысла...* [В. Г. Белинский СА 2004: 50]; *Простота есть красота истины, – и художественные произведения сильны ею...* [В. Г. Белинский СА 2004: 50]. Ясность изложения мысли связана с логическим мышлением.

Логичность речи [См.: Головин 1988: 144–163] трактуется как ее доказательность, аргументативность, требующие предварительного погружения говорящего / пишущего в предмет речи, в проблемную ситуацию. Сильные аргументы основаны на уверенности говорящего в их истинности: *Сначала убедись, потом уже убеждай* [К. С. Станиславский. РЯА 2008: 64]. Рассуждение как тип речи, в свою очередь, далеко не всегда является абсолютно истинным. Так,

ученый осознает возможность проверки переданного в речи утверждения. Он должен быть готов к взвешенному анализу контраргументов: *Если я рассуждаю логично, это значит только то, что я не сумасшедший, но вовсе не доказывает, что я прав* [И. П. Павлов. РЯА 2008: 78]. Логичность речи предполагает ее связность, за которой стоит глубокая работа мысли, проверка фактической достоверности предметной темы. Алогичность встречает сопротивление адресата, которое, в частности, улавливается в ставшим крылатым высказывании: *Взгляд и нечто* (А. С. Грибоедов) – «иронически о расплывчатых рассуждениях без основательного знания предмета» [ЭСКСВ 2005: 119].

Объект специального наблюдения и критики – краткость речи [См.: Матвеева 2010: 171], т. е. отсутствие в ней лишних элементов. Аксиологическая установка А. М. Горького сформулирована как обязательное требование для производителя речи: *Лишних слов всячески избегайте* [А. М. Горький. СА 2004: 138]. Учитывается неприятие длиннот адресатом: *Длинная, пространная речь отталкивает не столько тем, что утомляет слушателей, сколько тем, что за ней не видится дел даже в перспективе* [З. М. Фаткудинов. РЯА 2008: 88]. Краткость нарушают излишняя конкретизация, оперирование говорящим множеством непродуманных мыслей. Поток сознания нередко сопоставляется с льющей водой (ср. устойчивое сочетание *лить воду* (пренебр.) – ‘лгать; говорить пустое, пустословить’ [ФСРЛЯ 200: 327]): *Вы так перегрузили доклад мыслями и фактами, что я чувствовал себя бутылкой с узким горлышком, в которую что-то льют из ведра* [В. Александров. РЯА 2008: 31].

Длинные речи, лишние для вербализации замысла слова и высказывания препятствуют восприятию передаваемого содержания, в то время как *краткие речи всегда более содержательны и способны вызвать сильное впечатление* [А. М. Горький. РА]. Образцовыми признаются произведения фольклора: *Пословицы и песни всегда кратки, а ума и чувства вложено в них на целые книги* [А. М. Горький. СА 2004: 123]. Особый пласт афористических суждений связан с краткостью как достоинством речи художественной: *Краткость есть первое условие художественности* [Ф. М. Достоевский. СА 2004: 188]; *Искусство писать –*

искусство сокращать [А. П. Чехов. СА 2004: 558]. Последнее высказывание свидетельствует о том, что писатель добивается лаконизма в процессе правки-сокращения, удаляя из текста лишние слова и выражения. В язык вошло высказывание А. П. Чехова как «совет пишущему / говорящему быть кратким, излагать только суть дела»: *Краткость – сестра таланта* [А. П. Чехов. ЭСКСВ 2005: 374].

В конкретную коммуникативную ситуацию включены суждения об уместности речи [См.: Головин 1988: 227–248], которая связывается, в частности, с выполнением коммуникативных обязанностей в процессе речевого взаимодействия, осознанием говорящим необходимости и достаточности говорения, включенного в момент речи, умением сдерживать эмоциональные реакции. Уместность воспринимается как свидетельство проницательности и ума: *Если хочешь быть умным, научись разумно спрашивать, внимательно слушать, спокойно отвечать и перестань говорить, когда нечего больше сказать* [Л. Н. Толстой. РА]; *Умный не тот, кто говорит первый. Умный тот, кто говорит вовремя* [В. Н. Войнович. СА 2004: 88]; *Перестань говорить тотчас же, когда заметишь, что раздражаешься сам или тот, с кем говоришь. Не сказанное слово – золотое* [Л. Н. Толстой. РА].

Аксиологически значимой признается чистота речи [См.: Головин 1988: 164–180] – качество, непосредственно связанное с конвенциональной установкой, направленной на сбережение, сохранение языка как базовой национальной ценности. Один из источников засорения языка – иностранные заимствования: *Господствует еще смешенье языков: / Французского с нижегородским?* (А. С. Грибоедов). Реплика Чацкого, «иронизирующего над галломанией русского дворянства, которая часто сочеталась с плохим знанием того же французского языка» [ЭСКСВ 2005: 721]. Контактные высказывания, включающие глагольные императивы, передают аргументированный запрет: *Берегите чистоту языка, как святыню! Никогда не употребляйте иностранных слов* [И. С. Тургенев. СА 2004: 496]. Необходимыми признаются целенаправленные действия языкового коллектива против порчи языка: *Борьба за чистоту, за смысловую точность, за*

остроту языка есть борьба за орудие культуры [А. М. Горький. СА 2004: 122].

Особо выделяются афористические высказывания о красоте и выразительности речи. Красивая речь сравнивается с птичьим пением: *Молвит слово – соловей поет* [М. Ю. Лермонтов. РЯА 2008: 140], а также с драгоценной вещью: *На мысли, дышащие силой, / Как жемчуг низжутся слова* [М. Ю. Лермонтов. РЯА 2008: 54]; *Красноречие, точно жемчуг, блещет содержанием* [Л. Н. Толстой. РА]. Красота речи исключает вычурность и органически сочетается с простотой: *О друг мой, Аркадий, не говори красиво* (И. С. Тургенев) – «приглашение говорить кратко, ясно, по существу, без ненужного пафоса» [ЭСКСВ 2005: 537]; *Берегитесь изысканного языка. Язык должен быть прост и изящен* [А. П. Чехов. СА 2004: 551]. Простота в художественном произведении предполагает изящество, а именно ‘тонкую и строгую соразмерность и красоту’ [ТСРЯ 2008: 295].

Красивая речь обладает воздействующей силой: *Мощь кулака – в энергии и резкости, мощь языка – в уме и красноречии* [Г. Г. Агацарский. РА]. Чтобы речь была красивой, необходимо отобрать выразительные средства языка: *Все средства языка выразительны, надо лишь умело пользоваться ими* [В. В. Виноградов. РА]. В данном случае ученый говорит прежде всего о тропах и фигурах речи, составляющих ядро воздействующих языковых единиц. Ср.: *Имея дело с людьми образного языка, вы должны уметь пользоваться этим языком* [А. М. Горький. СА 2004: 135]. Красота речи исключает употребление общенизмов: *Где процветает мат, там красноречье вянет* [Л. С. Сухоруков. РА].

Из аксиологического содержания афоризмов следует, что хорошая речь является результатом органического соединения качеств, способствующих достижению искомого коммуникативного результата. Коммуникативные качества речи взаимосвязаны: *Красота языка заключается единственно в его ясности и выразительности* [Д. И. Писарев. СА 2004: 347]; *Точность требует краткости, сжатости* [А. М. Горький. СА 2004: 126]; *Чем проще слово, тем более оно точно, чем правильнее поставлено, тем больше придаст фразе силы и убедительности* [А. М. Горький. СА 2004: 157]. *Еще раз посоветую: обратите внимание на язык, добивайтесь от него точности, что даст ему силу и красоту* [А. М. Горький. СА

2004: 131]; *Точность и сжатость языка, это – прежде всего, и только при соблюдении этого условия возможно создать выпуклый, почти физически осязаемый образ* [А. М. Горький. СА 2004: 155].

Источником хорошей речи являются ресурсы языка. Качества хорошей речи обеспечивают коммуникативную гармонию и, следовательно, являются коммуникативным по своей природе. Хорошая речь интерпретируется как базовая коммуникативная ценность.

ОБЩЕНИЕ КАК КОММУНИКАТИВНАЯ ЦЕННОСТЬ. Межличностное общение мыслится как взаимодействие, в процессе которого язык реализует функции передачи информации и обмена мыслями: *Слово дано для того человеку, чтобы свои понятия сообщать другому* [М. В. Ломоносов. СА 2004: 273]. С одной стороны, адресант получает возможность вербализовать личностное понимание категориальных понятий и идей; с другой стороны – оценить объективность восприятия передаваемой информации адресатом. Речевое общение интерпретируется как двусторонний процесс, предполагающий равные права коммуникантов в выражении собственной точки зрения. Положительно оценивается готовность коммуниканта к аналитическому восприятию противоположной точки зрения, признанию собственных ошибок. Диалектика, т. е. борьба противоположностей, вскрывает ошибки, рождает истину: *При открытом обсуждении не только ошибки, но самые нелепости легко устраняются* [М. Е. Салтыков-Щедрин. СА 2004: 428]; *Только из столкновения мнений рождаются новые истины и движение вперед. А что не движется, то умирает и разлагается* [В. Г. Короленко. СА 2004: 234]. Отторжение мыслей и взглядов коммуникативного партнера может стать причиной разобщения: *Раньше как было: поговорили и разошлись, а теперь: поговорили и разошлись не на шутку!* [В. Л. Туровский. РА].

Для понимания собеседника необходимо вдумчивое отношение к его словам, «вслушивание», подавление эгоцентризма при соблюдении надлежащего объема сказанного: *Кто станет говорить речи, другому – не перебивать, но дать окончить и потом другому говорить, как честным людям надлежит, а не как*

бабам-торговкам [Петр I. РА]; *Главное не сколько ты говорил, смотрел и слушал, а сколько ты сказал, увидел и услышал* [Г. Г. Агацарский. РА]. Следует избегать высокомерного отношения к участнику разговора, не преувеличивать меру собственного интеллектуального потенциала: *Разговор с невеждами иногда более научит, нежели разговор с учеными* [Екатерина II. РА]. Обязательными для участника речевого общения признаются ум и любезность: *Надо быть умным, надо быть любезным – вот два главные мотива, возбуждающие нашу деятельность в беседной встрече* [К. П. Победоносцев. РА]. Приведенный афоризм воспринимается как предписание (*надо быть умным / любезным*). В словаре В. И. Даля значения прилагательного *любезный* включены в ситуацию речевого взаимодействия: ‘образованный, приятный в общении’ и ‘заслуживающий расположение, сердечную привязанность’ [Даль 1979. Т. 2: 282]. Быть *любезным* – значит проявлять ‘снисходительность, предупредительность, учтивость’ [См.: ТСРЯ 2008: 420; 1043].

Любезность проявляется в беседе, т. е. в разговоре, который предполагает ‘обмен мнениями’ [Там же: 40] и позволяет излить душу: *Хорошая беседа обогащает, иначе – это пустая трата времени, обедняющая душу* [И. Н. Шевелев. РА]. В беседе реализуются духовные целеустановки общения, без которых невозможно гармоническое речевое взаимодействие: *Общение без духовной цели есть скорейшая дорога в ад* [А. Подводный. РА]. Духовно-нравственное содержание беседы, отвлечение от материального приземленного обогащает внутренний мир человека, его интеллект, разум: *Общение с себе подобными – духовное обогащение; общение с "братьями меньшими" – обогащение эмоциональное* [И. Н. Шевелев. РА].

Межличностное общение оставляет след в сознании коммуниканта. Наедине с самим собой он осмысляет личностную значимость того, с кем разговаривал, и содержание бесед: *Лицом к лицу лица не увидать / Большое видится на расстоянье* [С. А. Есенин. РА]; *Только после долгого общения можно открыть сущность человека. Всего сразу не бывает* [К. В. Валяева. РА]. Особую ценность приобретает «разговор с самим собой» [Бахтин 1979: 335]: *Возможность общения и*

возможность уединения – условия, без которых невозможно существование человека [И. Н. Шевелев. РА].

Общение не замыкается этническим кругом. Напротив, контакты с представителями других культур обогащают, способствуют осознанию общего, наднационального: *Национальный характер не мешает интернациональному общению* [Б. А. Можаяев. СА 2004: 286].

Таким образом, межличностное «субъектно-субъектное» кооперативное речевое взаимодействие, предполагающее соблюдение конвенционально заданных прав и обязанностей партнеров общения, выступает как собственно коммуникативная ценность и ценность духовно-нравственная. *Язык, слово, общение, беседа, красноречие* – аксиологемы, номинирующие базовые коммуникативные ценности, создаваемые и поддерживаемые носителями лингвокультуры.

3.2. Аксиологические константы кооперативной речевой коммуникации

ПРИНЦИП ДРУГОЦЕНТРИЗМА. Эффективность общения зависит от отношения говорящего к собеседнику. Следует сконцентрироваться на положительных сторонах личности собеседника (собеседников). Понять другого – значит найти с ним общий язык: *Ищи в других людях всегда хорошую сторону, а не дурную* [Л. Н. Толстой. РА]. Афоризм является прямой ценностной установкой.

Залог бесконфликтного общения, в том числе внутрисемейного, – коммуникативное равенство, исключающее жесткую статусно-ролевую иерархию: *Только тогда легко жить с человеком, когда не считаешь ни себя выше, лучше его, ни его выше и лучше себя* [Л. Н. Толстой. РА].

Установка на другого отражается в употреблении речевой формы Вы-отношения: *Язык народа, его характер: в английском пишут «Я» с большой буквы, а «вы» - с маленькой; в русском – наоборот, «я», но «Вы»* [А. Г. Рубинштейн. РЯА 2008: 114]. Русский речевой этикет исключает эгоцентризм. Уважительное

отношение к собеседнику сочетается с готовностью уступать, т. е. 'добровольно отказываться в пользу другого' [ТСРЯ 2008: 1037]: *Искусство уступать - когда и в чем, и до каких пределов - великое искусство* [И. Н. Шевелев. РА]. Уступка всегда включена в конкретную коммуникативную ситуацию. Исключается конформизм, т. е. 'приспособленчество, пассивное принятие... мнения' [См.: Крысин 2005: 394] коммуникативного партнера. Во всех случаях учитывается степень духовно-нравственной близости собеседника: *Замечания и самые обвинения противников и врагов можно иной раз перешагнуть, но замечания, делаемые друзьями, должны влечь за собой объяснение или сознание в их правде* [А. И. Герцен. РА].

Важной оказывается ориентация на социальные роли, в том числе на возраст коммуниканта: *Старый человек на ветер слова не скажет* [А. Н. Островский. СА 2004: 326]. Другоцентризм предполагает учет гендерных различий мировосприятия. Различаются, в частности, объекты смехового, принимаемые как таковые мужчинами, но не женщинами: *Не шути с женщинами: эти шутки глупы и неприличны* [К. Прутков. ОАЦ 2013: 28].

Акцентируется аксиологическая значимость этикетных речевых жанров комплимента, похвалы, предполагающих установку на другого при соблюдении принципа вежливости. Значимым является уместное интонационное оформление диалогических реплик: *Давайте восклицать, друг другом восхищаться. / Высокопарных слов не стоит опасаться. / Давайте говорить друг другу комплименты – / Ведь это всё любви счастливые моменты* [Б. Ш. Окуджава. ЭСКСВ 2005: 200]. Похвала должна быть лишена двусмысленности: *Не поздоровится от таких похвал* (А. С. Грибоедов) – «о бестактных, неумных похвалах, которые приносят больше вреда, нежели пользы» [ЭСКСВ 2005: 503]. Не всякую похвалу следует воспринимать с доверием. Предосудительна неискренняя похвала: *Хвалы приманчивы; как их не пожелать?* [И. А. Крылов. СА 2004: 244]; *За что же, не боясь греха, / Кукушка хвалит петуха?* (И. А. Крылов) – «иронически о лицемерах, восхваляющих друг друга из корыстных побуждений» [ЭСКВ 2005: 265]; *Лучше от дураков погибнуть, чем принять от них похвалу* [А. П. Чехов. СА 2004: 560].

Похвала нередко оказывается эффективнее бичевания: *Как жестоко подрезает слабые крылья резкая, хотя бы и справедливая, критика и какую бодрость и надежду вливает иногда незначительная похвала* [А. И. Куприн. СА 2004: 247]. Объективная критика полезна, когда соблюдены принципы другоцентризма, искренности: *Когда мы не довольны собой, то осуждаем не самих себя, не свою душу, а свои поступки; точно так же надо относиться и к другим людям: осуждать их поступки, а не их самих, не их душу* [Л. Н. Толстой. РЯА 2008: 79]; *Бесстрашная добросовестность и отчетливость до конца – вот главные достоинства критики, которая, несмотря на вопли ее противников, никому еще не делала зла* [И. С. Тургенев. РЯА 2008: 79].

Не одобряется, а порой воспринимается с иронией самопохвала, свидетельствующая о нарциссизме: *Надо быть осторожным в разжигании в себе тщеславия похвалой. Страшно увеличивается уязвимость, болезненность* [Л. Н. Толстой. СА 2004: 472]; *Над хвастунами хоть смеются, / А часто в дележе им доли достаются* [И. А. Крылов. СА 2004: 241]; *Кто про свои дела кричит всем без умолку, / В том, верно, мало толку* (И. А. Крылов) – «цитируется в осуждение хвастливого, тщеславного человека, рекламирующего свои заслуги, планы» [ЭСКСВ 2005: 383].

Как следует из аксиологического содержания афоризмов, принцип другоцентризма интегрирует все другие принципы кооперативной речевой коммуникации.

ПРИНЦИП КОММУНИКАТИВНОЙ СДЕРЖАННОСТИ, ЭМОЦИОНАЛЬНОГО САМОКОНТРОЛЯ. Передаваемые афоризмами аксиологические установки конкретизируют принцип, выявленный в процессе анализа фразеологизмов. Формулируется, в частности, запрет на хвастовство. Рекомендуются исключать из собственной речи восторженные высказывания о себе и своих достижениях: *Не говорить о себе без нужды ни одного слова. Ни разу не хвастать ни тем, что было, ни тем, что есть, ни тем, что будет* [К. Д. Ушинский. РА]. Следует быть не только скромным, но и лаконичным: *Лучше скажи мало, но хорошо* [К. Прутков. РА]. Существо принципа коммуникативной

сдержанности позволяет осмыслить афоризм А. С. Пушкина: *Блажен, кто крепко словом правит и держит мысль на привязи свою* – «о необходимости и умении быть немногословным и сдержанным в оценках» [СКВП 1999: 57].

При условии самоконтроля эффективным является молчание как «нулевое» речевое действие: *Разговор выявляет свое первенство, а внимание рождает друзей. Вот почему разговор серебро, а молчание золото* [М. М. Пришвин. РА]. Молчание может означать внимание к собеседнику: *Вернуться к молчанию в том смысле, что говорить для себя, а молчать – от внимания к другому. Просить молчания, значит просить внимания к человеку* [М. М. Пришвин. СА 2004: 360]. Молчание как результат коммуникативной сдержанности воспринимается одобрительно: *Открыть рот немудрено, мудрено его вовремя закрыть* [И. Н. Шевелев. РА]; *Люди учатся, как говорить, а главная наука – как и когда молчать* [Л. Н. Толстой. СА 2004: 471]. Сдержанность предполагает исключение из собственной речи непозволительных, неприятных для собеседника высказываний и отдельных тем: *Ходить бывает склизко / По камешкам иным. / Итак, о том, что близко, / Мы лучше умолчим* (А. К. Толстой) – афоризм «употребляется как формула отказа затрагивать опасные темы» [ЭСКСВ 2005: 810]. Призыв к сдержанности, молчанию передается метафорически: *Если у тебя есть фонтан, заткни его; дай отдохнуть и фонтану* [К. Прутков. ЭКСВ 2005: 239].

Осуждаются такие нарушения принципа коммуникативной сдержанности, как болтовня, пустословие, сплетня: *Больше всех говорит тот, кому нечего сказать* [Л. Н. Толстой. РЯА 2008: 46]; *Кто про дела свои трещит всем без умолку, / В том, верно, мало толку* [И. А. Крылов. РЯА 2008: 69]; *Почему слушающий засыпает, а говорящий нет? Тот больше устает* [М. М. Жванецкий. РА]; *От болтовни Россия погибла!* [А. М. Каледин. ЭКСВ 2005: 562]; *О слово старое поэта: / «Слова, слова, одни слова!»* (И. С. Аксаков) – «шутливо-иронически о чьем-либо многословии; о словах, не подкрепленных делами» [ЭСКСВ 2005: 541]; *О чем шумите вы, народные витии?* (А. С. Пушкин) – «иронический комментарий к выступлениям участников бурных и бессодержательных словопрений» [ЭСКСВ 2005: 542]; *Поспорят, пошумят и разойдутся* (А. С. Грибоедов) – «иронический

комментарий к пустым, бессмысленным разговорам, дискуссиям» [ЭСКСВ 2005: 621]; *Кто раньше сказал «э»* (Н. В. Гоголь) – «цитируется в качестве иронического комментария по поводу пустого спора, дискуссии по ничтожному поводу» [ЭСКСВ 2005: 383] *Болтливость – порок, потому что часто скрывает ложь – мать всех пороков* [М. Е. Салтыков-Щедрин. СА 2004: 423]; *Совершенно справедливо: очень много говорится пустых фраз* [А. Н. Островский. СА 2004: 326]; *Грех не беда, молва не хороша* [А. С. Грибоедов. РЯА 2008: 76]; крылатое выражение: *Ах, злые языки страшнее пистолета* [А. С. Грибоедов. РЯА 2008: 119].

Принцип коммуникативной сдержанности, эмоционального самоконтроля исключает речевую агрессию, т. е. «целенаправленное коммуникативное действие, ориентированное на то, чтобы вызвать негативное эмоционально-психологическое состояние у объекта речевого воздействия» [Седов 2005: 33]. Осуждается использование языковых средств для выражения неприязни, враждебности; признается неэффективной речи, оскорбляющая чье-либо самолюбие, достоинство: *Оскорблять человека и в то же время хотеть, чтоб он не оскорблялся – помилуйте! Да ведь в этом даже нет смысла, потому что тут одна половина предложения явно противоречит другой* [М. Е. Салтыков-Щедрин 2008: 32]; *Крепкие слова не могут быть сильными доказательствами* [В. О. Ключевский. СА 2004: 226]; *Брань всегда служила признаком дефектного мышления* [Л. М. Леонов. СА 2004: 249]; *Грубо говоря, но мягко выражаясь* – «используется шутливо-иронически, как способ смягчить суровость слов, предварить таким образом некое жесткое заявление» [Н. Анитов и А. Осокин. ЭСКСВ 2005: 195]; *Обругать человека недолго, но и пользы из этого выходит немного* [Д. И. Писарев. СА 2004: 349].

Таким образом, в афористических высказываниях эксплицитно представлены формы проявления речевой сдержанности, а также отступления от данного принципа кооперативной коммуникации.

ПРИНЦИП ИСКРЕННОСТИ, ПРАВДИВОСТИ, ОТКРЫТОСТИ. Понятие искренности в русской лингвокультуре характеризуется широким диапазоном, а лексема *искренность* включается в два синонимических ряда [Александрова 2011: 165; 305]: *непритворность, неподдельность, душевность, сердечность,*

задушевность (1) и откровенность, чистосердечность, правдивость, прямодушие, прямота, прямолинейность (2).

Неподдельная искренность – природный дар: *Способность к подлинной искренности, правдивой, целомудренной, – великий и очень редкий дар* [В. В. Вересаев. СА 2004: 81]. Искренность, понимаемая как откровенное, открытое выражение чувств, сближает людей: *Первое условие для сближения – искренность* [М. М. Пришвин. СА 2004: 365]. Слова, идущие от сердца, рождаются неподдельными чувствами и сопоставляются с музыкальными звуками: *Что ни говори, но звуки души и сердца, выражаемые словом, в несколько раз разнообразнее музыкальных звуков* [Н. В. Гоголь. СА 2004: 113].

Искренность говорящего – это открытая вербализация переживаемых эмоций, предполагающая правдивость. Искреннее высказывание оценивается как правдивый речевой поступок, поэтому правота оказывается на стороне коммуниканта, чья речь воспринимается как искренняя: *Прав тот, кто искренен* [А. П. Чехов. СА 2004: 566]; *Недостаточно знать, рассказал ли человек о себе, достаточно знать, что человек сказал правду...* [К. В. Валяева. РА]; *Степень правдивости человека есть указатель степени его нравственного совершенства* [Л. Н. Толстой. РА], его моральных жизненных установок: *Жить не по лжи* (А. И. Солженицын) – значит «жить, сообразуясь с чувством собственного достоинства, с принципами правды и справедливости» [ЭСКСВ 2005: 260]. Осуждается технология манипулирования, двуличие: *Молчи! всё знаю я сама; / Да эта крыса мне кума* (И. А. Крылов). Афоризм «служит ироническим комментарием к поведению тех, кто громогласно выступает за общественные интересы, мораль, законность и т. п., но молчит, едва только речь заходит о «своих» людях (партнерах, родственниках и пр.), уличенных в нарушении норм закона и морали» [ЭСКСВ 2005: 447].

Правда – ключевое слово русской ментальности [См.: Колесов 2014. Т. 2: 82], аксиологема, номинирующая базовую духовную ценность. Это прежде всего ‘то, что существует в действительности’ [ТСРЯ 2008: 713], вне человека и передается в речи: *Верная передача действительности есть камень преткновения*

слова [Л. Н. Толстой. СА 2004: 459]. Человек должен трезво осознавать правду жизни. В афористических высказываниях правда интерпретируется как «концепт-максимум» [Wierzbicka 1985: 119], т. е. «полное владение смыслом слова, присущее рядовому носителю языка» [Фрумкина 2003: 45]. Значительный пласт афоризмов включает интерпретацию правды как многогранного концепта: *Правда – воздух, без которого дышать нельзя* [И. С. Тургенев. СА 2004: 508]; *Правда выше жалости* [А. М. Горький. СА 2004: 149]; *Правда и простота – родные сестры, а красота – третья сестра* [А. М. Горький. СА 2004: 149]; *Правда – то, что оправдывает жизнь и углубляет ее, а то, что вредит жизни, – всегда и всюду ложь, хотя бы доказана она была математически* [Л. Н. Андреев. СА 2004: 26]; *Правда любит селиться в деле: не всякое дело есть правда, но правда живет всегда в деле* [М. М. Пришвин. СА 2004: 366].

На фоне осмысления концептуального содержания общей категории выделяется правдивость участника общения, склонного откровенно говорить правду: *Правда – это значит свобода совести в человеке* [М. М. Пришвин. СА 2004: 366]. Специально оценивается правдивая речь. В афоризмах, содержащих компоненты, в значениях которых закреплена сема ‘речь’, лексема *правда* употребляется как аксиологема, номинирующая собственно коммуникативную ценность: *Лучшую дорогу / Избрал, кто правду всегда говорить принялся* [А. Д. Кантемир. СА 2004: 211]. Не подвергается сомнению воздействующая сила правды: *Одно слово правды весь мир перетянет* [А. И. Солженицын. ЭСКСВ 2005: 551]. Правду следует отстаивать, бороться за нее силой слова: *Правда приближается к человеку в чувстве силы и является в момент решения бороться: бороться за правду, стоять за правду. Не всякая сила стоит за правду, но всегда правда о себе докладывает силой* [М. М. Пришвин. СА 2004: 366].

Борьба за правду сакрализируется, трактуется как подвиг, требующий стойкости и самоотречения: *За правду надо стоять или висеть на кресте, к истине человек движется. Правды надо держаться – истину надо искать* [М. М. Пришвин. СА 2004: 366]; *Правду силой не навяжешь. За правду страдать надо* [Б. А. Можаяев. СА 2004: 286].

Культурно-специфическим является соотношение правды и истины [См.: Колесов 2014. Т. 2: 82]. В соответствии с традицией «правда осмысливается как божественное начало, а истина – как человеческое» [Успенский 1994: 190]. Истина «относится именно к мыслям, а не к самим вещам» [Философский словарь 1987: 176]; правда – к реальной действительности; истина аксиоматична и абстрактна; правда конкретна и доказуема, ее, в отличие от истины, следует отстаивать, защищать: *Аксиома – истина, на которую не хватило доказательств* [В. О. Ключевский. РА]; *У истины много сторонников, но мало защитников* [К. С. Мелихан. РЯА 2008: 38]. В ряде случаев правда и истина отождествляются: *Предрассудок! Он обломок древней правды* (Е. А. Баратынский) – афоризм «употребляется как напоминание о том, что следует уважительно относиться к тому, что сейчас кажется нелепым, отжившим: возможно, он отражение некой глубокой, актуальной истины, возможно также, что нынешние бесспорные истины покажутся будущим поколениям пустыми предрассудками» [ЭСКСВ 2005: 634]. Правдивая речь, в отличие от лжи, не нуждается в нарочитой усложненности и украшательстве. Ср.: *Самый верный признак истины – простота и ясность. Ложь всегда сложна, вычурна и многословна* [Л. Н. Толстой. РЯА 2008: 163]; *Ложь нельзя сказать просто: она требует громких слов и многих украшений* [А. М. Горький. СА 2004: 139].

Правда сближается с истиной, но противопоставляется полуправде, которая понимается ‘как неполная правда, почти ложь’ [ТСРЯ 2008: 691] и поэтому нередко воспринимается с недоверием: *Главное препятствие познания истины есть не ложь, а подобие истины* [Л. Н. Толстой. СА 2004: 461]; *Не в пору возвещенная истина хуже лжи, не в пору поднятый вопрос только пугает и мешает* [И. С. Тургенев. СА 2004: 505]. Иронически воспринимается и неуверенность, робость, ощущаемые при передаче в речи правды: *Я готов и правду резать – / Тихомолком, тихомолком!* (А. К. Толстой) – «шутливо-иронически о робком правдолюбце» [ЭСКСВ 2005: 869]. Правда требует бесстрашия, ибо она далеко не всегда приятна: *Правда груба и холодна, и в ней всегда скрыт тонкий яд скептицизма* [А. М. Горький. СА 2004: 149]; *Я правду об тебе порасскажу такую, / Что хуже всякой*

лжи [А. С. Грибоедов. СА 2004: 167].

Чтобы говорить правду, нужно быть смелым и откровенным. Мужества требует и восприятие правды, осмысление которой включается в коммуникативный акт. Формулируется вопрос: Есть ли потребность услышать правду, узнать истинную правду? *Самые сильные духом готовы слушать правду. Другим это только кажется, просят сказать им правду, а сами в глубине души хитрят, ждут обмана* [И. Грекова. СА 2004: 161]. Безжалостность правды не оправдывает желания уклониться от нее. Правду следует знать: *Требовать правды, оставляя нетронутыми все те условия, которые порождают ложь, – значит требовать, чтобы на немощной улице не было грязи, когда идет дождь* [Д. И. Писарев. СА 2004: 351].

Правдивость, откровенность – условия публичной речи: *Чтобы быть ясным, оратор должен быть откровенным* [В. О. Ключевский. СА: 229]

Человек не всегда видит себя насквозь, поэтому он должен набраться мужества и услышать правду от тех, с кем близок, кому доверяет: *Кто мне скажет правду обо мне, если не друг, а слышать о себе правду от другого – необходимо* [В. Г. Белинский. СА 2004: 44]. Прав тот, кто своевременно и открыто говорит правду: *Мало быть правым, надо быть правым вовремя* [Э. Кроткий. СА 2004: 235]. Узнать правду можно по выражению глаз: *Поймите, что язык может скрыть истину, а глаза – никогда!* [М. А. Булгаков. СА 2004: 67].

Даже горькую, безжалостную правду нельзя скрывать. Несмотря на то, что *не всегда правдой душу вылечишь...* [А. М. Горький. СА 2004: 143], необходимо бестрепетно идти дорогой правды: *В правде надо идти до конца* [С. А. Алексиевич. СА 2004: 22]. Это утверждение конкретизируется речевыми практиками, включенными в узнаваемые ситуации. Например: *Оправдывать виноватого – значит губить его* [А. Г. Алексин. СА 2004: 24]. В язык вошел афоризм, передающий запрет на сокрытие правды и даже полуправды: *Послушай, ври, да знай же меру!* (А. С. Грибоедов) – «шутливо-иронический совет умерить свою фантазию, хоть как-то сообразовывать свои выдумки с требованиями правдоподобия» [ЭСКСВ 2005: 621]; *Изображать одно хорошее, светлое,*

отрадное в человеческой природе – значит скрадывать правду, т. е. изображать неполно и потому неверно [И. А. Гончаров. СА 2004: 117]; *Обращаться с словом нужно честно* [Н. В. Гоголь. СА 2004: 109].

Обмануть можно с помощью уловок – обманных приемов, ухищрений: *Настоящая правда всегда неправдоподобна; чтобы сделать ее правдоподобнее, нужно примешать к ней лжи* [Ф. М. Достоевский. СА 2004: 190]. Обманные приемы в отдельных случаях оказываются позволительными: *Бескорыстное вранье – это не ложь, это поэзия* [С. Д. Довлатов. СА 2004: 177]. Отдельные уступки, мотивирующие обман, не снимают истинности утверждения, основанного на обобщении исторического опыта: *Народ обмануть нельзя* [Н. А. Островский. СА 2004: 331].

Высокий уровень обобщения характерен для афоризмов, свидетельствующих о том, что общенациональный аксиологический выбор остается за правдой: *Ложь – религия рабов и хозяев... Правда – бог свободного человека!* [А. М. Горький. СА 2004: 139]; *В ужасе перед клеветой человек ищет прочной опоры, и оказывается, что нет никакой прочной опоры, кроме правды* [Ф. А. Искандер. СА 2004: 207].

Как антиценности воспринимаются ложь, коварство, клевета. В отличие от правды, ложь ассоциируется с низменными целями и нравственной ущербностью человека: *Больше всего я стыжусь лжи, всегда идущей от трусости и слабости* [А. И. Куприн. СА 2004: 246]; *Одна клевета разрушает все счастье людей* [Л. Н. Толстой. СА 2004: 457]. Ложь опасна своей заразительностью. Она затягивает: *Малая ложь влечет за собой большую ложь* [А. Н. Рыбаков. СА 2004: 420]. Ср.: *Ложь – тот же алкоголизм. Лгуны лгут и умирая* [А. П. Чехов. СА 2004: 560]. Как и правда, ложь оценивается в границах коммуникативного акта: *Ложь оскорбительна для слушателя и опошляет в его глазах говорящего* [А. П. Чехов. СА 2004: 560]. Учитывается позиция адресата, легковерием которого коварно пользуется лжец: *Так уж исстари повелось на свете: обманщики обманывают, а легковерные верят* [М. Е. Салтыков-Щедрин. СА 2004: 429]. Осуждаются лицемерие – ложь, которая прикрывается искренностью, и злонамеренность, которая прикрывается правдивостью. Лицемерный речевой поступок также

характеризуется целевой адресованностью: *Льстят тем, кого боятся* [А. П. Чехов. СА 2004: 560]. Адресант и адресат лжи совпадают, когда человек лжет самому себе. И в этом случае нравственный результат оказывается плачевным: *Ложь перед самим собою – это наиболее распространенная и самая низкая форма порабощения человека жизнью* [Л. Н. Андреев. СА 2004: 25]. Жертвами грязной лжи нередко оказываются незаурядные, выдающиеся люди, которым обычно завидуют: *Клевета и ложь – узаконенный метод политики мещан. Среди великих людей мира сего едва ли найдется хоть один, которого не пытались бы измазать грязью* [А. М. Горький. СА 2004: 136]. Независимо от внешних и внутренних факторов проявления лжи, как и сам лжец, аморальны: *Кто лжет, тот грязен* [А. П. Чехов. СА 2004: 560].

Таким образом, правдивость, искренность кооперативной коммуникации в целом одобрительно оцениваются с морально-этических позиций. Лживость в своих основных проявлениях является безнравственной и поэтому предосудительной. Первичная аксиологема *правда* номинирует общенациональную духовную ценность и одновременно осмысливается как ценность коммуникативная. Производная аксиологема *правдивость* номинирует собственно коммуникативную ценность.

В лексической системе русского языка обнаруживается пересечение смыслов ‘искренность’, ‘правдивость’, ‘откровенность’. Так, искренность мыслится не только как выражение подлинных чувств, но и как ‘правдивость, откровенность’ [УСССРЯ 1978: 210]. Откровенность, в свою очередь, понимается как ничем не скрываемая открытость, ‘доступность для всех’ [См. МАС 1982. Т. 2: 684–685].

Лексема *открытость* в проанализированных афоризмах не употребляется. Аксиологическая оценка открытости искренней речи, содержащей в себе правду, реализуется в суждениях о свободе слова – ментальной национальной ценности: *Взгляните на русского крестьянина: есть ли и тень рабского унижения в его поступках и речи?* [А. С. Пушкин. СКВП 1999: 106]. В речи отражаются свободомыслие, свободолюбие носителей национальной культуры. Свобода слова, открытость правдивого высказывания, которое должно стать общим достоянием,

пересекаются. Запреты извне (цензура) в первую очередь касаются речи художественной и публичной. В воздействующих текстах ярко проявляются независимость, свободолюбие их авторов: *Поймали птичку голосисту / И ну сжимать ее рукой. / Пищит бедняжка вместо свисту, / А ей твердят: «Пой, птичка, пой!»* (Г. Р. Державин) – афоризм «употребляется в качестве иронического комментария к попытке ограничить чью-либо творческую свободу, свободу слова и т. д.» [ЭСКСВ 2005: 608]. И в обыденном, и в официальном общении человек не только фиксирует в своей речи факты и события реальной действительности. Как следует из аксиологического содержания афоризмов, он осмысляет, оценивает правду жизни. Отстаивается право на открытое публичное выражение собственного мнения, одобряется личное и коллективное стремление бороться за свободу слова, которая включается в систему правовых ценностей демократического общества: *Права – не дают, права – берут* (А. М. Горький) – «У человека есть неотъемлемые, принадлежащие ему по «естественному праву» свободы (права) – свобода мыслить, высказывать свое мнение, жить и т. д. Поэтому нельзя ждать, чтобы эти права были дарованы человеку кем-то «сверху», их нужно брать силой, пользоваться ими явочным порядком» [ЭСКСВ 2005: 630]. Открытость, таким образом, понимается не только как реализация права на свободу слова, но и как персональный аксиологический выбор, требующий реализации нравственно-волевых усилий.

Принцип искренности, правдивости, открытости охватывает все сферы речевой коммуникации. Как свидетельствует аксиологическое содержание афоризмов, данный принцип реализуется при условии его соблюдения как адресантом, так и адресатом.

ПРИНЦИП ПРОДУМАННОСТИ РЕЧИ И КОММУНИКАТИВНОГО ПРОГНОЗИРОВАНИЯ. Устная разговорная речь, по наблюдениям специалистов, отличается неподготовленностью, непринужденностью [См.: Русская разговорная речь 1973: 14; Сиротинина 2003: 320 и др.]. В ситуациях повседневности эти свойства разговорной речи нередко служат причиной отрицательного коммуникативного результата.

Неосторожное высказывание приводит к коммуникативным неудачам, нередко наносит говорящему моральной вред: *Слово – выражение мысли и может служить соединению и разделению людей; поэтому нужно с осторожностью обращаться с ним* [А. Н. Толстой. СА 2004: 455]; *Из необдуманных слов, из мелких непоследовательностей, из незаметных оплошностей складывается мало-помалу большая часть человеческих страданий и человеческих подлостей* [Д. И. Писарев. СА 2004: 346]; *Нам не дано предугадать, / Как слово наше отзовется* (Ф. И. Тютчев) – «цитируется как призыв быть осторожным со словом, поскольку оно может и оживить, и глубоко ранить, «убить» человека» [ЭСКСВ 2005: 481]; *Мысль изреченная есть ложь* (Ф. И. Тютчев) – «цитируется как совет внимательно относиться к слову – далеко не всякая высказанная мысль понимается другим человеком адекватно, правильно» [ЭСКСВ 2005: 465]. Аксиологическое содержание приведенных афоризмов позволяет сделать вывод о том, что говорящему следует обдумывать предстоящее высказывание, разрабатывать коммуникативную стратегию с учетом предсказуемости и непредсказуемости речевых реакций коммуникативного партнера. Приведем поддерживаемые формами повелительного наклонения глаголов прямую установку и предостережение: *Когда ты хочешь молвить слово, / Мой друг, подумай – не спеши* [В. А. Солоухин. СА 2004: 443].

Речь должна быть взвешенной, тщательно обдуманной: *Говорят, всякая мысль подобна тесту: стоит помять ее хорошенько – все из нее сделаешь* [И. С. Тургенев. РЯА 2008: 30]. Работа мысли предостерегает от собственно коммуникативных и практических ошибок, которые порой никак не исправить: *Ошибка в мыслях вызывает ошибку в словах, ошибка в словах вызывает ошибку в делах* [Д. И. Писарев. СА 2004: 349]; *Нынче всякий должен жить по своей воле. Сорвалось с языка, так уж нечего делать, назад не спрячешь* [А. Н. Островский. СА 2004: 322]. Неслучайно в одном синонимическом ряду с фразеологизмом *сорвалось с языка* находятся сочетания *сболтнуть лишнее, брякнуть, не подумавши* и др. [См.: Тришин]. Необдуманная речь может поставить говорящего в неловкое положение.

Склонность к обдумыванию предстоящих речевых высказываний характеризует особый тип коммуникативной личности: *Люди различаются еще тем, что одни прежде думают, потом говорят и делают, а другие прежде говорят и делают, а потом думают* [Л. Н. Толстой. СА 2004: 471]. От собеседника ждут умных, оригинальных мыслей. Если глубина предварительного осмысления предмета речи отсутствует, сама речь воспринимается как несерьезная, не соответствующая сути обсуждаемого вопроса: *Чем скорее и стремительнее высказывается впечатление, тем чаще оно оказывается поверхностным и мимолетным* [Н. А. Добролюбов. РА]. Несерьезное впечатление в такой ситуации производит и сам говорящий. Отсюда совет: *Кому нечего сказать своего, тому всего лучше молчать* [В. Г. Белинский. СА 2004: 43]. Кроме того, полезна концентрация мысли на одной предметной теме. В противном случае прогнозируется коммуникативная неудача, нанесение вреда себе и/или коммуникативному партнеру: *Рассуждать о многом трудно, а порою и опасно* [В. Г. Бенедиктов. ЭСКСВ 2005: 670]. Добивается искомого результата тот, кто целенаправленно облачает свою мысль в лаконичную форму, предварительно отбирая меткие, выразительные слова: *Будьте скупы на слова. Пусть каждое из них, как заостренная стрела, бьет прямо в цель* [А. Н. Толстой. СА 2004: 451]. Обдуманность, прогнозирование требуются в диалоге с человеком изворотливым: *Говоря с хитрецом, взвешивай ответ свой* [К. Прутков. РА].

Формируется установка для неразговорчивого человека: *Когда не можешь толком ничего сказать, напиши...* [Е. М. Скоблов. РА].

Таким образом, отмеченный принцип, точно представленный в семантике фразеологизмов, детализируется, доказывается. Одобряется взвешенная речевая партия говорящего, которой предшествует коммуникативная стратегия, предполагающая обдумывание предметной темы, прогнозирование ее развития, а также прогнозирование реакций собеседника и возможностей дальнейших коммуникативных контактов. Аксиологическое содержание рассмотренных афористических высказываний сконцентрировано на речевом поведении говорящего. Реакции адресата рассматривается как сопутствующие.

ПРИНЦИП ВДУМЧИВОГО ВОСПРИЯТИЯ ЗВУЧАЩЕЙ РЕЧИ. Для достижения эффективности общения необходимо адекватное восприятие речи адресатом. В русской афористике сформулированы аксиологические суждения и установки, позволяющие выделить принцип вдумчивого восприятия звучащей речи: *В беседе самое полезное и самое трудное – слушать* [В. Е. Михальцев. РА]. В общении слушание – знак внимания к собеседнику, поддержки обратной связи при условии соблюдения координации говорения / слушания в конкретной ситуации общения: *Хороший собеседник не даст Вам закрыть рта* [Е. Кашеев. РА]; *Вернуться к молчанию в том смысле, что говорить для себя, а молчать – от внимания к другому. Просить молчания, значит просить внимания к человеку* [М. М. Пришвин. СА 2004: 360]. Участники общения имеют равные права на выражение собственных мыслей и чувств, но должны соблюдать принцип другоцентризма, понимать, когда приходится прекратить говорить, чтобы предоставить слово коммуникативному партнеру: *Тише, ораторы! Ваше слово, товарищ маузер!* (В. В. Маяковский) – «цитируется шутливо-иронически, как призыв выслушать мнение человека, кому действительно есть что сказать по данному вопросу» [ЭСКСВ 2005: 759].

Слушание – это особое коммуникативное умение, которое следует осваивать. Аксиологические установки: *Если хочешь быть умным, научись разумно спрашивать, внимательно слушать, спокойно отвечать и перестань говорить, когда нечего больше сказать* [Л. Н. Толстой. РА]; *Детей нужно учить говорить, а взрослых слушать* [А. С. Кушнер. РА]. Императивные глагольные сочетания *научись слушать, нужно учить слушать* акцентируют внимание на то, что навыки коммуникативного поведения адресата, соответствующие константам кооперативного речевого взаимодействия, формируются опытным путем, в процессе разнообразных речевых контактов, а также с помощью авторитетных наставников.

Нередко установка на вдумчивое слушание вытесняется неудержимым желанием говорить: *Умение слушать теряется, едва приобретается умение говорить* [Е. Кашеев. РА]. Слушание требует больше усилий, чем говорение:

Человеку дан один язык, чтоб говорить, и два уха, чтобы слушать [М. Е. Салтыков-Щедрин 2008: 97]; *Будь первым, когда надо слушать, и стань последним, когда надо говорить* [Э. М. Капиев. РЯА 2008: 124].

При восприятии устной речи особое усилие следует приложить к пониманию содержанию услышанного: *Большинство путает «уже слышали» с «уже поняли»* [А. В. Круглов. РЯА 2008: 146]. Требуется аналитическое восприятие речи собеседника, т. к. произнесенные слова могут иметь скрытый смысл: *Слушай смысл, а не слова* [К. Кропоткин. РА]; *Если на клетке слона прочтешь надпись: «буйвол», – не верь глазам своим* (К. Прутков) – «цитируется как шутливо-иронический совет критически относиться к чужим словам, мнениям, оценкам, рекомендациям и т. д.» [ЭСКСВ 2005: 238]. Вдумчивое восприятие речи важно при трактовке истинности комплиментов, похвал, которые сделаны неискренними людьми. Прямые установки: *Не слушайте никогда тех, кто говорит дурно о других и хорошо о вас* [Л. Н. Толстой СА 2004: 473]; *Обиды не страшась, не требуя венца, / Хвалу и клевету приемли равнодушно / И не оспаривай глупца* [А. С. Пушкин. РЯА 2008: 118]. Особо выделяется гендерный фактор: *За тысячи лет общения с мужчинами женщины выработали особый тайный язык, в котором обычные слова приобрели совершенно иной смысл, помимо прочего...* [Ю. М. Поляков. СА 2004: 357].

Внимательное, вдумчивое восприятие речи способствует взаимопониманию: *Если вы хотите, чтоб с вами спорили и понимали вас, как должно, то и сами должны быть добросовестно внимательны к своему противнику и принимать его слова и доказательства именно в том значении, в каком он обращает их к вам* [В. Г. Белинский. СА 2004: 40]. Поверхностное восприятие речи влечет за собой неадекватные реакции и может стать причиной коммуникативных неудач: *Пустые ответы убивают справедливые вопросы и отводят ум от дела* [А. И. Герцен. СА 2004: 100].

Аксиологическое содержание афоризмов позволяет выделить комплекс умений, необходимых для реализации прав и обязанностей адресата, коммуникативное поведение которого должно соответствовать принципу

вдумчивого восприятия звучащей речи.

ПРИНЦИП УВАЖИТЕЛЬНОСТИ И ВЕЖЛИВОСТИ. Уважение предполагает соблюдение норм речевого этикета, реализацию в речи «языковых знаков и правил их употребления <...> с целью установления речевого контакта между собеседниками и поддержания общения в эмоционально положительной тональности в соответствии с речевой ситуацией» [Балакай 2001: 3]. Русский речевой этикет основан на конвенциональных константах кооперативной коммуникации, прежде всего – на соблюдении принципа другоцентризма, предполагающего предупредительность, обходительность, деликатность, знание и автоматическое умение реализации форм доброжелательного обхождения. По наблюдениям специалистов, текущее время характеризуется формированием «новой русской вежливости», во многом не соответствующей исторически сложившимся традициям [См.: Кронгауз 2008: 84–89]. Афористические высказывания выделяют контактоустанавливающую функцию речевых средств выражения вежливости в отличие от средств «негативной вежливости», разрушающих кооперативное взаимодействие [См.: Brown 1987]. Афоризмы позволяют осмыслить аксиологическую базу вежливого кооперативного общения.

Связанные с этическими нормами навыки вежливого речевого поведения формируются в процессе воспитания и получения образования. Воспитанным является человек, освоивший систему речевых этикетных стереотипов (формул), умеющий хорошо вести себя, т. е. соблюдающий правила этикета. Закономерно, что прилагательные *образованный, воспитанный* входят в состав афористических суждений: *Пища столь же необходима для здоровья, сколь необходимо приличное обращение человеку образованному* [К. Прутков. ОАЦ 2013: 16]; *Воспитанные люди уважают человеческую личность, а потому всегда снисходительны, мягки, вежливы, уступчивы* [А. П. Чехов. СА 2004: 553]; *Вежливость есть символически условное выражение уважения ко всякому человеку* [Н. А. Бердяев. БКА 2001: 62]. Снисходительность противостоит нарушающему принцип другоцентризма высокомерию, т. е. ‘надменному отношению’ [См.: ТСРЯ 2008: 137] к собеседнику. Коммуникант должен признавать право другого на независимую точку зрения.

Чужое мнение необходимо уважать: *Уважение к чужому мнению, уму – признак своего* [В. О. Ключевский. СА 2004: 229]. Чтобы другие тебя уважали, необходимо сохранять чувство собственного достоинства и быть деликатным, обходительным по отношению к коммуникативному партнеру: *Кто сам себя не уважает, того, без сомнения, и другие уважать не будут* [Н. М. Карамзин. СА 2004: 218]. Этически непозволительным является неуважительное отношение к личности другого: *Презирать людей – есть какое-то пасмурное наслаждение...* [Л. Н. Толстой. СА 2004: 477]; *Кто легко склонен терять уважение к другим, тот прежде всего не уважает себя* [Ф. М. Достоевский. СА 2004: 189].

Культурно-специфической является интерпретация вежливости как проявления терпения. Лексема *терпение* относится к ключевым вербальным знакам русской ментальности [Колесов 2014. Т. 2: 281]: *Терпению россиян можно завидовать, но нельзя воспрепятствовать* [Ф. Е. Топорищев. РЯА 2008: 22]. Представляется, что в коммуникации вежливость предполагает соблюдение принципа сдержанности, регулирующего механизмы общения. Прямая установка: *Потерпи, пока твои советы не станут полезными, а указания – ценными* [Ф. Е. Топорищев. РЯА 2008: 85].

Аксиологическое содержание афористических высказываний, включающих аксиологемы *вежливость, уважение, взаимопонимание, согласие, воспитанность, образованность, терпение*, позволяет интерпретировать принцип уважительности и вежливости как конкретизацию принципов (констант) другоцентризма, коммуникативной сдержанности и эмоционального самоконтроля. Поскольку эпохальные социальные перемены (Октябрьская революция; распад Советского Союза) способствовали перестройке системы этикетных формул, актуальными становятся независимые суждения и установки авторов афоризмов, связанные не только с собственно лингвистической, но и с морально-нравственной аксиологической значимостью вежливости.

ПРИНЦИП ВЗАИМОПОНИМАНИЯ, СОГЛАСИЯ. Взаимопонимание, согласие формируется в процессе кооперативного речевого общения. Кооперация создается усилиями и говорящего, и слушающего: *Взаимопонимание требует*

понимания взаимности [А. С. Кушнер. РА]. Ценится взаимопонимание, согласие, существующее между близкими: *Нет в мире ничего более счастливого, чем согласие между близкими людьми, и ничего страшнее умирающей любви, – никем из любящих не заслуженной, необъяснимой* [К. Г. Паустовский. СА 2004: 335]. Чувство удовлетворения участникам общения приносит не только достигнутое единодушие, но личностные реакции коммуникативного партнера: *Только те семейные и общественные отношения могут быть крепки, которые вытекают из внутреннего убеждения и оправдываются добровольным, разумным согласием всех в них участвующих* [Н. А. Добролюбов. РА]; *Хорош тот, кто с тобой согласен* [Е. М. Скоблов. РА]. Коммуникативный партнер, с которым нельзя найти общий язык, исключается из круга «своих»: *Не наш человек* (Ф. М. Достоевский) – «шутливо-иронически о человеке, который чем-либо отличен от говорящего, не разделяет его взглядов, мнений, вкусов и т. д.» [ЭСКСВ 2005: 502].

В афористических суждениях взаимопонимание интерпретируется как «концепт-максимум». Акцентируются способы достижения согласия между коммуникантами. Взаимопониманию способствует общий язык: *Для того, чтобы люди быстрее и лучше понимали друг друга, они должны говорить одним языком* [А. М. Горький. СА 2004: 129]. Чтобы найти общий язык, необходимо одинаково понимать тему, суть разговора, вдумываться в значения слов и выражений. В противном случае взаимопонимание разрушается: *Говорящие на одном языке зачастую не понимают друг друга без переводчика* [М. Я. Генин. РА]; *Если два человека говорят одинаково, это не значит, что они говорят одно и то же* [Б. Г. Кузнецов. РА]. Для достижения контакта важно использование говорящим понятных, доступных для собеседника языковых средств: *Искусство диалога – в умении говорить на языке собеседника* [И. Н. Шевелев. РА]. Важно также соблюдать принцип искренности: *Одно условие понимать друг друга: говорить искренно и от полноты душевной...* [В. Ф. Одоевский. СА 2004: 300]. При участии в диалогическом взаимодействии необходимо понять и по возможности принять отличную от собственной точку зрения: *Взаимопонимание – это понимание того, что все мы разные, а не попытки-пытки сделать другого «лучше»!* [В. В. Борисов.

РА]. Важным является соблюдение принципа другоцентризма: *Люди легко находят общий язык, если не оспаривается их право говорить на разных* [В. Л. Туровский. РА]. Излишняя категоричность деструктивна: *Стоящие на своем всегда расходятся* [Г. Е. Малкин. РА]. Спор ради спора (а не во имя поиска правды) оказывается бесполезным: *В спорах забывается истина* [Л. Н. Толстой. СА 2004: 458]. Взаимопонимание невозможно при отсутствии желания его достижения: *Иные так хорошо знают друг друга, что не хотят понимать один другого* [А. С. Кушнер. РА].

Таким образом, аксиологическое содержание афористических высказываний позволяет интерпретировать принцип взаимопонимания и согласия как ключевое условие кооперативной коммуникации, а также как результат гармонического речевого взаимодействия. Данный принцип поддерживается аксиологемами *искусство диалога, взаимность, взаимопонимание, согласие, общий язык*.

3.3. Лингвокультурные типы: опыт лингвоаксиологической интерпретации

Аксиологическое содержание отобранных для анализа афористических высказываний позволяет составить представление о лингвокультурных типажах лжеца, сплетника, клеветника, льстеца, человека слова, правдолюбца, болтуна, молчуна, человека пишущего и др. В данном разделе диссертации представлен опыт лингвоаксиологической интерпретации лингвокультурных типажей болтуна, молчуна и человека пишущего.

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ ТИПАЖ БОЛТУНА. Выделяются афористические высказывания, содержащие аксиологическую оценку болтуна [См.: Дао Динь Тхао 2019а]. Например: *Болтун подобен маятнику: того и другой надо остановить* [К. Прутков. ОАЦ 2013: 23]. Приведенный афоризм состоит из двух частей, соединенных причинно-следственными отношениями. Первая часть содержит индивидуальное сравнение, подчеркивающее склонность говорящего к

повторам, отсутствие в его речи связующего звена, колебания мысли. Прослеживается концептуально значимая характеристика болтуна как человека без твердых убеждений. Вторая часть высказывания содержит установку, полезную для коммуникативного партнера. Модальность необходимости (*надо*) усиливает впечатление бессмысленности, бесполезности коммуникативного контакта с болтуном, целесообразность прекращения контакта с ним при решении серьезных вопросов.

Крылатыми стало ироническое высказывание: *Болтун – находка для шпиона* (А. А. Радаков) – афоризм «цитируется в качестве замечания излишне говорливому человеку, призыва к соблюдению коммерческой или иной тайны» [ЭСКСВ 2005: 67]. В шутивно-иронической форме передается имплицитный призыв к неразглашению конфиденциальной информации. Именно поэтому болтун – не тот человек, которому можно доверять.

В ряде случаев афористические высказывания включают субстантивированное существительное, непосредственно характеризующее лингвокультурный типаж, например: *Язык мудрого – в сердце, сердце глупого – на языке* [Н. С. Шелгунов. РА]. Болтун предстает как глупец. Реализуется фигура тождества: болтливый уподобляется глупому. Следовательно, глупо выбалтывать то, что составляет личное переживание и не предназначено для чьих-либо ушей.

Болтун – человек поверхностный, не склонный к размышлениям: *Кто много говорит, тому не остается времени подумать* [Д. С. Лихачев. РА]. Пустые разговоры (бессодержательные, бесполезные) – продукт речевой деятельности болтуна – человека неосновательного, не занятого полезным делом: *Ничто так не поощряет праздность, как пустые разговоры. Если бы люди молчали и не говорили тех пустяков, которыми они отгоняют от себя скуку праздности, они не могли бы переносить ее* [Л. Н. Толстой. СА 2004: 475]; *Люди запутываются в массе лишних слов* [А. М. Горький. РА].

Отрицательную аксиологическую маркированность получает неумение болтуна мыслить сосредоточенно: *Чем скорее и стремительнее высказывается впечатление, тем чаще оно оказывается поверхностным и мимолетным* [Н.

Добролюбов. РА]. Возникают ассоциации с отмеченными выше фразеологизмами, включающими слово *язык*. Болтун характеризуется как человек неглубокий, поверхностный, не умеющий *держат язык за зубами* и не способный к глубокому чувству.

В афористических суждениях болтовня, пустословие чаще всего приписываются женщинам: *Семейный диалог есть монолог женщины* [Л. С. Сухоруков. РА]; *С женщиной легче вести диалог, если ее не перебивать* [М. М. Мамчич. РА]. Объектом иронии может стать не только женская логика, но и содержание женской речи: *Подслушивать женские разговоры бессмысленно: они не поддаются расшифровке* [Е. Кашеев. РА].

Таким образом, лингвокультурный типаж болтуна включает набор аксиологически значимых характеристик: ‘склонность к пустословию, многословию’, ‘несдержанность’, ‘неумение хранить свою и чужую тайну’, ‘глупость’, ‘коммуникативный эгоцентризм’.

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ ТИПАЖ МОЛЧУНА. В афористических высказываниях молчание осмысливается в ряду взаимосвязанных категорий: *речь – мысль – душевные переживания*. Выделяются афористические высказывания, содержащие аксиологическую оценку молчуна [См.: Дао Динь Тхао 2019a]. Молчун предстает как «внутренний человек» [Бахтин 1979: 89] – сложный, загадочный, скрытный. Молчун, в отличие от человека «внешнего» (наружного), склонен скрывать не только свои мысли, но и чувства, внутренние переживания: *Кто много думает, тот мало говорит, стараясь втиснуть возможно больше мыслей в немногие слова* [В. О. Ключевский. РА]. Молчаливый человек отличается сосредоточенностью, способностью к сложным мыслительным операциям и становится более открытым, если находится в кругу своих: *Есть люди очень замкнутые в широком кругу и очень открытые узкому кругу* [И. Н. Шевелев. РА].

Образ молчуна воспринимается в границах коммуникативного взаимодействия с учетом конвенциональных правил ролевого поведения адресанта и адресата. Чтобы понять «внутреннего человека», адресат должен приложить умственные усилия: *К молчанию некоторых людей надо прислушиваться* [И.

Иванюк. РА]. Молчун, в свою очередь, предстает как коммуникативный партнер, который может понимать все и всех интуитивно, читать мысли молчащего собеседника: *О чем говорить с человеком, с которым не о чем помолчать!?* [М. Я. Генин. РА]. Умение понимать друг друга без слов интерпретируется как коммуникативная ценность.

Молчун, будучи человеком эрудированным, способен понять интеллектуальную составляющую молчания коммуникативного партнера: *Так много знал, что с ним можно было помолчать на любую тему* [М. Я. Генин. РА]. Молчание трактуется также как возможность собеседников не озвучивать то, о чем трудно или неловко говорить. Последнее обуславливает одобрительную аксиологическую маркированность формулы совместности *вместе помолчать*.

Молчание отличает человека от животного, а молчун в ряду себе подобных воспринимается как человек особенный: *Умением говорить выделяются люди из мира животных; умением молчать выделяется человек из мира людей* [Л. Д. Ландау. РА]. Молчун может заслужить искреннюю любовь: *Красивых любят чаще и прилежней, / Веселых любят меньше, но быстрее. / И молчаливых любят, только реже, / Зато уж если любят, то сильнее* [В. С. Высоцкий. РА];

Осуждается молчун-манипулятор: *А, впрочем, он дойдет до степеней известных, / Ведь нынче любят бессловесных* [А. С. Грибоедов. РЯА 2008: 12]. Афоризм может восприниматься как негативная оценка человека молчащего – не спорящего, поддакивающего, чтобы добиться своей цели. В этом случае молчание интерпретируется как приспособленчество.

Таким образом, лингвокультурный типаж молчуна – «внутреннего человека» – включает набор аксиологически значимых понятийных характеристик: ‘неразговорчивость’, ‘сосредоточенность’, ‘вдумчивость’, ‘способность понять другого без слов’, ‘умение хранить тайну’, ‘интеллектуальная и эмоциональная зрелость’. Осуждаются молчание как обманная уловка и молчун-приспособленец.

Аксиологическое содержание афористических высказываний позволяет не только подтвердить, но и расширить отраженные в зеркале фразеологии представления о лингвокультурных типажах-антиподах. В межличностном

общении не одобряются чрезмерное многословие, ценятся сдержанность и способность к взаимопониманию – интеллектуальному и эмоциональному. Афоризмы, транслирующие вербально выраженные аксиологические суждения о болтуне и молчуне, оценивают и характеризуют не только манеру речевого поведения, но и формируют важные для понимания русского характера психологически определенные образы этнотипажей-антиподов – человека «внешнего» и человека «внутреннего».

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ ТИПАЖ «ЧЕЛОВЕК ПИШУЩИЙ».

Лингвокультурный типаж «человек пишущий» – «есть не что иное, как продукт комбинаторики, при этом возникающая комбинация отличается <...> относительной устойчивостью» [Барт 2001: 82]. В то же время в каждой лингвокультуре существует особое представление о человеке пишущем.

Как показал анализ пласта фразеологизмов с опорным семантическим центром *перо*, в литературоцентрической русской лингвокультуре формируется этнотипаж человека пишущего – литератора. Чтобы охарактеризовать этот типаж, мы обратились к «Словарю крылатых выражений Пушкина» [СКВП 1999]. Составители называют пушкинизмами все «пушкинские цитаты описательно-бытового или поэтического характера», «крылатые фразы-афоризмы, «выражения полуфразеологического типа», «обороты фразео-перифрастического характера», «крылатые выражения-фразеологизмы» и «пушкинские слова-образы, слова-символы» [Там же: 16–17].

Для предварительного осмысления афоризмов А. С. Пушкина, связанных с лингвокультурным типажом «человек пишущий», обратимся к понятийным признакам изучаемого типажа по данным толковых словарей русского языка. Слово *пишущий* характеризуется как действительное причастие настоящего времени от глагола *писать*. Одно из значений глагола *писать* – ‘сочинять, создавать какое-либо словесное произведение’ [МАС 1983. Т. 3: 125] – уточняет вид речевой деятельности субъекта. Пишущим может быть не только поэт, писатель, литератор, но и любой человек, занимающийся производством письменной речи. М. Н. Эпштейн специально выделяет типаж «человек пишущий»

(Homo Scriptor) как объект «скрипторики» – комплексной научной дисциплины «о человеке пишущем, о письме и письменной деятельности как образе жизни и способе отношения к миру, <...> о пишущих индивидах или коллективах, об экзистенциальном, национальном или конфессиональном отношении к письму» [Эпштейн 2008: 125]. Он подчеркивает, что для многих «жить – значит писать. <...> Все мы – скрипторы, а значит, скрипторика – это и о нас, о нашей жизни и попытках бессмертия» [Там же]. Соглашаясь с приведенным положением, уточним, что в выполненной на материале фразеологии и афористики диссертационной работе «человек пишущий» рассматривается как мастер слова, поэт, наделенный ‘поэтическим отношением к действительности, жизни’ [ТСРЯ 2008: 713]. Типаж «человек пишущий» является результатом комбинаторики понятийно значимых смыслов: ‘занимающийся сочинением, написанием художественных произведений’; ‘обладающий поэтическим отношением к окружающему, к жизни’.

А. С. Пушкин не только признанный классик русской литературы, но и мыслитель. В его творчестве «все, казалось бы, уже истолковано, проповедано, заучено наизусть и вошло в пословицу. И тем не менее и читатели, и интерпретаторы продолжают искать и находить в нем новые и новые источники мудрости и душевного просветления» [СКВП 1999: 5]. Пушкинские произведения являются ценным источником данных о русской ментальности. В то же время его афористические суждения транслируют общечеловеческие ценности. Последним обуславливается наш выбор объекта исследования. Из отмеченного словаря методом сплошной выборки были извлечены афоризмы, содержащие авторскую интерпретацию типажа «человек пишущий – поэт» [Дао Динь Тхао 2019б]. С опорой на отмеченное издание указываются название произведения А. С. Пушкина и год его создания. По принципу дополнения используются афоризмы вьетнамских писателей, извлеченные из электронного ресурса [KTDN]. Перевод афоризмов на русский язык осуществлен автором диссертации.

Человек пишущий – поэт, одаренный Богом талант: *Дар напрасный, дар случайный, / Жизнь, зачем ты мне дана? / Иль зачем судьбою тайной / Ты на казнь осуждена?* [Дар напрасный, дар случайный, 1828]. Повтор выделяет аксиологему

дар – ‘способность, дарование, талант’ [МАС 1981. Т. 1: 364]. Личное местоимение *мне* позволяет понять, что лирическим героем является именно поэт, ощущающий свой талант. В то же время поэт нередко сомневается в востребованности своего таланта. Его творения – и торжественные, символические, прославляющие отчизну (*гимны*), – и обыденные, умиротворяющие (*песни ... фригийских пастухов*) – создаются по велению Неба, а также в соответствии с жизненными устоями и традициями: *Гимны важные, внушенные богами, / И песни мирные фригийских пастухов* [Муза, 1821].

Поэтическое творчество – тайна, разгадка которой подвластна лишь новатору, не скованному догмами: *И даль свободного романа / Я сквозь магический кристалл / Еще не ясно различал* [Евгений Онегин, 1823–1831]. Поэт призван быть творцом нового. Эту мысль разделяет писатель Нам Као: *Văn chương chỉ dung nạp được những người biết đào sâu, biết tìm tòi, khơi những nguồn chưa ai khơi và sáng tạo những cái gì chưa có* (Нам Као) – *В литературу входит только тот, кто вникает в проблему, открывает нераскрытое, неизведанное, творит то, чего не было* (Нам Као).

Интеллект, духовность, пристальное изучение текущей жизни в сочетании с парадоксальным мышлением приводят человека пишущего к обнаружению ранее неизвестного, феноменального: *О, сколько нам открытий чудных / Готовит просвещения дух, / И опыт, сын ошибок трудных, / И гений, парадоксов друг...* [Отрывки, 1829]. Поэт дарует миру нетленные эстетические ценности – высокую словесность, гармонию: *Где пел Торквато величавый; / Где и теперь во мгле ночной / Адриатической волной / Повторены его октавы* [Кто знает край, где небо блещет, 1828].

Человек пишущий предстает как пророк, Божий избранник, призванный вдохновлять, воодушевлять народ: *Глаголом жги сердца людей* [Пророк, 1826]. В приведенном пушкинизме лексема *глагол* употребляется в значении ‘слово, речь’ [Фасмер 2007. Т. 1: 430]. Афоризм оформлен как ставшая крылатой прямая аксиологическая установка. Поэзия – достояние народа. Ее задача – пробуждать в людях высокие чувства добра, справедливости (нравственные ценности),

побуждать к сопротивлению злу.

Гражданский долг поэта – говорить правду: *Беда стране, где раб и льстец / Одни приближены к престолу, / А небом избранный певец / Молчит, потупя очи долу* [Друзьям, 1828]. Глубина суждения позволяет трактовать его как не связанное с определенным отрезком времени: не только раболепство, льстивость, трусость лиц, приближенных к власти, но и гражданская пассивность поэта наносят вред стране. Голос поэта должен быть услышанным даже в самое мрачное время. Ср.: *Làm nhà văn nếu không lý giải được những vấn đề có ích cho cuộc sống thì cầm bút mà làm gì?* (Nguyễn Mạnh Tuấn) – *Если писатель не может объяснить вопросы, связанные с жизнью народа, тогда зачем он пишет?* (Нгуен Мань Туан). Афоризм вьетнамского писателя может трактоваться как имплицитный призыв говорить правду, писать о народе и для народа.

Противоречат божественному предназначению поэта празднословие, хитрость, ложь: *Грешный мой язык, / И празднословный, и лукавый* [Пророк, 1826]. Пушкинизм трактуется как суждение о «поэтическом даре, растрачиваемом напрасно» [СКВП 1999: 42].

Обладая талантом, прозорливостью, человек пишущий должен, в соответствии с общественными ожиданиями, реалистически изображать действительность, не фальсифицировать историю, использовать перо в интересах народа, способствовать формированию культурной памяти нации: *Мечты поэта, / Историк строгий гонит вас! / Увы! Его раздался глас, – / И где ж очарованье света!* [Герой, 1830]. Афоризм трактуется как суждение об «отдаленности содержания литературного произведения от действительности» [СКРП 1999: 121]. Отметим отсутствие категоричности: романтическое очарование – характерологическая особенность поэтического произведения, плод воображения творца. Ср.: *Nghệ thuật không cần phải là ánh trăng lừa dối, nghệ thuật không nên là ánh trăng lừa dối, nghệ thuật chỉ có thể là tiếng đau khổ kia thoát ra từ những kiếp lầm than* (Nam Cao) – *Искусство должно быть не лживым лунным лучом, но изображением мучительных голосов от нищенских судеб* (Нам Као). Афоризм вьетнамского писателя-реалиста транслирует одну из важнейших ценностей,

включенную в контекст времени, когда Вьетнам был французской колонией (1858–1945). Человек пишущий призван отражать в своих произведениях насущные проблемы общественной жизни. В обоих случаях значимость приобретает дихотомия ложь – истина.

Поэт объективно оценивает свои произведения, опираясь на осознание долга и призвания. Он уверен в том, что эмоционально-нравственные порывы найдут благодарный отклик в сердцах людей. Народ всегда будет ценить своего поэта: *Я долго буду тем любезен я народу / Что чувства добрые я лирой пробуждал* [Я памятник себе воздвиг нерукотворный, 1836].

Будучи неординарной самобытной личностью, поэт оставляет след в истории литературы, так как «из всех материалов самый времяупорный – письменное слово» [Эпштейн 2008: 132]. Эта мысль закреплена в крылатом выражении *Я памятник себе воздвиг нерукотворный* [1836]. Многогранная личность поэта находит воплощение в его текстах. Ср.: афоризм известного вьетнамского поэта-лирика: *Nhà văn tồn tại ở tác phẩm. Không có tác phẩm thì nhà văn ấy coi như đã chết* (Хуân Diệи) – *Писатель существует в своих произведениях, без которых он бы оказывался мертвым* (Суан Зиеу).

Поэт – это «человек внутренний» [Бахтин 1979: 89], самодостаточный. Он должен быть готов к тому, что «слава и популярность непостоянны, преходящи» [СКРП 1999: 230]: *Поэт! не дорожи любовью народной. / Восторженных похвал пройдет минутный ум; / Услышишь суд глупца и смех толпы холодной: / Но ты останься тверд, спокоен и угрюм* [Поэту, 1830]. Афоризм является прямой аксиологической установкой, оформленной как побудительное предложение. Персональные «аксиологические оценки» [Бартминьский 2005: 32] и ценностные предпочтения: верность сложившимся взглядам, чувство собственного достоинства, трезвый ум, уравновешенность. Человек пишущий – критик и строгий судья собственных творений. Его отличает способность к независимой объективной самооценке: *Всех строже оценить умеешь ты свой труд / Ты им доволен ли, взыскательный художник? / Доволен? Так пускай толпа его бранит / И плюет на алтарь, где твой огонь горит, / И в детской резвости колеблет твой*

треножник [Поэту, 1830].

Честный, неподкупный поэт – совесть народа, плоть от плоти народа. Он понимает чаяния народа, его горести, эхом отзывающиеся в душе: *И неподкупный голос мой / Был эхо русского народа* [К. Н. Я. Плюсковой, 1818]. Ср.: *Chỉ có nhân dân mới nuôi dưỡng cho sáng tác của nhà văn bằng những nguồn nhựa sống. Còn nếu các nhà văn quên điều đó, nhân dân cũng sẽ quên anh ta* (Hồ Chí Minh) – *Только народ жизненным соком питает творчество писателей. Если писатели забывают об этом, их самих забывает народ* (Хо Ши Мин). Высказывание Хо Ши Мина как автора поэтических произведений подтверждает неразрывную связь человека пишущего с народом.

Поэзия рождается по вдохновению. Лирическое Я находит свободное воплощение в поэтическом произведении: *Душа стесняется лирическим волненьем, / Трепещет и звучит, и ищет, как во сне, / Излиться наконец свободным проявлением* [Осень. Отрывок, 1833]. Ср.: *Не для житейского волненья, / Не для корысти, не для битв, / Мы рождены для вдохновенья, / Для звуков сладких и молитв* [Поэт и толпа, 1828]. Погрязшие в разврате не способны оценить поэтическое творчество: *Подите прочь – какое дело / Поэту мирному до вас! / В разврате каменейте смело: / Не оживит вас лиры глас!* [Там же].

Поэт должен быть готов к тому, что он не всегда является голосом толпы. Его произведения не должны натуралистически отражать бытовую реальность, которую он вправе осмысливать субъективно: *Пока не требует поэта к священной жертве Аполлон* [Поэт, 1827]. Это пушкинское суждение «о противопоставлении творчества поэта реальной (бытовой) обстановке, о противоречивости, соединении разных начал в жизни поэта и его творчестве» [СКРП 1999: 170].

Таким образом, афористические суждения А. С. Пушкина позволяют выявить набор ценностных характеристик, свойственных обобщенному лингвокультурному этнотипу «человек пишущий – поэт»: наделенный особым даром автор эстетически значимых произведений высокой словесности; плоть от плоти народа; носитель духовно-нравственных ценностей; хранитель исторической памяти; пророк. Выделяются также личностные качества поэта как «человека пишущего»:

интеллект, свободолюбие; независимость, неподкупность, осознание гражданского долга, душевая отзывчивость, мечтательность, чувство прекрасного. Раболепство, льстивость, трусость, ложь, празднословие, хитрость исключаются из системы персональных ценностей человека пишущего.

Афоризмы классика русской литературы транслируют ментально значимые ценности: поэтическое дарование, высокая поэзия, вдохновение, творчество, правда, добро. Срезовой контрастивный анализ позволяет говорить об аксиологическом универсализме А. С. Пушкина.

Выборка афористических суждений о человеке пишущем дает основания утверждать, что в русской языковой картине мира закреплено представление о наделенном особым даром поэте, который осознает свой гражданский долг, у которого *только и есть один учитель – сами читатели* [Н. В. Гоголь. СА 2004: 112]. Перспективу исследования составляет, в частности, выделение по данным афористики коммуникативных стратегий и тактик, разрабатываемых литераторами.

Выводы

Афористические высказывания о языке, речи и речевом общении не только подтверждают, но и расширяют выводы, сформулированные в процессе анализа фразеологических единиц русского языка. Лексемы *слово*, *язык* в составе афористических суждений выступают как аксиологемы – вербальные знаки русской ментальности.

Язык, слово, хорошая речь, межличностное общение, задушевная беседа – базовые ценности, обеспечивающие эффективную коммуникацию. Язык осмысливается не только как собственно коммуникативная, но и как базовая общенациональная ценность в составе триединства *народ – земля – язык*.

Установлено, что в афористических высказываниях эксплицированы

взаимосвязанные принципы русской речевой коммуникации: принцип другоцентризма; принцип коммуникативной сдержанности и эмоционального самоконтроля; принцип искренности, правдивости, открытости; принцип продуманности речи и коммуникативного прогнозирования; принцип вдумчивого восприятия речи; принцип уважительности и вежливости; принцип взаимопонимания, согласия. Интегрирующую функцию выполняет принцип другоцентризма, лежащий в основе кооперативной речевой коммуникации.

Выделенный на материале анализа фразеологии принцип вдумчивого восприятия речи эксплицирован в составе афоризмов, аксиологическое содержание которых позволяет также выделить непосредственно связанные с ним принцип продуманности речи и коммуникативного прогнозирования и принцип уважительности и вежливости. В афористике отражены требования к производству речи, ее восприятию и нормативно-этикетным параметрам.

Принцип искренности, правдивости, открытости интерпретируются авторами афоризмов с учетом концептуального содержания национально-специфического концепта правда в его соотнесенности с концептом истина и охватывает все сферы языкового существования.

Аксиологические константы кооперативной речевой коммуникации формируются на базе номинированных аксиологемами духовно-нравственных, коммуникативных, эстетических ценностей русской лингвокультуры.

Исследованные афористические высказывания являются репрезентативным языковым материалом, позволившим интерпретировать ментально значимые представления о лингвокультурных типажах болтуна, молчуна, а также человека пишущего (поэта). Афористические установки и суждения о типажах болтуна и молчуна углубляют ценностно значимые представления о типажах-антиподах, выявленные по данным фразеологии. Афористические суждения А. С. Пушкина позволили установить набор ценностных характеристик, свойственных обобщенному лингвокультурному типу «человек пишущий – поэт», выделить личностные качества поэта как человека пишущего. В афоризмах А. С. Пушкина вербализованы ментально-специфические и универсальные ценности.

В составе афористических высказываний употребляются первичные и производные аксиологемы, номинирующие коммуникативные ценности русской культуры: *язык, русский язык, родной язык, хороший язык, общий язык, слово, живое слово, сила слова, свобода слова, дар слова, общение, беседа, искусство диалога, истина, правда, правдивый, правдивость, стоять / бороться за правду, искренность, открытость, уважение, терпение, вежливость, воспитанность, образованность, взаимность, понимание, взаимопонимание, согласие, красноречие, вдохновение, творчество, русская литература.*

Заключение

Проведенное исследование основано на идеях и методах русской фразеологии как сложившейся лингвистической дисциплины и лингвоаксиологии как научной дисциплины, складывающейся в настоящее время.

Анализ специальной литературы позволил разграничить узкий и широкий подходы, связанные с определением природы фразеологизмов и их типологией. В работе приняты выделенные В. В. Виноградовым критерии семантической неразложимости, синтаксической неделимости, мотивированности. Совокупность данных критериев используется при решении проблемы типологии устойчивых единиц и проблемы их соотнесения с отдельным словом и свободным словосочетанием. Срезовой контрастивный анализ продемонстрировал универсальность типологии В. В. Виноградова, возможность ее использования в процессе выделения и типологического описания фразеологизмов вьетнамского языка.

В процессе проведенного исследования была доказана выдвинутая гипотеза: сформировавшаяся в русской фразеологии тематически определенная группа устойчивых единиц, в семантике которых содержатся семы 'язык', 'речь', имплицитно транслирует конвенциональные принципы кооперативной речевой коммуникации, которые эксплицитно передаются авторскими афористическими установками и суждениями.

В работе представлено описание 16 тематически определенных подгрупп. По результатам анализа целостного пласта фразеологии установлены базовые коммуникативные ценности русской лингвокультуры и конвенциональные принципы кооперативной речевой коммуникации, выделенные на основе семантического и лингвоаксиологического анализа словарных толкований устойчивых единиц. В семантике последних данные принципы представлены имплицитно. В тексте диссертации они сформулированы в виде суждений, запретов, предостережений, установок, направленных на обеспечение эффективной речевой коммуникации.

Достоверность выводов об аксиологических константах кооперативной речевой коммуникации подтверждена результатами анализа аксиологического содержания афористических высказываний, в которых соответствующие принципы вербализованы. Исследование авторских афоризмов расширяет перечень принципов кооперативного взаимодействия, каждый из которых получает конкретизацию в суждениях и установках.

На материале фразеологизмов и афоризмов, характеризующих язык, речь и речевую коммуникацию, можно выявить аксиологемы, прямо номинирующие коммуникативные ценности русской лингвокультуры и выступающие как органическая составляющая общенационального аксиологического лексикона.

Коммуникативные конвенции обладают национальной спецификой. В то же время можно говорить об универсальных коммуникативных правилах и ценностных установках, связанных с механизмами как русской, так и вьетнамской кооперативной бесконфликтной коммуникации. Перспективу исследования составляет систематизация и типология коммуникативных ценностей русской и вьетнамской лингвокультур.

Полученные научные результаты вносят вклад в теорию лингвистической аксиологии, позволяют углубить сложившиеся представления об аксиологическом содержании тематически определенной группы русских фразеологизмов и афоризмов, подтвердить необходимость специального многоаспектного изучения класса коммуникативных ценностей.

Материалы диссертации могут быть использованы в учебном процессе: на занятиях по русскому как иностранному, а также для разработки спецкурсов по проблемам лингвоаксиологии и коммуникативистике. Интерпретация материалов диссертации с учетом специфики вьетнамской учебной аудитории составляет перспективу их практического внедрения. Еще одна область перспективного практического внедрения результатов проведенного исследования – их использование в разговорниках, предназначенных для вьетнамцев, осваивающих русский язык.

Список использованных словарей русского и вьетнамского языков

1. Александрова З. Е. Словарь синонимов русского языка : практический справочник / З. Е. Александрова. – Москва: Русский язык, 2001. – 568 с.
2. Байрамова Л. К. Аксиологический фразеологический словарь русского языка. Словарь ценностей и антиценностей / Л. К. Байрамова. – Казань : Центр инновационных технологий, 2011. – 360 с.
3. БСРП – Большой словарь русских поговорок / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. – Москва : Олма Медиа Групп, 2007. – 784 с.
4. БФСРЯ – Большой фразеологический словарь русского языка / отв. ред. В. Н. Телия. – Москва : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2009. – 784 с.
5. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. / В. И. Даль. – Москва : Русский язык, 1978–1980.
Т. 1. 1978. – 699 с.
Т. 2. 1979. – 779 с.
Т. 4. 1980. – 683 с.
6. Евгеньева А. П. Словарь синонимов русского языка. В 2 т. Т. 2 / под ред. А. П. Евгеньевой. – Ленинград : Наука, 1971. – 865 с.
7. Крысин Л. П. Иллюстрированный толковый словарь иностранных слов / Л. П. Крысин ; Рос. акад. наук. – Москва : Эксмо, 2011. – 864 с.
8. ЛСГРГ – Лексико-семантические группы русских глаголов : учеб. слов.-справ. / Э. В. Кузнецова, Л. Г. Бабенко, Н. А. Боровикова [и др.] ; под. общ. ред. Т. В. Матвеевой. – Свердловск : Издв-во Урал. ун-та, 1988. – 153 с.
9. Львов М. Р. Словарь антонимов русского языка / под ред. Л. А. Новикова. – Москва : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2008. – 592 с.
10. МАС – Словарь русского языка. В 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз. ; под ред. А. П. Евгеньевой. – Москва : Русский язык, 1981–1984.
Т. 1. А–Й. 1981. – 702 с.
Т. 2. К–О. 1982. – 736 с.
Т. 3. П–Р. 1983. – 752 с.

11. Мокиенко В. М. Толковый словарь языка Совдепии / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. – Санкт-Петербург : Фолио-пресс, 1988. – 704 с.
12. Никитина Т. Г. Молодёжный сленг : толковый словарь / Т. Г. Никитина. – Москва : АСТ: Астрель, 2009. – 1102 с.
13. НБВРС – Новый Большой вьетнамско-русский словарь. В 2 т. / Ин-т языкознания РАН; Ин-т лексикографии и энциклопедий ВАОН. – Москва : Восточная литература, 2012.
Т. 1. А–К – 1276 с.
Т. 2. L–Z. – 1270 с.
14. НРВС – Новый русско-вьетнамский словарь / К. М. Аликанов, И. А. Мальханова. – Москва : АСТ : Восток–Запад, 2007. – 1115 с.
15. Огольцев В. М. Словарь устойчивых сравнений русского языка / В. М. Огольцев. – Москва : Русские словари : Астрель : АСТ, 2001. – 800 с.
16. Бирих А. К. Словарь русской фразеологии: историко-этимологический справочник / А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова. – Санкт-Петербург : Фолио-Пресс, 1998. – 704 с.
17. ССРФ – Словарь современной русской фразеологии / А. В. Жуков, М. Е. Жукова. – Москва : АСТ-Пресс, 2016. – 416 с.
18. Тришин В. Н. Словарь синонимов ASIS / В. Н. Тришин [Электронный ресурс]. URL: https://dic.academic.ru/contents.nsf/dic_synonims/ (дата обращения: 11.04.2020).
19. ТСОШ – Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. ; Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. – Москва : ТЕМП, 2005. – 941 с.
20. ТСРЯ – Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / РАН. Институт русского языка им. В. В. Виноградова ; отв. ред. Н. Ю. Шведова. – Москва : Азбуковник, 2008. – 1175 с.
21. ТСУ– Толковый словарь русского языка. В 4 т. Т. 4 / под ред. Д. Н. Ушакова. – Москва : Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1940. – 1502 стб.

22. УСССРЯ – Учебный словарь сочетаемости слов русского языка / под ред. П. Н. Денисова, В. В. Морковкина. – Москва : Русский язык, 1978. – 688 с.

23. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. / М. Фасмер ; пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. – Москва : Астрел : АСТ, 2007.

Т. 1. – 558 с.

Т. 2. – 671 с.

Т. 4. – 860 с.

24. ФСРЛЯ – Фразеологический словарь русского литературного языка / под ред. Федорова. – Москва : Астрель : АСТ, 2008. – 878 с.

25. ФОС – Фразеологический объяснительный словарь русского языка / под ред. А. Н. Баранова, Д. О. Добровольского. – Москва : Эксмо, 2009. – 704 с.

26. ФСРЯ – Фразеологический словарь русского языка / под. ред. А. И. Молоткова. – Москва : Русский язык, 1978. – 543 с.

27. ФСРЯРК – Фразеологический словарь русского языка / под ред. О. А. Богатыревой. – Москва : Мир и образования, 2018. – 415 с.

28. ФССРЛЯ – Фразеологический словарь современного русского литературного языка. В 2 т. / под ред. проф. А. Н. Тихонова. – Москва : Флинта : Наука, 2004.

Т. 1. – 832 с.

Т. 2. – 832 с.

29. Hoàng Phê. Từ điển tiếng Việt / Hoàng Phê chủ biên. – Hà Nội : Khoa học Nhân văn, 2003. – 1238 tr.

30. Nguyễn Như Ý. Đại từ điển tiếng Việt / Nguyễn Như Ý. – Hồ Chí Minh : Nxb Đại học Tổng hợp quốc gia tp. Hồ Chí Minh, 2009. – 716 tr.

31. Nguyễn Lực. Thành ngữ tiếng Việt / Nguyễn Lực, Lương Văn Đang. – Hà Nội : KHXH, 2009. – 716 tr.

32. Nguyễn Lâm. Từ điển thành ngữ và tục ngữ Việt Nam / Nguyễn Lâm. – Hà Nội : NXB Văn học, 2013. – 352 tr.

Сборники афоризмов

1. БКА – Душенко К. В. Большая книга афоризмов / К. В. Душенко. – Москва : ЭКСМО-Пресс, 2001. – 1056 с.
2. ОАЦ – Прутков К. Самые остроумные афоризмы и цитаты / К. Прутков. – Москва : АСТ, 2013. – 160 с.
3. СА – Королькова А. В. Словарь афоризмов русских писателей XVII-XХ вв. / А. В. Королькова, А. Г. Ломов, А. Н. Тихонов ; под рук. А. Н. Тихонова. – Москва : Русский язык, 2004. – 627 с.
4. Салтыков-Щедрин М. Е. Избранные иронические и саркастические мысли – на разные случаи жизни / сост. и автор предисл. В. В. Прозоров. – Саратов : КИЦ «Саратовтелефильм» – «Добродея», 2008. – 128 с.
5. СКВП – Мокиенко В. М. Словарь крылатых выражений Пушкина / В. М. Мокиенко, К. П. Сидоренко. – Санкт-Петербург : Изд-во СПбГУ ; Фолио-Пресс, 1999. – 752 с.
6. РА – Русские афоризмы: изречения, крылатые выражения [Электронный ресурс]. – URL: <http://aphorismos.ru> (дата обращения: 28.01.2018).
7. РЯА – Векшин Н. Л. Русский язык в афоризмах / Н. Л. Векшин. – Москва : МГУ, 2008. – 184 с.
8. ЭСКСВ – Серов В. В. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений / В. В. Серов. – Москва : Локид-Пресс, 2005. – 852 с.
9. KTDN – Kho tàng danh ngôn [Электронный ресурс]. – URL: <http://khotangdanhngon.com> (дата обращения: 28.10.2018).

Список литературы

1. Алексеев П. В. Теория познания и диалектика / П. В. Алексеев, А. В. Панин. – Москва : АСТ, 1991. – 374 с.
2. Алефиренко Н. Ф. Фразеологическое значение: природа, сущность, структура / Н. Ф. Алефиренко // Грани слова : сборник научных статей к 65-летию проф. В. М. Мокиенко. – Москва : ЭЛИПС, 2005. С. 21–27.
3. Амосова Н. Н. Основы английской фразеологии / Н. Н. Амосова. – Ленинград : ЛГУ, 1963. – 216 с.
4. Анисимов С. Ф. Духовные ценности: производство и потребление / С. Ф. Анисимов. – Москва : Мысль, 1988. – 253 с.
5. Анисимов С. Ф. Введение в аксиологию / С. Ф. Анисимов. – Москва : Современные тетради, 2001. – 128 с.
6. Антонова А. В. Интенция обещания и средства ее выражения в английском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук / А. В. Антонова. – Самара, 2004. – 28 с.
7. Апресян Ю. Д. Избранные труды. Т. II. Интегральное описание языка и системная лексикография / Ю. Д. Апресян. – Москва : Языки русской культуры, 1995. – 768 с.
8. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт / Н. Д. Арутюнова. – Москва : Наука, 1988. – 341 с.
9. Арутюнова Н. Д. Прагматика / Н. Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой; Ин-т языкознания АН СССР. – Москва : Советская энциклопедия, 1990. – С. 389–390.
10. Арутюнова Н. Д. Молчание: Контексты употребления / Н. Д. Арутюнова // Логический анализ языка. Язык речевых действий. – Москва : Наука, 1994. – С. 106–117.
11. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – Москва : Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
12. Арутюнова Н. Д. Наивные размышления о наивной картине мира / Н. Д.

Арутюнова // Язык о языке. – Москва : Языки русской культуры, 2000. – С. 7–19.

13. Архангельский В. Л. Устойчивые фразы в современном русском языке: Основы теории устойчивых фраз и проблемы общей фразеологии / В. Л. Архангельский. – Ростов-на-Дону: изд-во Ростовского ун-та, 1964. – 316 с.

14. Ахманова О. С. Очерки по общей и русской лексикологии / О. С. Ахманова. – Москва : Учпедгиз, 1957. – 295 с.

15. Бабкин А. М. Русская фразеология, ее развитие и источники / А. М. Бабкин. – Ленинград : Наука, 1970. – 263 с.

16. Байкулова А. Н. Семейная беседа / А. Н. Байкулова // Хорошая речь / под ред. М. А. Кормилицыной и О. Б. Сиротининой. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2001. – С. 151–163.

17. Байрамова Л. К. Предисловие / Л. К. Байрамова // Аксиологический словарь фразеологизмов-библейзмов на русском, украинском, белорусском, болгарском, польском, чешском, английском, немецком, французском языках: словарь ценностей и антиценностей / Л. К. Байрамова, В. А. Бойчук. – Казань: Центр инновационных технологий, 2012. – С. 3–29.

18. Балакай А. Г. Предисловие / А. Г. Балакай // Словарь русского речевого этикета. – Москва : АСМ-ПРЕСС, 2001. – С. 3–5.

19. Балакай А. Г. Русский речевой этикет и принципы его лексикографического описания / А. Г. Балакай. – Новокузнецк : НГПИ, 2002. – 228 с.

20. Балашова Л. В. Вербальная коммуникация и ее отражение в идиоматике русского языка / Балашова Л. В. // Прямая и непрямая коммуникация : сб. науч. статей // под ред. В. В. Дементьева. – Саратов : Колледж, 2003. – С. 93–108.

21. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / Ш. Балли. – Москва : Иностр. лит., 1955. – 416 с.

22. Балли Ш. Французская стилистика / Ш. Балли. – Москва : Изд-во иностр. лит., 1961. – 392 с.

23. Баранов А. Г. Когниотипичность текста (К проблеме уровней абстракции текстовой деятельности) / А. Г. Баранов // Жанры речи. – Саратов : Колледж, 1997. – С. 4–12.

24. Баранов А. Н. Аспекты теории фразеологии / А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский. – Москва : Знак, 2008. – 656 с.
25. Баранов А. Н. Основы фразеологии / А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский. – Москва : Флинта : Наука, 2013. – 312 с.
26. Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика / Р. Барт. – Москва : Рипол Классик, 1989. – 616 с.
27. Бартминьский Е. Языковой образ мира : очерки по этнолингвистике / Перевод с польского. – Москва : Индрик, 2005. – 528 с.
28. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – Москва : Искусство, 1979. – 424 с.
29. Бахтин М. М. К философии поступка / М. М. Бахтин // Работы 20-х годов. – Киев : Next, 1994. – С. 9–69.
30. Беликов В. И. Социоллингвистика : учебник для вузов / В. И. Беликов, Л. П. Крысин. – Москва : Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2001. – 315 с.
31. Бердяев Н. А. Философия свободы. Истоки и смысл русского коммунизма / Н. А. Бердяев. – Москва : Сварог и К, 1997. – С. 245–412.
32. Бердяев Н. А. Философия свободы. Смысл творчества / Н. А. Бердяев. – Москва : Правда, 1989. – 608 с.
33. Березович Е. Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте / Е. Л. Березович. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2000. – 532 с.
34. Березович Е. Л. Язык и традиционная культура: этнолингвистические исследования / Е. Л. Березович. – Москва : Индрик, 2007. – 600 с.
35. Богин Г. И. Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов : дис. ... д-ра филол. наук / Г. И. Богин. – Ленинград, 1984. – 310 с.
36. Борисова И. Н. Русский разговорный диалог: Структура и динамика / И. Н. Борисова. – Москва : ЛИБРОКОМ, 2009. – 320 с.
37. Брутян Г. А. Язык и картина мира / Г. А. Брутян // Научные доклады высшей школы. Философские науки. – 1973. – №1. – С. 108–116.
38. Бугаева И. В. Язык православной сферы: современное состояние, тенденции развития : дис. ... д-ра. филол. наук / И. В. Бугаева. – Москва, 2010. – 454 с.

39. Булаховский Л. А. Лексика и фразеология / Л. А. Булаховский // Курс русского литературного языка. В 2 т. Т. 1. – Киев : РАДЯНСЬКА ШКОЛА, 1952. – С. 40–122.
40. Бурвикова Н. Д. Воспроизводимые сочетания слов как лингвострановедчески ценные единицы / Н. Д. Бурвикова, В. Г. Костомаров // Обретение смысла : сб. статей, посвященных юбилею док. филол. наук, проф. К. А. Роговой. – Санкт-Петербург : ОСИПОВ, 2006. – С. 93–103.
41. Буслаев Ф. И. Русские пословицы и поговорки, собранные и объясненные Ф. И. Буслаевым. – Москва : тип. А. Семена, 1854. – 176 с.
42. Валгина Н. С. Современный русский язык : учебник / Н. С. Валгина, Д. Э. Розенталь, М. И. Фомина ; под ред. Н. С. Валгиной. – Москва : Логос, 2001. – 528 с.
43. Василенко А. П. Виды межъязыковых фразеологических эквивалентов в духе теории симметрии языкового знака (на материале русского и французского языков) / А. П. Василенко // Современная фразеология. Тенденции и инновации. – Москва, Санкт-Петербург, Брянск : Новый проект, 2016. – С. 52–73.
44. Васильева Л. А. Лингвокультурный типаж «британский премьер-министр» (на материале современного английского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Л. А. Васильева. – Нижний Новгород, 2010. – 19 с.
45. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая. – Москва : Русские словари, 1996. – 416 с.
46. Вежбицкая А. Речевые жанры / А. Вежбицкая // Жанры речи. – Саратов: Колледж, 1997. – С. 99–111.
47. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов / А. Вежбицкая ; пер. с англ. и предисл. А. Д. Шмелева. – Москва : Языки славянской культуры, 2001. – 288 с.
48. Вепрева И. Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху / И. Т. Вепрева ; М-во образования РФ, Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького. – Екатеринбург : Урал. ун-та, 2002. – 380 с.
49. Вепрева И. Т. Вербализация метаязыкового сознания как реализация принципа толерантности / И. Т. Вепрева // Философские и

лингвокультурологические проблемы толерантности : коллективная моногр. / Отв. ред. Н. А. Купина и М. Б. Хомяков. – Москва : ОЛМА-ПРЕСС, 2005. – С. 153–165.

50. Вепрева И. Т. Языковая репрезентация ценностных предпочтений уральцев по данным местной прессы / И. Т. Вепрева, Н. А. Купина // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. – 2016. – № 16(2). – С. 125–129.

51. Верещагин Е. М. Лингвострановедческая теория слова / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. – Москва : Русский язык, 1980. – 320 с.

52. Верещагин Е. М. Национально-культурная семантика русских фразеологизмов / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров // Словари и Лингвострановедение / под ред. Е. М. Верещагина. – Москва : Русский язык, 1982. – С. 89–98.

53. Верещагин Е. М. Национально-культурная семантика языковых афоризмов / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров // Язык и культура: лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. 4-е изд., перераб. и доп. – Москва : Русский язык, 1990. – С. 71–80.

54. Верещагин Е. М. В поисках новых путей развития лингвострановедения : концепция речеповеденческих тактик / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. – Москва : Ин-т рус. яз. им. А.С. Пушкина, 1999. – С. 84.

55. Верещагин Е. М. Язык и культура / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. – Москва : Индрик, 2005. – 1038 с.

56. Вешнинский Ю. Г. Аксиология культурного пространства-времени (в границах постсоветского культурного пространства) / Ю. Г. Вешнинский // Мир психологии. – 2005. – № 4. – С. 226–235.

57. Викулова Л. Г. Основы теории коммуникации / Л. Г. Викулова, А. И. Шарунов. – Москва : АСТ : Восток-Запад, 2008. – 316 с.

58. Виноградов В. В. О художественной прозе / В. В. Виноградов. – Москва ; Ленинград : Гос. изд-во, 1930. – 186 с.

59. Виноградов В. В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке / В. В. Виноградов // Лексикология и лексикография : избранные труды. –

Москва : Наука, 1977а. – С. 140–161.

60. Виноградов В. В. Основные понятия русской фразеологии как научной дисциплины / В. В. Виноградов // Лексикология и лексикография : избранные труды. – Москва : Наука, 1977б. – С. 118–139.

61. Виноградов В. В. Язык и стиль басен Крылова / В. В. Виноградов // Язык и стиль русских писателей. От Карамзина до Гоголя: Избранные труды / АН СССР. Отд-ние лит. и яз. – Москва : Наука, 1990. – С. 148–181.

62. Винокур Т. Г. Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения / Т. Г. Винокур. – Москва : Наука, 1993. – 172 с.

63. Волков А. А. Основы риторики : учеб. пособие для вузов / А. А. Волков. – Москва : Академический Проект, 2003. – 304 с.

64. Воркачев С. Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании / С. Г. Воркачев // Филологические науки. – 2001. – № 1. – С. 64–72.

65. Выжлецов Г. П. Аксиология культуры / Г. П. Выжлецов. – Санкт-Петербург : Изд-во СПбГУ, 1996. – 152 с.

66. Выжлецов Г. П. Аксиология культуры в системе культурфилософского знания // Вестник НовГУ. Сер. Гуманитарные науки. – 2000. – № 16. – С. 32–36.

67. Гак В. Г. Сопоставительная лексикология. (На материале французского и русского языков) / В. Г. Гак. – Москва : Международные отношения, 1977. – 264 с.

68. Гак В. Г. Прагматика, узус и грамматика речи / В. Г. Гак // Иностр. языки в школе. – 1982. – №. 5. – С. 11–17.

69. Гак В. Г. Прагматика / В. Г. Гак // Русский язык. Энциклопедия / гл. ред. Ю. Н. Караулов. – Москва : Большая Российская энциклопедия; Дрофа, 1997. С. 360–362.

70. Гак В. Г. Национально-культурная специфика меронимических фразеологизмов / В. Г. Гак // Фразеология в контексте культуры. – Москва : Языки русской культуры, 1999. – С. 261–265.

71. Гак В. Г. Русская динамическая картина мира / В. Г. Гак // Русский язык

- сегодня. Вып. 1 / под ред. Л.П. Крысина. – Москва : Азбуковник, 2000. – С. 36–44.
72. Гаспаров Б. М. Язык – разноречное единство: плюрализм речевого поведения как основа коммуникативного взаимодействия говорящих // Русский язык в многоречном социокультурном пространстве : / отв. ред. Б. М. Гаспаров, Н. А. Купина. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2014. – С.14–41.
73. Гаспаров М. Л. Афоризм / М. Л. Гаспаров // Литературный энциклопедический словарь. – Москва : Советская энциклопедия, 1987. – С. 43.
74. Гласс Л. Я читаю ваши мысли / Л. Гласс ; пер. с англ. Е. М. Пестеревой. – Москва : АСТ : ЛЮКС, 2004. – 251 с.
75. Голев Н. Д. Лингвоперсонология, антропотекст, типы языковой личности (лингвоперсонемы) / Н. Д. Голев // Университетская филология – образованию: материалы междунар. науч.-практ. конф. «Коммуникативистика в современном мире: человек в мире коммуникаций». Барнаул, 12–16 апреля 2005 года / под ред. А. А. Чувакина. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2005. – С. 81–86.
76. Головин Б. Н. Основы культуры речи : учеб. для вузов по спец. «Рус. яз. и лит.» / Б. Н. Головин. – 2-е изд., испр. – Москва : Высшая школа, 1988. – 320 с.
77. Гольдин В. Е. Речь и этикет / В. Е. Гольдин. – Москва : Просвещение, 1983. – 109 с.
78. Гольдин В. Е. Проблемы жанроведения / В. Е. Гольдин // Жанры речи : сб. науч. ст. – Саратов : Колледж, 1999. – С. 4–6.
79. Гордон Д. Постулаты речевого общения / Д. Гордон, Дж. Лакофф // Новое в зарубежной лингвистике. – Москва : Прогресс, 1985. – № 16. – С. 276–303.
80. Грайс Г. П. Логика и речевое общение / Г. П. Грайс // Новое в зарубежной лингвистике. – Москва : Прогресс, 1985. – №16. – С. 217–237.
81. Граудина Л. К. Культура русской речи: учебник для вузов / Л. К. Граудина, Е. Н. Ширяев. – Москва : НОРМА-ИНФРА, 1999. – 560 с.
82. Григорьева С. А. Словарь языка русских жестов / С. А. Григорьева, Н. В. Григорьев, Г. Е. Крейдлин. – Москва ; Вена : Языки русской культуры : Wiener slawistischer almanach, 2001. – 256 с.
83. Гридина Т. А. Языковая игра: стереотип и творчество / Т. А. Гридина. –

Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 1996. – 216 с.

84. Гудков Д. Б. Теория и практика межкультурной коммуникации / Д. Б. Гудков. – Москва : Гнозис, 2003. – 288 с.

85. Гудков Д. Б. Прецедентные тексты / Д. Б. Гудков // Русское культурное пространство. Лингвокультурологический словарь. – Москва : Гнозис, 2004. – С. 28–38.

86. Гуляева Е. В. Лингвокультурный типаж «политик» в современном российском дискурсе / Е. В. Гуляева // Политическая лингвистика. – 2011. – №3(37). – С. 184–187.

87. Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры / В. фон Гумбольдт. – Москва : Прогресс, 1985. – 450 с.

88. Дао Динь Тхао. Язык и речь в зеркале фразеологии : магистерская диссертация / Дао Динь Тхао ; Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Институт гуманитарных наук и искусств, Департамент «Филологический факультет», Кафедра риторики и стилистики русского языка. – Екатеринбург, 2015. – 119 с.

89. Дао Динь Тхао. Фразеологизмы, характеризующие речевую коммуникацию, в русском и вьетнамском языках / Дао Динь Тхао // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2 : Гуманитар. науки. – 2018. Т. 20. № 4 (181). – С. 242–251.

90. Дао Динь Тхао. Лингвокультурные типажии болтуна и молчуна по данным русской фразеологии и афористики / Дао Динь Тхао // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2019а. Т. 12. № 3 (93). – С. 205–208.

91. Дао Динь Тхао. Лингвокультурный типаж «человек пишущий» в афоризмах А. С. Пушкина / Дао Динь Тхао // Мир русского слова. – 2019б. № 3. – С. 44–50.

92. Дементьев В. В. Об одной оценочной системе в русском языке / В. В. Дементьев // Проблемы речевой коммуникации / под ред. М. А. Кормилициной, О. Б. Сиротининой. Вып. 7. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2007. – С. 42–61.

93. Дементьев В. В. Теория речевых жанров / В. В. Дементьев. – Москва : Знак, 2010. – 600 с.

94. Дементьев В. В. Коммуникативные ценности русской культуры: категория личности в лексике и прагматике / В. В. Дементьев. – Москва : Глобал Ком, 2013. – 336 с.

95. Дементьев В. В. Теория речевых жанров и лингвистическое представление речевой картины современности / В. В. Дементьев // Речевые жанры современного общения. Тезисы докладов международной конференции. – Москва : Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова, 2015. – С. 45–47.

96. Дементьев В. В. Речевые жанры коммуникативные ценности в новых и новейших сферах русской речи : монография / В. В. Дементьев. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2016. – 396 с.

97. Дмитриева О. А. Об этнокультурной специфике пословиц и афоризмов / О. А. Дмитриева // Языковая личность: культурные концепты / Науч. ред. В. И. Карасик. – Волгоград; Архангельск, 1996. – С. 67–74.

98. Дмитриева Л. И. Словарь языка жестов : более 1300 словарных статей / Л. И. Дмитриева, Л. Н. Клокова, В. В. Павлова ; худож. М. М. Салтыков. – Москва : Русские словари : Астрель : АСТ : Ермак, 2003. – 320 с.

99. Добровольский Д. О. Образная составляющая в семантике идиом / Д. О. Добровольский // Вопросы языкознания. – 1996. – № 1. – С. 71–93.

100. Добровольский Д. О. Национально-культурная специфика во фразеологии / Д. О. Добровольский // Вопросы языкознания. – 1997. – № 6. – С. 37–49.

101. Ефремов В. А. Основы гендерной лингвистики : учеб.-метод. пособие для вузов / В. А. Ефремов. – Санкт-Петербург : Изд-во РГПУ, 2009. – 118 с.

102. Жельвис В. И. Поле брани. Сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира / В. И. Жельвис. – Москва : Ладомир, 1997. – 330 с.

103. Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов / Т. В. Жеребило. – Назрань : Пилигрим, 2010. – 486 с.

104. Жуков В. П. Семантика фразеологических оборотов / В. П. Жуков. – Москва : Просвещение, 1978. – 158 с.

105. Жуков В. П. Русская фразеология / В. П. Жуков. – Москва : Высшая школа, 1986. – 310 с.

106. Жуков К. А. Языковое воплощение концепта «Труд» в пословичной картине мира (на материале русской и английской паремиологии) : дис. ... канд. филол. наук / К. А. Жуков. – Нижний Новгород, 2004. – 156 с.
107. Захарова Е. П. Типичные нарушения коммуникативной нормы в повседневном общении / Е. П. Захарова // Проблемы речевой коммуникации: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. М. А. Кормилицыной. – Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 2010. – № 10. – С. 58–65.
108. Земская Е. А. К построению типологии коммуникативных неудач (на материале естественного русского диалога) / Е. А. Земская, О. П. Ермакова // Русский язык в его функционировании: Коммуникативно-прагматический аспект / под ред. Е. А. Земской и Д. Н. Шмелева. – Москва : Наука, 1993. – С. 30–64.
109. Иванов Е. Е. Лингвистика афоризма : учеб.-метод. пособие / Е. Е. Иванов. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2016. – 156 с.
110. Ивин А. А. Логика / А. А. Ивин. – Москва : Знание, 1998. – 244 с.
111. Ильин В. В. Аксиология / В. В. Ильин. – Москва : Изд-во МГУ, 2005. – 216 с.
112. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О. С. Иссерс. – Москва : ЛКИ, 2008. – 288 с.
113. Каган М. С. Философская теория ценности / М. С. Каган. – Санкт-Петербург : Петрополис, 1999. – 205 с.
114. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – Волгоград : Перемена, 2002. – 447 с.
115. Карасик В. И. Аксиологическая лингвистика: концепты и дискурс / В. И. Карасик // Германистика в России. Традиции и перспективы. – Новосибирск : Изд-во НГУ, 2004. – С. 28–32.
116. Карасик В. И. Языковые ключи / В. И. Карасик. – Волгоград : Парадигма, 2007. – 520 с.
117. Карасик В. И. Языковая кристаллизация смысла / В. И. Карасик. – Москва : Гнозис, 2010. – 428 с.
118. Карасик В. И. Аксиология сюжетных мотивов / В. И. Карасик //

Взаимодействие языков и культур : материалы Международной научной конференции, 28–30 мая 2018 г. / под ред. О. А. Турбиной. – Челябинск : Издательский центр ЮУрГУ, 2018: в 2 т. – Т. 1. – С. 50–55.

119. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – Москва : УРСС Едиториал, 2003. – 264 с.

120. Кибрик А. А. Молчание как коммуникативный акт / А. А. Кибрик // Действие : лингвистические и логические модели : тез. докл. – Москва : Наука, 1991. – С. 49–56.

121. Китайгородская М. В. Речь москвичей: коммуникативно-культурологический аспект / М. В. Китайгородская, Н. Н. Розанова. – Москва : «Русские словари», 1999. – 396 с.

122. Ковшова М. Л. Языковая и культурная специфика фразеологического знака: теоретические и методологические основы исследования / М. Л. Ковшова // Вопросы филологии. 2006. – № 3. – С. 6–12.

123. Ковшова М. Л. Семантика головного убора в культуре и языке. Костюмный код культуры / М. Л. Ковшова. – Москва : Гнозис, 2015. – 368 с.

124. Ковшова М. Л. Культурно-национальная специфика фразеологизмов и вопросы экспликации их культурных смыслов / М. Л. Ковшова // Вопросы психолингвистики. – 2016. – № 4 (30). – С. 90–102.

125. Ковшова М. Л. Лингвокультурологический анализ паремий и идиом. Коды культуры / М. Л. Ковшова // Национальные коды в языке и литературе. Язык и культура : сб. ст. по материалам Международной научной конференции. – Нижний Новгород : ДЕКОМ, 2018. – С. 128–137.

126. Ковшова М. Л. Лингвокультурологический анализ идиом, загадок, пословиц и поговорок. Антропонимический код культуры : монография / М. Л. Ковшова. Москва : ЛЕНАНД, 2019. – 400 с.

127. Колесов В. В. Концепт культуры: образ – понятие – символ / В. В. Колесов // Вестник СПбГУ. Сер. 2, История. Языкознание. Литературоведение. – 1992. – № 3 (16). – С. 30–40.

128. Колесов В. В. Слово и ментальность как национальное своеобразие В. В.

Колесов // Обретение смысла : сб. статей, посвященный юбилею докт. филол. наук, проф. К. А. Роговой. – Санкт-Петербург : Осипов, 2006. – С. 421–440.

129. Колесов В. В. Словарь русской ментальности / В. В. Колесов, Д. В. Колесова, А. А. Харитонов. – Санкт-Петербург : Златоуст, 2014. В 2 т. – Т. 1. А–О. – 592 с.

130. Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты) : учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. / В. Н. Комиссаров. – Москва : Высшая школа, 1990. – 253 с.

131. Коновалова Н. И. Параметры лексикографической интерпретации диалектной фразеологии: лингвокультурологический аспект / Н. И. Коновалова, Т. А. Гридина // Вопросы лексикографии. 2017. № 11. С. 119–131.

132. Коновалова Н. И. Семантическое пространство «болезнь»: стереотипы русского языкового сознания / Н. И. Коновалова // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. – 2018. – № 16. – С. 93–101.

133. Кормилицына М. А. Риторическая организация (адресованность речи) М. А. Кормилицына // Хорошая речь / под ред. М. А. Кормилицыной, О. Б. Сиротининой. – Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 2001. – С. 211–222.

134. Кормилицина М. А. Определение понятия, критерии эффективности / М. А. Кормилицина // Эффективность коммуникации: понятие, роль адресанта и адресата, основные приемы ее достижения : монография / под ред. О. Б. Сиротининой и М. А. Кормилициной. – Саратов : Наука, 2019. С. 6–15.

135. Кондаков Н. И. Логический словарь-справочник / Н. И. Кондаков. – Москва : Наука, 1975. – 720 с.

136. Королькова А. В. Природа афоризмов / А. В. Королькова // Словарь афоризмов русских писателей XVII–XX вв. / А. В. Королькова, А. Г. Ломов, А. Н. Тихонов ; под рук. А. Н. Тихонова. – Москва : Русский язык, 2004. – 627 с.

137. Королькова А. В. Русская афористика в контексте фразеологии: автореф. дис. ... д-р. филол. наук / А. В. Королькова. – Елец, 2005а. – 36 с.

138. Королькова А. В. Русская афористика / А. В. Королькова. – Москва :

Флинта, Наука, 2005б. – 351 с.

139. Костомаров В. Г. Языковой вкус эпохи / В. Г. Костомаров. – Санкт-Петербург : Златоуст, 1999. – 330 с.

140. Костомаров В. Г. Наш язык в действии. Очерки современной русской стилистики / В. Г. Костомаров. – Москва : Гардарики, 2005. – 286 с.

141. Красных В. В. Коммуникативный акт и его структура / В. В. Красных // Функциональные исследования: сб. ст. по лингвистике. – Москва, 1997. – № 4. – С. 34–49.

142. Красных В. В. Основные постулаты и некоторые базовые понятия лингвокультурологии / В. В. Красных // Русский язык за рубежом. – 2011. – № 4. – С. 60–66.

143. Крейдлин Г. Е. Невербальная семиотика. Язык тела и естественный язык / Г. Е. Крейдлин. – Москва : Новое литературное обозрение, 2004. – 584 с.

144. Кретов А. А. Русские аксиологемы по данным МАСа-2 / А. А. Кретов, Ю. А. Стародубцева // Политическая лингвистика. – 2016. – № 2 (56). – С. 140–154.

145. Кронгауз М. А. Русский язык на грани нервного срыва / М. А. Кронгауз. – Москва : Языки славянской культуры ; Знак, 2008. – 250 с.

146. КРР – Культура русской речи: энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л. Ю. Иванова, А. П. Сковородникова, Е. Н. Ширяева [и др]. – Москва : Флинта : Наука, 2003. – 840 с.

147. Крысин Л. П. Речевое общение в социально неоднородной среде / Л. П. Крысин // Русский язык сегодня. – Москва : Азбуковник, 2000. – № 1. – С. 317–321.

148. Крысин Л. П. Современный русский интеллигент: попытки речевого портрета / Л. П. Крысин // Русский язык в научном освещении. – 2001. – № 1. – С. 90–106.

149. Крысин Л. П. Проблема социальной и функциональной дифференциации языка в современной лингвистике / Л. П. Крысин // Современный русский язык: социальная и функциональная дифференциация. – Москва, 2003. – С. 11–29.

150. Крысин Л. П. Современный русский язык. Лексическая семантика.

Лексикология. Фразеология. Лексикография : учеб. пособие для студ. филол. высш. учеб. заведений / Л. П. Крысин. – Москва : Академия, 2007. – 240 с.

151. Кузнецова Э. В. Лексикология русского языка / Э. В. Кузнецова. – Москва : Высшая школа, 1989. – 216 с.

152. Кузнецова Э. В. Язык в свете системного подхода : учеб. пособие / Э. В. Кузнецова. – Свердловск : Изд-во УрГУ, 1983. – 96 с.

153. Кукушкина О. В. Основные типы речевых неудач в русских письменных текстах / О. В. Кукушкина. – Москва : Диалог-МГУ, 1998. – 288 с.

154. Купина Н. А. Бытовая и идеологическая толерантность в художественном мире Владимира Высоцкого / Н. А. Купина, К. В. Муратова // Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности : коллективная моногр. / отв. ред. Н. А. Купина и М. Б. Хомяков. – Москва : ОЛМА-ПРЕСС, 2005. – С. 296–317.

155. Купина Н. А. Стилистика современного русского языка : учебник для бакалавров / Н. А. Купина, Т. В. Матвеева. – Москва : Изд-во Юрайт, 2013. – 415 с.

156. Купина Н. А. Русский язык в мультикультурном обществе: теоретические вопросы и прикладные задачи / Н. А. Купина // Русский язык в многоречном социокультурном пространстве: монография / отв. ред. Б. М. Гаспаров, Н. А. Купина. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2014а. – С. 41-51.

157. Купина Н. А. Странное в художественном мире Достоевского: роман «Бесы» / Н. А. Купина // Quaestio Rossica. – 2014б. – № 2. – С. 167–175.

158. Купина Н. А. Вербальные знаки базовых ценностей: к основаниям лингвистической систематизации / Н. А. Купина, И. Т. Вепрева // Национальные ценности в языке и коммуникации. Тезисы докладов научного семинара с международным участием / под. ред. Ю. Н. Михайловой. – Екатеринбург : Ажур, 2015. – С. 14–15.

159. Купина Н. А. Пьесы Ярославы Пулинович: тема семьи и женские лингвокультурные типажи / Н. А. Купина // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2, Гуманитарные науки. – 2019. – Т. 21. – № 1 (184). – С. 155–171.

160. Купина Н. А. Любительская датская поэзия: групповой аксиологический лексикон и креативные речевые практики / Н. А. Купина // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2. Языкознание. – 2020. – Т. 19. – № 2. – С. 31–42.
161. Кусаинова А. М. Языковая личность Герольда Бельгера / А. М. Кусаинова // Вестник Челябинского государственного университета. – 2009. – № 30 (168). Филология. Искусствоведение. Вып. 35. – С. 118–122.
162. Ларин Б. А. История русского языка и общее языкознание / Б. А. Ларин. – Москва : Просвещение, 1977. – 224 с.
163. Ларин Б. А. О народной фразеологии / Доклад на X Республиканском совещании по диалектологии, Институт языкознания им. Потебни в Киеве, прочитанный 12 мая 1959 г. // Ларин Б. А. История русского языка и общее языкознание. – Москва, 1977. – С. 149–162.
164. Ларин Б. А. О лингвистическом изучении города / Б. А. Ларин // Филологические исследования : сб. ст. – Санкт-Петербург : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2003. – С. 303–304.
165. Ларина Т. В. Категория вежливости и стиль коммуникации / Т. В. Ларина. – Москва : Языки славянской культуры, 2009. – 317 с.
166. Ларина Т. В. Коммуникативные ценности как регуляторы поведения членов лингвокультурного сообщества // Жизнь языка в культуре и социуме-2. Материалы международной научной конференции. – Москва; Калуга : Эйдос, 2011. – С. 150.
167. Ле Дык Тху. Национальная языковая личность в сравнительно-сопоставительном лингвокультурологическом описании : На материале русской и вьетнамской культур : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Москва, 2003. – 44 с.
168. Левонтина И. Б. Либеральный лексикон / И. Б. Левонтина, А. В. Шмелев. – Санкт-Петербург : Нестор-История, 2019. – 184 с.
169. Леонтьев А. А. Основы теории речевой деятельности / А. А. Леонтьев. – Москва : Наука, 1974. – 368 с.
170. Леонтьев А. А. Психология общения / А. А. Леонтьев. – 3-е изд. – Москва

: Смысл, 1999. – 365 с.

171. Леонтьев Д. А. Ценность как междисциплинарное понятие: опыт многомерной реконструкции / Д. А. Леонтьев // Вопросы философии. – 1996. – № 4. – С. 15–26.

172. Ли Вэньлу. Нормативная составляющая коммуникативного поведения в русской языковой традиции (на материале фразеологии) : дис. ... канд. филол. Наук / Ли Вэньлу. – Екатеринбург, 2018. – 263 с.

173. Лингвистика и аксиология: этносемиотрия ценностных смыслов: коллективная монография / Е. Ф. Серебренникова, Н. П. Антипов, Л. Г. Викулова [и др.] ; под ред. Е. Ф. Серебренниковой. – Москва : ТЕЗАУРУС, 2011. – 352 с.

174. Лихачев Д. С. Вступительное слово / Д.С. Лихачев // Крылатые слова и афоризмы А.С. Пушкина / сост. И. Шкляревский. – Москва : Воскресенье, 1999. – С. 5.

175. Лосский Н. О. Ценность и Бытие / Н. О. Лосский. – Париж : YVCA PRESS, 1931. – 135 с.

176. Лукьянова Н. А. Экспрессивная лексика разговорного употребления / Н. А. Лукьянова. – Новосибирск, 1986. – 230 с.

177. Майзель И. А. Наука, автоматизация, общество / И. А. Майзель. – Ленинград : Наука, 1972. – 289 с.

178. Маслова В. А. Лингвокультурология: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / В. А. Маслова. – Москва : Академия, 2001. – 208 с.

179. Маслова В. А. Когнитивная лингвистика : учеб. пособие / В. А. Маслова. – Минск : ТетраСистемс, 2004. – 256 с.

180. Маслова В. А. Культурный символ и его роль в создании национальных ценностей / В. А. Маслова // Живодействующая связь языка и культуры. Материалы конференции, посвященной юбилею проф. В. Н. Телия. – Тула, 2010. В. 2 т. Т. 1. – С. 65–67.

181. Матвеева Т. В. Функциональные стили в аспекте текстовых категорий: Синхронно-сопоставительный очерк / Т. В. Матвеева. – Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1990. – 172 с.

182. Матвеева Т. В. Непринужденный диалог как текст / Т. В. Матвеева // Человек – текст – культура. – Екатеринбург, 1994. – С. 125–140.
183. Матвеева Т. В. Как поддержать разговор / Т. В. Матвеева. – Пермь, 1995а. – 160 с.
184. Матвеева Т. В. К лингвистической теории жанра / Т. В. Матвеева // Collegium. 1-2. Киев, 1995б. – № 12. – С. 65-71.
185. Матвеева Т. В. Коммуникативные стратегии влияния на собеседника в аспекте культуры речи // Вопросы культуры речи / отв. ред. А. Д. Шмелев. №. 9. – Москва, 2007. – С. 110–127.
186. Матвеева Т. В. Полный словарь лингвистических терминов / Т. В. Матвеева. – Ростов-на-Дону : Феникс, 2010. – 562 с.
187. Михайлова О. А. Толерантность и терпимость: взгляд лингвиста / О. А. Михайлова // Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности : коллективная моногр. / отв. ред. Н. А. Купина и М. Б. Хомяков. – Москва : ОЛМА-ПРЕСС, 2005. – С. 99–110.
188. Михайлова О. А. Глагол *кричать* и система речевых актов / О. А. Михайлова // Речевые жанры современного общения: тез. док. междунар. конф. 11 Шмелевские чтения. – Москва : ИРЯ РАН, 2015. – С. 100–102.
189. Михайлова О. А. Лингвокультурологические аспекты толерантности : учебное пособие для вузов / О. А. Михайлова. – Москва : Издательство Юрайт, 2017. – 121 с.
190. Мокиенко В. М. Славянская фразеология : уч. пособие для филол. специальностей ун-тов / В. М. Мокиенко. – Москва : Высшая школа, 1980. – 207 с.
191. Мокиенко В. М. Образы русской речи: Историко-этимологические очерки фразеологии / В. М. Мокиенко. – Санкт-Петербург : Фолио-Пресс, 1999. – 464 с.
192. Мокиенко В. М. Загадки русской фразеологии. Серия: Русская словесность / В. М. Мокиенко. – Москва : Азбука-классика, Авалонь, 2005. – 256 с.
193. Молотков А. И. Фразеологизмы русского языка и принципы их лексикографического описания / А. И. Молотков // Фразеологического словарь

русского языка / под ред. А. И. Молоткова. – Москва : Русский язык, 1978. – С. 7–23.

194. Молотков А. И. Основы фразеологии русского языка / А. И. Молотков. – Ленинград : Наука. Ленингр. отделение, 1997. – 283 с.

195. Нгуен Тхань Ханг. Национально-культурная специфика русских афоризмов в сопоставлении с вьетнамскими: На материале обучения студентов-филологов : дис. ... канд. филол. наук / Нгуен Тхань Ханг. – Москва, 1999. – 173 с.

196. Нгуен Лан Фыонг. Крылатые выражения в русском языке с позиции вьетнамской лингвокультуры : дис. ... канд. филол. наук / Нгуен Лан Фыонг. – Москва, 2019. – 239 с.

197. Норман Б. Ю. Молчание как способ коммуникации / Б. Ю. Норман // Культурные практики толерантности в речевой коммуникации / отв. ред. Н. А. Купина и О. А. Михайлова. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2004. – С. 231–243.

198. РГЭС – Российский гуманитарный энциклопедический словарь : В 3 т. / гл. ред. П. А. Клубков. – Москва ; Санкт-Петербург : ВЛАДОС : Изд. Филол. фак. С.-Петерб. гос. ун-та, 2002. Т. 3: П – Я. – 704 с.

199. РЭС. Российский энциклопедический словарь. В 2 т. Т. 1: А–Н. / гл. ред. А. М. Прохоров. – Москва : Большая Российская энциклопедия, 2001. – 1023 с.

200. Ожегов С. И. О структуре фразеологии / С. И. Ожегов // Лексикографический сборник. – № 2. – Москва : АН СССР, 1957. – С. 38–46.

201. Официальные языки ООН [Электронный ресурс]. URL: <https://www.un.org/ru/sections/about-un/official-languages/> (дата обращения: 10.04.2020).

202. Попова С. В. Лингвокультурный типаж «школьная учительница»: субъектное позиционирование: автореф. дис. ... канд. филол. наук / С. В. Попова. – Волгоград, 2012. – 21 с.

203. Попова З. Д. Язык и национальное сознание / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Воронеж: «Истоки», 2007. – 61 с.

204. Попова З. Д. Когнитивная лингвистика / З. Д. Попова, И. А. Стернин. –

Москва : АСТ : ВостокЗапад, 2010. – 314 с.

205. Прохоров, Ю. Е. Лингвострановедческое описание афористики в учебных целях : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ю. Е. Прохоров. Москва, 1977. – 22 с.

206. Прохоров Ю. Е. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев / Ю. Е. Прохоров. – Москва : Педагогика-Пресс, 1996. – 215 с.

207. Прохоров Ю. Е. Афоризм / Ю. Е. Прохоров // Русский язык: энциклопедия / гл. ред. Ю. Н. Караулов. – Москва : Большая рос. энцикл., 1997. – С. 42.

208. Прохоров Ю. Е. Действительность. Текст. Дискурс [Текст] / Ю. Е. Прохоров. – Москва : Флинта; Наука, 2006а. – 224 с.

209. Прохоров Ю. Е. Русские: коммуникативное поведение / Ю. Е. Прохоров, И. А. Стернин. – Москва : Флинта : Наука, 2006б. – 238 с.

210. Рискогенность современной коммуникации и роль коммуникативной компетентности в ее преодолении / А. Н. Байкулова, Е. Ю. Викторова, А. В. Дегальцева [и др.] ; под ред. О. Б. Сиротининой и М. А. Кормилицыной. – Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 2015. – 188 с.

211. Рождественский Ю. В. Принципы современной риторики / Ю. В. Рождественский. – Москва : Флинта : Наука, 2005. – 176 с.

212. Розанов В. В. О понимании. Опыт исследования природы, границ внутреннего строения науки как цельного знания / В. В. Розанов. – Москва : Танаис, 1996. – 900 с.

213. Розенталь Д. Э. Русский язык: пособие для поступающих в вузы / Д. Э. Розенталь. – Москва : Изд-во МГУ, 1994. – 368 с.

214. Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / Б. А. Серебренников, Е. С. Кубрякова, В. И. Постовалова [и др.] ; отв. ред. Б. А. Серебренников – Москва : Наука, 1988. – 216 с.

215. Русский язык в его функционировании: Коммуникативно-прагматический аспект / Т. Г. Винокур, М. Я. Гловинская, Е. И. Голанова [и др.] ;

отв. ред. Е. А. Земская, Д. Н. Шмелев; Рос. АН, Ин-т русского яз. – Москва : Наука, 1993. – 221 с.

216. Руссо М. М. Неогумбольдтианская лингвистика и рамки «языковой картины мира» / М. М. Руссо // Политическая лингвистика. – 2014. – № 1 (47). – С. 12–24.

217. Рыбаков Н. С. Н. О. Лосский: онтологическая теория ценностей / Н. С. Рыбаков // Апология русской философии. – Екатеринбург : Фонд творческой педагогики, 1997. – С. 77–107.

218. Салимовский В. А. Жанры речи в функционально-стилистическом освещении (научный академический текст) / В. А. Салимовский. – Пермь : Изд-во Перм. ун-та, 2002. – 236 с.

219. Салимовский В. А. Речевой жанр в его отношении к сфере деятельности / В. А. Салимовский // Речевые жанры современного общения. Тезисы докладов международной конференции. – Москва : Ин-т русс. языка им. В. В. Виноградова, 2015. – С. 135–137.

220. Санников В. З. Русский язык в зеркале языковой игры / В. З. Санников. – Москва : Языки русской культуры, 1999. – 541 с.

221. Седов К. Ф. Анатомия жанров бытового общения / К. Ф. Седов // Вопросы стилистики: Человек и текст. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1998. – № 27. – С. 9–20.

222. Седов К. Ф. Речевая агрессия в повседневной коммуникации / К. Ф. Седов // Речевая агрессия в современной культуре : сб. науч. тр. / под общей ред. М. В. Загидуллиной. – Челябинск : Челяб. гос. ун-т, 2005. – С. 32–37.

223. Седов К. Ф. Ссора / К. Ф. Седов // Антология речевых жанров: повседневная коммуникация. – Москва : Лабиринт, 2007. – С. 259–268.

224. Седых А. П. Лингвистическая теория общения: этнокультурный аспект / А. П. Седых // Текст. Язык. Человек : сб. науч. тр. В 2 ч. / МГПУ им. И. П. Шамякина ; отв. ред. С. Б. Кураш. – Мозырь, 2015. – Ч. 2. – С. 161–162.

225. Сиротинина О. Б. Русский язык: система, узус и создаваемые ими риски / О. Б. Сиротинина. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2013. – 116 с.

226. Скребнев Ю. М. Очерк теории стилистики / Ю. М. Скребнев. – Горький : Б. и., 1975. – 175 с.
227. СЛКТ – Словарь лингвокультурологических терминов / авторы-сост. Ковшова М. Л., Гудков Д. Б.; отв. ред. М. Л. Ковшова. – Москва : Гнозис, 2017. – 192 с.
228. Слышкин Г. Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании дискурсе : монография / Г. Г. Слышкин. – Москва : Academia, 2000. – 128 с.
229. СПП – Словарь практического психолога / сост. С. Ю. Головин. – Минск : Харвест, 2001. – 800 с.
230. Стернин И. А. Русские поговорки об общении. Серия «Дидактический материал». – Воронеж, 1996. – 34 с.
231. Стернин И. А. Введение в речевое воздействие / И. А. Стернин. – Воронеж : Изд-во Ворон. гос. ун-та, 2001. – 227 с.
232. Солганик Г. Я. Основы лингвистики речи / Г. Я. Солганик. – Москва : МГУ им. М.В. Ломоносова, 2010. – 128 с.
233. Солганик Г. Я. О речевых неологизмах (на материале публицистики) / Г. Я. Солганик // Стилистика как речеведение. Сборник науч. трудов славянских стилистов, посвященный памяти профессора М.Н. Кожиной / под ред. проф. Л. Р. Дускаевой. Москва : Флинта, Наука, 2015. – С. 169–176.
234. Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию / Ф. де. Соссюр: пер. с французского языка ; под ред. А. А. Холодовича. – Москва : Прогресс, 1977. – 695 с.
235. ССЛТ – Словарь социолингвистических терминов / В. А. Кожемякина, Н. Г. Колесник, Т. Б. Крючкова [и др.] ; отв. ред. В. Ю. Михальченко ; Институт языкознания РАН. – Москва, 2006. – 312 с.
236. Степанов Ю. С. В поисках прагматики (проблема субъекта) / Ю. С. Степанов // Известия АН СССР. сер. ЛиЯ. – 1981. – № 4. – Т. 40. – С. 325–332.
237. Степанов Ю. С. Константы мировой культуры. Алфавиты и алфавитные тексты в периоды двоеверия / Ю. С. Степанов, С. Г. Проскурин. – Москва : Наука, 1993. – 158 с.

238. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : Академический Проект, 2001. – 990 с.
239. Стернин И. А. Модели описания коммуникативного поведения / И. А. Стернин. – Воронеж : Гарант, 2000. – 27 с.
240. Стернин И. А. Коммуникативные аспекты толерантности / И. А. Стернин, К. М. Шилихина. – Воронеж, 2001. – 110 с.
241. Стернин И. А. Русское коммуникативное сознание / И. А. Стернин // Русское и финское коммуникативное поведение. – № 3. – Воронеж : Истоки, 2002. – С. 5–13.
242. Стернин И. А. Семантический анализ слова в контексте / И. А. Стернин, М. С. Саломатина. – Воронеж : Истоки, 2011. – 150 с.
243. Столович Л. Н. Красота. Добро. Истина: Очерк истории эстетической аксиологии / Л. Н. Столович. – Москва : Республика, 1994. – 464 с.
244. СЭСРЯ – Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. – Москва : Флинта : Наука, 2003. – 696 с.
245. Тарасов Е. Ф. К построению теории речевой коммуникации // Сорокин Ю. А., Тарасов Е. Ф., Шахнарович А. М // Теоретические и практические проблемы речевого общения. – Москва : Наука, 1979. – 147 с.
246. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. Москва : Языки русской культуры, 1996. – 288 с.
247. Телия В. Н. Фразеологизм / В. Н. Телия // Русский язык : Энциклопедия. – Москва : Большая Российская энциклопедия, 1997. – С. 605–607.
248. Телия В. Н. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры / В. Н. Телия // Фразеология в контексте культуры / отв. ред. В. Н. Телия. – Москва : Языки русской культуры, 1999. – С. 13–24.
249. Телия В. Н. Культурно-языковая компетенция: ее высокая вероятность и глубокая сокровенность в единицах фразеологического состава языка / В. Н. Телия // Культурные слои во фразеологизмах и в дискурсивных практиках. – Москва :

Языки славянской культуры, 2004. – С. 19–30.

250. Телия В. Н. О феномене воспроизводимости языковых выражений / В. Н. Телия // Язык, сознание, коммуникация : сб. науч. ст. / отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. – Москва : МАКС Пресс, 2005. – № 30. – С. 4–42.

251. Телия В. Н. Лингвокультурология – ключ к новой реальности феномена воспроизводимости нескольких словных образований / В. Н. Телия, А. В. Дорошенко // Язык. Культура. Общение: сборник науч. трудов в честь юбилея С. Г. Тер-Минасовой. – Москва : Гнозис, 2008. – С. 207–218.

252. Телия В. Н. Предисловие / В. Н. Телия (отв. ред.) // Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий. – Москва : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2009. – С. 6–14.

253. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация : учеб. пособие / С. Г. Тер-Минасова. – Москва : Слово, 2000. – 624 с.

254. Толстая С. М. Славянская этнолингвистика: вопросы теории / Н. И. Толстый, С. М. Толстая. – Москва : Институт славяноведения РАН, 2013. – 240 с.

255. Третьякова В. С. Речевой конфликт и гармонизация общения : дис. ... д-ра филол. наук / В. С. Третьякова ; Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2003. – 301 с.

256. Третьякова В. С. Речевая коммуникация: гармония и конфликт. / В. С. Третьякова. – Екатеринбург: Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та, 2009. – 231 с.

257. Третьякова В. С. Речевая конфликтология: проблемы, задачи, перспективы / В. С. Третьякова // Вестник Челябинского государственного университета. – 2013. – № 1 (292). – С. 279–282.

258. Тугаринов В. П. О ценностях жизни и культуры / В. П. Тугаринов. – Ленинград : Изд-во Ленингр. ун-та, 1960. – 152 с.

259. Успенский Л. Коротко об афоризмах / Л. Успенский // Афоризмы: избранные изречения деятелей литературы и искусства / сост. Е.С. Райзе. – Ленинград : Лениздат, 1964. – С. 3–20.

260. Успенский Б. А. Избранные труды. Том 1. Семиотика истории. Семиотика культуры / Б. А. Успенский. – Москва : Гнозис, 1994. – 432 с.

261. Федоренко Н. Т. Афористика / Н. Т. Федоренко, Л. И. Сокольская. – Москва : Наука, 1990. – 419 с.
262. Федоров А. В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы) : учеб. пособие / А. В. Федоров. – Санкт-Петербург : Филологический факультет СПбГУ; Москва : ФИЛОЛОГИЯ ТРИ, 2002. – 416 с.
263. Федоров А. И. Лексикографическая характеристика фразеологизмов и идиомов, помещенных в словаре / А. И. Федоров // Фразеологический словарь русского литературного языка / сост. А. И. Федоров. – Москва : АСТ, 2008. – С. 5–10.
264. Филин Ф. П. О лексико-семантических группах слов / Ф. П. Филин // Языковедческие исследования в честь академика Стефана Младенова. – София : Бълг. акад. на науките, 1957. – С. 523–538.
265. Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности : коллективная моногр. / отв. ред. Н. А. Купина и М. Б. Хомяков. – Москва : ОЛМА-ПРЕСС, 2005. – 542 с.
266. Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. – Москва : Изд-во политической литературы, 1987. – 590 с.
267. Флиер А. Я. Культурология для культурологов / А. Я. Флиер. – Москва : Академический Проект, 2000. – 496 с.
268. Фомина М. И. Фразеология / М. И. Фомина // Современный русский язык. Лексикология : учеб. для филол. спец. вузов. – Москва : Высшая школа, 1980. – С. 304–361.
269. Формановская Н. И. Коммуникативно-прагматические аспекты единицы общения / Н. И. Формановская. – Москва : Ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина, 1998. – 292 с.
270. Формановская Н. И. Русский речевой этикет: нормативный социокультурный контекст / Н. И. Формановская. – Москва : Русский язык, 2002. – 160 с.
271. Формановская Н. И. Речевое взаимодействие: коммуникация и прагматика / Н. И. Формановская. – Москва : Икар, 2007. – 478 с.
272. Фрумкина Р. М. Психолингвистика: учеб. пособие для студ. высш. уч.

Заведений / Р. М. Фрумкина. – Москва : Изд. центр «Академия», 2003. – 320 с.

273. Фунг Чонг Тоан. Национально-культурная специфика русских фразеологизмов в сопоставлении с вьетнамскими в целях обучения русскому языку как иностранному: дис. ... канд. пед. наук / Фунг Чонг Тоан ; Ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина. – Москва, 1995. – 188 с.

274. Хайдеггер М. Путь к языку / М. Хайдеггер // М. Хайдеггер. Время и бытие: статьи и выступления. – Москва : Республика, 1993. С. – 271.

275. Христюлова Л. В. Характеризация коммуникативного акта средствами русской фразеологии (на материале устойчивых единиц с семой речи) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Л. В. Христюлова ; Урал. гос. ун-т. им. А. М. Горького. – Екатеринбург, 1992. – 18 с.

276. Хуссейн Т. М. Русские фразеологизмы со словом *язык* в лингвокультурологическом аспекте: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Т. М. Хуссейн ; Воронежский гос. ун-т. – Воронеж, 2006. – 26 с.

277. Шалина И. В. Ошибка как средство коммуникативного контакта / И. В. Шалина // Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности : коллективная моногр. / отв. ред. Н. А. Купина и М. Б. Хомяков. – Москва : ОЛМА-ПРЕСС, 2005. – С. 402–412.

278. Шалина И. В. К проблеме описания методики лингвоаксиологического анализа (на материале диалогического общения носителей просторечной лингвокультуры) / И. В. Шалина, Ю. Б. Пикулева // Научный диалог. – 2016. – № 11 (59). – С. 121–132.

279. Шанский Н. М. Фразеология современного русского языка / Н. М. Шанский. – Москва : Высшая школа, 1985. – 160 с.

280. Шанский Н. М. Опыт этимологического словаря русской фразеологии / Н. М. Шанский, В. И. Зимин, А. В. Филиппов. – Москва : Русский язык, 1987. – 240 с.

281. Шелер М. Формализм в этике и материальная этика ценностей // Шелер М. Избранные произведения / пер. с нем. А. В. Денежкина, А. Н. Малинкина, А. Ф. Филлипова; под ред. А. В. Денежкина. – Москва : Гнозис, 1994. – С. 259–337.

282. Шмелев А. Д. Терпимость в русской языковой картине мира / А. Д.

Шмелев // Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности : коллективная моногр. / Отв. ред. Н. А. Купина и М. Б. Хомяков. – Москва : ОЛМА-ПРЕСС, 2005а. – С. 111–124.

283. Шмелев А. Д. Лексический состав русского языка как отражение «русской души» / А. Д. Шмелев // Язык. Семиотика. Культура – Москва : Языки славянской культуры, 2005б. – С. 111–125.

284. Шмелев Д. Н. О понятии «фразеологическая связанность» / Шмелев Д. Н. // Иностранные языки в школе. – 1970. №1. – С. 20–27.

285. Шмелева Т. В. Кодекс речевого поведения / Т. В. Шмелева // Русский язык за рубежом. – 1983. № 1. – С. 72–77.

286. Шмелева Т. В. Модель речевого жанра / Т. В. Шмелева // Жанры речи. – Саратов: Колледж, 1997. – № 1. – С. 88–99.

287. Шохин В. К. Аксиология / В. К. Шохин // Новая философская энциклопедия. В 4 т. Т. 1. / Институт философии РАН, Нац. общ.-научн. фонд; Научно-ред. Совет. – Москва : Мысль, 2010. – С. 62–67.

288. Шулежкова С. Г. Объект фразеологии в условиях полипарадигмальности науки о языке / С. Г. Шулежкова // Язык, сознание, коммуникация : сб. ст. / отв. ред. сер. В. В. Красных, А. И. Изотов. – Москва : МАКС Пресс, 2016. – Вып. 53. – С. 374–383.

289. Шулежкова С. Г. Христианские ценности, отраженные фразеологическими средствами в славянских текстах X–XI вв. / С. Г. Шулежкова // Аксиологические аспекты современных филологических исследований. – Екатеринбург : Ажур, 2019. – С. 160–163.

290. Эпштейн М. Н. Афористика / М. Н. Эпштейн // Литературный энциклопедический словарь. – Москва : Советская энциклопедия, 1987. – С. 43–44.

291. Эпштейн М. Н. Скрипторика: Введение в антропологию и персонологию письма / М. Н. Эпштейн // Философские науки. – Москва, 2008. – № 8. – С. 124–146.

292. Эффективность коммуникации: понятие, роль адресанта и адресата, основные приемы ее достижения : монография / под ред. О. Б. Сиротининой, М. А.

Кормилициной. – Саратов : Наука, 2019. – 236 с.

293. Brown P. Politeness: Some Universals in Language Usage / P. Brown P, S. Levinson. – Cambridge : Cambridge University Press, 1987. – 345 p.

294. Leech G. N. Principles of pragmatics / G. N. Leech. – London : Longman, 1983. – 250 p.

295. Wierzbicka A. Lexicography and Conceptual Analysis / A. Wierzbicka. – Ann Arbor : Karoma, Publishers, Inc., 1985. – 368 p.

296. Cao Đình Tú. Góp ý kiến về phân biệt thành ngữ với tục ngữ / Cao Đình Tú // Ngôn ngữ. – Hà Nội, 1973. – № 1. – Tr. 39–43.

297. Doãn Chính. Lịch sử tư tưởng triết học Việt Nam từ thời kỳ dựng nước đến đầu thế kỷ XX / Doãn Chính. – Hà Nội, Chính trị quốc gia – Sự thật, 2013. – 1051 tr.

298. Dương Quảng Hàm. Việt Nam văn học sử yếu / Dương Quảng Hàm. – Hà Nội : Giáo dục, 1951. – 463 tr.

299. Hoàng Văn Hành. Kể chuyện thành ngữ, tục ngữ / Hoàng Văn Hành. – Hà Nội : KHXH, 1994. – 382 tr.

300. Mai Ngọc Chừ. Cơ sở ngôn ngữ học và tiếng Việt / Mai Ngọc Chừ, Vũ Đức Nghiệu, Hoàng Trọng Phiến. – Hà Nội : Giáo dục, 2001. – 152 tr.

301. Ngô Đức Thịnh. Bảo tồn, làm giàu và phát huy các giá trị văn hóa truyền thống Việt Nam trong đổi mới và hội nhập / Ngô Đức Thịnh. – Hà Nội : Khoa học Xã hội, 2010. – 299 tr.

302. Ngô Đức Thịnh. Hệ giá trị văn hóa Việt Nam / Ngô Đức Thịnh. – Hà Nội : Tri Thức, 2019. – 399 tr.

303. Nguyễn Quang Ngọc. Tiến trình lịch sử Việt Nam / Nguyễn Quang Ngọc. Hà Nội : Giáo dục, 2007. – 400 tr.

304. Nguyễn Thiện Giáp. Thành ngữ // Từ vựng học tiếng Việt. – Hà Nội : NXB Giáo dục, 2010. – Tr. 77–86.

305. Nguyễn Xuân Hòa. Vai trò của tri thức nền trong việc nghiên cứu đối chiếu thành ngữ / Nguyễn Xuân Hòa // Văn hóa dân gian. – № 4(44). – Hà Nội, 1993. – Tr. 52–56.

306. Nguyễn Văn Ngọc. Tục ngữ phong dao / Nguyễn Văn Ngọc. – Hà Nội : Văn

học, 2017. – 699 tr.

307. Nguyễn Văn Mệnh. Về ranh giới giữa thành ngữ và tục ngữ / Nguyễn Văn Mệnh // Ngôn ngữ. – Số 3. – Hà Nội, 1972. – Tr. 13.

308. Nguyễn Văn Tu. Từ vựng học tiếng Việt hiện đại / Nguyễn Văn Tu. – Hà Nội : Nxb Giáo dục, 1968. – 303 tr.

309. Phạm Minh Hạc. Giá trị học: Cơ sở lý luận góp phần đúc kết, xây dựng giá trị chung của người Việt Nam thời nay / Phạm Minh Hạc. – Hà Nội : Dân trí, 2012. – 347 tr.

310. Phan Ngọc. Bản sắc văn hóa Việt Nam / Phan Ngọc. Hà Nội : Văn hóa-Thông tin, 1999. – 580 tr.

311. Trần Ngọc Thêm. Hệ giá trị Việt Nam từ truyền thống đến hiện đại và con đường tới tương lai / Trần Ngọc Thêm. – Hồ Chí Minh : Văn hóa-Văn nghệ, 2016. – 568 tr.

312. Trần Văn Giàu. Giá trị tinh thần truyền thống của dân tộc Việt Nam / Trần Văn Giàu. – Hà Nội : Khoa học xã hội, 1980. – 475 tr.

Приложение к главе 3. Указатель имен¹

- Агацарский Г. Г.* (род. в 1968 г.) – российский афорист.
- Аксаков И. С.* (1823–1886) – русский публицист, поэт.
- Александров В.* – русский афорист.
- Алексеев М. Н.* (1918–2007) – русский писатель, общественный деятель.
- Алексиевич С. А.* (род. в 1948 г.) – советская и белорусская писательница.
- Алексин А. Г.* (1924–2017) – русский писатель, сценарист, драматург.
- Андреев Л. Н.* (1871–1919) – русский писатель.
- Анитов Н. М, Осокин А. Н* – русские эстрадные драматурги.
- Ахматова А. А.* (1889–1966) – русская поэтесса.
- Баратынский Е. А.* (1800–1844) – русский поэт.
- Белинский В. Г.* (1811–1848) – русский литературный критик.
- Бенедиктов В. Г.* (1807–1873) – русский поэт.
- Бердяев Н. А* (1874–1948) – русский философ
- Бестужев-Марлинский А. А.* (1797–1837) – русский писатель, декабрист.
- Борисов В. В.* (род. в 1948 г.) – советский и российский актер.
- Булгаков М. А.* (1891–1940) – русский писатель.
- Валяева К. В.* – русская женщина-афорист.
- Вересаев В. В.* (1867–1945) – русский писатель.
- Виноградов В. В.* (1895–1969) – русский лингвист-русист и литературовед.
- Войнович В. Н.* (1932–2018) – русский прозаик, поэт, драматург.
- Высоцкий В. С.* (138–1980) – русский поэт, бард, актер.
- Генин М. Я.* (род. в 1976 г.) – российский журналист, предприниматель.
- Герцен А. И.* (1812–1870) – русский писатель, публицист.
- Гоголь Н. В.* (1809–1852) – русский писатель.
- Гончаров И. А.* (1812–1891) – русский писатель.
- Горький А. М.* (1868–1936) – русский писатель.

¹ При составлении Указателя имен использованы следующие источники: [Балакай 2002; РА; СА 2004]

- Грекова И.* (1907–2002) – Е. С. Вентцель, русская писательница.
- Грибоедов А. С.* (1795–1829) – русский драматург, поэт, дипломат.
- Даль В. И.* (1801–1872) – русский этнограф, лексикограф, писатель.
- Державин Г. Р.* (1743–1816) – русский поэт эпохи Просвещения.
- Добролюбов Н. А.* (1836–1861) – русский литературный критик, публицист.
- Довлатов С. Д.* (1941–1990) – русский писатель.
- Достоевский Ф. М.* (1821–1881) – русский писатель.
- Екатерина II* (1762–1796) – российская императрица.
- Есенин С. А.* (1895–1925) – русский поэт.
- Жванецкий М. М.* (род. в 1934 г.) – русский писатель-сатирик.
- Иванюк И.* – русский афорист.
- Искандер Ф. А.* (1929–2016) – русский писатель.
- Каледин А. М.* (1861–1918) – русский военачальник.
- Кантемир А. Д.* (1708–1744) – князь, русский поэт-сатирик.
- Карамзин Н. М.* (1766–1826) – историк, русский литератор.
- Капиев Э. М.* (1909–1944) – дагестанский советский прозаик, литературовед, публицист, поэт.
- Кащеев Е.* – русский писатель
- Ключевский В. О.* (1841–1911) – русский историк.
- Короленко В. Г.* (1853–1921) – русский писатель.
- Кропоткин К. А.* (1842–1921) – русский географ, геолог.
- Кроткий Э.* (1892–1963) – русский поэт, сатирик.
- Круглов А. В.* (1852–1915) – русский писатель, поэт.
- Крылов И. А.* (1769–1844) – русский баснописец.
- Кузнецов Б. Г.* (1903–1984) – российский философ и историк.
- Куприн А. И.* (1870–1938) – русский писатель.
- Кушнер А. С.* (род. в 1936 г.) – русский поэт.
- Ландау Л. Д.* (1908–1968) – советский физик-теоретик.
- Ленин В. И.* (В. И. Ульянов, 1870–1924) – русский политический и государственный деятель.

- Леонов Л. М.* (1899–1996) – русский писатель.
- Лермонтов М. Ю.* (1814–1841) – русский поэт.
- Лихачев Д. С.* (1906–1999) – академик, историк русской культуры.
- Ломоносов М. В.* (1711–1765) – русский ученый-естествоиспытатель.
- Малкин Г. Е.* (?–?) – российский и израильский писатель-юморист
- Мамчич М. М.* (род. в 1964 г) – русский афорист и финансист.
- Маяковский В. В.* (1893–1984) – русский поэт.
- Мелихан К. С.* (род. в 1952 г.) – российский писатель.
- Михальцев В. Е.* (1887–1960) – российский ученый.
- Можжаев Б. А.* (1923–1996) – русский писатель.
- Одоевский В. Ф.* (1803–1869) – князь, русский писатель, философ, музыкант.
- Окуджава Б. III.* (1924–1997) – российский поэт, бард, прозаик.
- Островский А. Н.* (1823–1886) – русский драматург.
- Островский Н. А.* (1904–1936) – русский писатель.
- Павлов И. П.* (1849–1936) – русский ученый, физиолог.
- Паустовский К. Г.* (1892–1968) – русский писатель.
- Петр I* (1672–1725) – российский император.
- Писарев Д. И.* (1840–1868) – русский публицист, литературный критик
- Победоносцев К. П.* (1827–1907) – русский правовед, государственный деятель, писатель.
- Подводный А.* (род. в 1953 г.) – российский писатель-эзотерик, философ.
- Поляков Ю. М.* (род. в 1954 г.) – русский писатель, поэт, драматург.
- Пришвин М. М.* (1873–1954) – русский писатель.
- Прутков К. П.* – коллективный псевдоним четверых: поэт А. Толстой, братья Алексей, Владимир и Александр Жемчужниковы.
- Пушкин А. С.* (1799–1837) – русский поэт.
- Радаков А. А.* (1879–1942) – российский художник-карикатурист.
- Рубинштейн А. Г.* (1829–1894) – русский композитор, пианист, дирижёр, музыкальный педагог.
- Рыбаков А. Н.* (1911–1998) – русский писатель.

Салтыков-Щедрин М. Е. (1826–1899) – русский писатель.

Скоблов Е. М. (род. в 1961 г.) – русский прозаик.

Солженицын А. И. (1918–2008) – русский писатель, драматург.

Солоухин В. А. (1924–1997) – русский писатель.

Станиславский К. С. (1863–1938) – русский театральный режиссер, актер.

Сухоруков Л. С. (1945–2014) – советский и украинский писатель.

Толстой А. К. (1817–1875) – русский писатель, поэт и драматург.

Толстой А. Н. (1882–1945) – русский писатель.

Толстой Л. Н. (1828–1910) – русский писатель.

Топорищев Ф. Е. – русский афорист, публицист.

Тургенев И. С. (1818–1883) – русский писатель.

Туровский В. Л. – русский афорист.

Тютчев Ф. И. (1803–1873) – русский лирик, поэт-мыслитель.

Ушинский К. Д. (1823–1871) – русский писатель, педагог, основоположник научной педагогики в России.

Фаткудинов З. М. (1940–2019) – российский юрист, писатель, афорист.

Федин К. А. (1892–1977) – русский писатель.

Фурманов Д. А. (1891–1926) – советский писатель-прозаик, революционер, военный и политический деятель.

Чаадаев П. Я. (1794–1856) – русский философ, публицист.

Чернышевский Н. Г. (1828–1889) – русский писатель, революционер.

Чехов А. П. (1860–1904) – русский писатель.

Шевелев И. Н. – русский ученый, афорист.

Шелгунов Н. В. (1824–1891) – русский публицист, литературный критик.

Шолохов М. А. (1905–1984) – русский писатель.

Nam Cao (1915–1951) – вьетнамский писатель.

Nguyễn Mạnh Tuấn (род. в 1945 г.) – вьетнамский писатель, драматург.

Xiân Diêu (1916–1985) – вьетнамский поэт.

Хо Ши Мин (вьет. Hồ Chí Minh, 1890–1969) – вьетнамский политический и государственный деятель, писатель, поэт.